

INTERNATIONAL LAW JOURNAL

2021, Том 4, №5

Подписано к публикации: 05.09.2021

Главный редактор журнала

Серебренникова Анна Валерьевна
доктор юридических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Абшилава Георгий Валерьянович (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор
Авакян Рубен Осипович (Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор
Айбатов Магомеднаби Магомедмизроевич (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Белоцеркович Денис Валерьевич (РФ, г. Хабаровск) – кандидат юридических наук, доцент
Бирюков Павел Николаевич (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Василевич Григорий Алексеевич (Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Сергей Владимирович (РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Федор Петрович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Власов Анатолий Александрович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Глебов Игорь Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Гомонов Николай Дмитриевич (РФ, г. Мурманск) – доктор юридических наук, профессор
Громов Владимир Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Джалилов Эльвис Алимович (РФ, г. Тольятти) – кандидат юридических наук, доцент
Духно Николай Алексеевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Жамулдинов Виктор Николаевич (Казахстан, г. Павлодар) – кандидат юридических наук, доцент
Захарова Светлана Александровна (РФ, Екатеринбург) – кандидат юридических наук, доцент
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович (Казахстан, г. Астана) – доктор юридических наук, профессор
Исламов Хайям Джасбариш (Азербайджан, г. Баку) – доктор юридических наук, профессор
Карасев Анатолий Тиханович (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, профессор
Кириллова Ирина Александровна (РФ, г. Курск) – кандидат юридических наук, доцент
Коваленко Вадим Николаевич (РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор
Кожевников Олег Александрович (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Кокоева Луиза Темблатовна (РФ, г. Пятигорск) – доктор юридических наук, профессор
Коршунова Ольга Николаевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор
Лазарева Лариса Владимировна (РФ, г. Владивосток) – доктор юридических наук, профессор
Машовец Асия Океановна (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Николай Николаевич (РФ, г. Орёл) – доктор юридических наук, доцент
Минязева Татьяна Федоровна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Миронов Анатолий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Михайлова Екатерина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Мишина Наталья Вячеславовна (РФ, г. Москва) – доктор политических наук, доцент
Мустафаева Айтен Инглаб (Азербайджан, г. Баку) – доктор юридических наук, профессор
Небратенко Геннадий Геннадьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Николайченко Виктор Викторович (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор,
Остапович Игорь Юрьевич (РФ, г. Барнаул) – доктор юридических наук, доцент
Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Русинова Вера Николаевна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Сумачев Алексей Витальевич (РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор
Усенинова Гюльнара Рахимжановна (Казахстан, г. Алматы) – доктор юридических наук, профессор
Халифаева Анжела Курбановна (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Числов Александр Иванович (РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор
Файзиев Шохруд Фармонович (Узбекистан, г. Ташкент) – кандидат юридических наук, доцент
Флоря Евгений Константинович (Молдова, г. Кишинев) – кандидат юридических наук, доцент
Шатковская Татьяна Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Шошин Сергей Владимирович (РФ, г. Саратов) – кандидат юридических наук, доцент

«International Law Journal» включен в список ВАК с 25.12.2020г., РИНЦ (Elibrary.ru)

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-78049 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2658-5693 (online)

E-mail: law@dgpu-journals.ru

Сайт: <http://ilj-journal.ru>

© International Law Journal, 2021

Содержание

Власова Н.В. ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИНДЕКСА КАЧЕСТВА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В ЧАСТИ ДОСТУПНОСТИ ОБЪЕКТОВ И УСЛУГ ДЛЯ МАЛОМОБИЛЬНЫХ ГРАЖДАН	9-13
Адыгезалова Г.Э., Ковалева Ю.Н. ЖИЗНЬ ПРАВА В 2021 ГОДУ (ОБЗОРНАЯ СТАТЬЯ ПО МАТЕРИАЛАМ КОНФЕРЕНЦИИ)	14-19
Виннер Э.Р. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗЛОСТНОЕ УКЛОНЕНИЕ ОТ ОПЛАТЫ ЦЕННЫХ БУМАГ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	20-25
Мазуренко М.А. О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ СУДЬБЕ ДОКУМЕНТОВ, ПОСТУПИВШИХ В АБИТРАЖНЫЙ СУД ПОСЛЕ ОГЛАШЕНИЯ РЕЗОЛЮТИВНОЙ ЧАСТИ РЕШЕНИЯ	26-30
Ашурбекова А.Ф. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ЧАСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ БРЕМЕНИ ДОКАЗЫВАНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	31-38
Бадгаева В.Б., Помазанов В.В. ОТКРЫТОЕ ХИЩЕНИЕ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА: ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	39-42
Власова Н.В. ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОЗКИ ГРАЖДАН ПРИ ОКАЗАНИИ ИМ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ	43-47
Гончаров Р.В. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ. ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ПРОЦЕССЕ	48-54
Дашкова А.С. МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ, РЕАЛИЗАЦИИ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ	55-59
Мифтихов Р.Х., Мифтихова Э.Р. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	60-64
Саломатин А.А. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАВЕНСТВА ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ НА МУНИЦИПАЛЬНУЮ СЛУЖБУ	65-67
Цветикова Т.В. ВОЗМОЖНОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ АДЕКВАТНОГО ПОНЯТИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ У ЛИЦ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ	68-75

Веселов В.В. ХИЩЕНИЕ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ, КВАЛИФИКАЦИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ	76-78
Габуния Г.Б. РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОХРАНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ КАК ЧАСТИЧНО ПРИЗНАННОГО ГОСУДАРСТВА	79-82
Гунашвили Т.Т. ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ КОНСТРУКЦИИ ДОГОВОРА УСЛОВНОГО ДЕПОНИРОВАНИЯ (ЭСКРОУ) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	83-87
Данько В.А. ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВУ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ	88-93
Медведева А.А., Зорина Е.А., Прокофьев С.М. ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН	94-100
Ткаченко С.В. ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО В МЕХАНИЗМЕ РЕЦЕПЦИИ ПРАВА	101-105
Шульга Д.И. РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И НАКАЗАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	106-109
Гатауллин З.Ш. ПРОБЛЕМЫ СОСТАЗАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ	110-113
Крымов А.В. МЮРРЕЙ БУКЧИН О ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕРАВЕНСТВА	114-119
Кужеков А.Ю., Абрахеева Д.В. К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ РЕЛИГИОЗНЫХ НОРМ НА НРАВЫ В ОБЩЕСТВЕ	120-121
Ломакина А.А. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ, ОБРАЩАЕМЫХ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ НА ПРИМЕРЕ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА	122-128
Пантелеев В.В. ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ	129-132
Акимжанов Е.С. АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕТОДЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В КАЗАХСТАНЕ	133-138

Анянова Е.С.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УТИЛИЗАЦИИ СУДОВ

139-144

Высокинский Л.А., Могилевский С.Д.

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОГОВОРНОЙ РАБОТЫ АВТОНОМНОЙ
НЕКОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ЦЕЛЯХ ПРОВЕДЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ СТУДЕНЧЕСКИХ ИГР – УНИВЕРСИАДЫ

2023 В Г. ЕКАТЕРИНБУРГ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

145-150

Козлов И.А.

ДОКТРИНА УТРАТЫ ШАНСА: ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ КОНЦЕПЦИИ
НА ОСНОВЕ ОБЗОРА МОДЕЛЬНЫХ КАЗУСОВ

151-156

Матюхин О.И

К ВОПРОСУ О РОЛИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ОБЕСПЕЧЕНИИ
ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ОБЪЕКТАХ
ВОЗДУШНОГО ТРАНСПОРТА

157-162

Нарядников В.Н.

СОБИРАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ АДВОКАТОМ-ЗАЩИТНИКОМ ПО
УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ С ПОМОЩЬЮ ЧАСТНОГО ДЕТЕКТИВА

163-168

Contents

Vlasova N.V. ISSUES OF DETERMINING THE URBAN ENVIRONMENT QUALITY INDEX IN TERMS OF ACCESSIBILITY OF FACILITIES AND SERVICES FOR PEOPLE WITH LIMITED MOBILITY	9-13
Adygezalova G.E., Kovaleva Yu.N. LIFE OF LAW IN 2021 (REVIEW ON CONFERENCE MATERIALS)	14-19
Vinner E.R. RESPONSIBILITY FOR EVASION FROM SECURITIES PAYMENT IN THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION	20-25
Mazurenko M.A. ON THE PROCEDURAL FATE OF THE DOCUMENTS FROM THE ARBITRATION COURT AFTER THE DISCLOSURE OF THE RESOLUTIONARY PART OF THE DECISION	26-30
Ashurbekova A.F. PROCEDURAL FEATURES OF CONSIDERATION OF CONSUMER PROTECTION CASES IN TERMS OF PROOF AND DISTRIBUTION OF THE BURDEN OF PROOF: THEORY AND PRACTICE	31-38
Badgaeva V.B., Pomazanov V.V. OPEN THEFT OF SOMEONE ELSE'S PROPERTY: OBJECTIVE SIGNS OF A CRIME	39-42
Vlasova N.V. LEGAL ISSUES OF TRANSPORTATION OF CITIZENS WHEN PROVIDING THEM WITH CERTAIN TYPES OF MEDICAL CARE	43-47
Goncharov R.V. PROCEDURAL ASPECTS OF USING ELECTRONIC DOCUMENTATION. PROBLEMS OF LEGITIMIZING ELECTRONIC EVIDENCE IN THE PROCESS	48-54
Dashkova A.S. FRAUDLENCE IN THE FIELD OF PURCHASING, REALIZATION AND USAGE OF VEHICLES	55-59
Miftyakhov R.H., Miftyakhova E.R. ACTUAL PROBLEMS IN THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES OF THE RUSSIAN FEDERATION	60-64
Salomatin A.A. CONSTITUTIONAL AND LEGAL MECHANISMS FOR ENSURING EQUALITY WHEN ENTERING THE MUNICIPAL SERVICE	65-67
Tsvetikova T.V. THE POSSIBILITY OF FORMING AN ADEQUATE UNDERSTANDING OF THE LEGAL CULTURE BY PERSONS WITH DEVIANT BEHAVIOR	68-75

Veselov V.V. EMBEZZLEMENT OF BUDGET FUNDS, QUALIFICATION AND RESPONSIBILITY	76-78
Gabunia G.B. DEVELOPMENT OF ECONOMIC COOPERATION BETWEEN THE REPUBLIC OF ABKHAZIA AND THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONDITIONS OF PRESERVING THE INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF THE REPUBLIC OF ABKHAZIA AS A PARTIALLY RECOGNIZED STATE	79-82
Gunashvili T.T. PROSPECTS FOR DEVELOPMENT OF CONSTRUCTION OF CONDITIONAL DEPOSITION AGREEMENT (ESCROW) IN THE RUSSIAN FEDERATION	83-87
Danko V.A. SPECIFIC FEATURES OF COUNTERING BRIBERY IN THE MOSCOW STATE	88-93
Medvedeva A.A., Zorina E.A., Prokof'eva S.M. EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY IN EUROPEAN CRIMINAL LAW	94-100
Tkachenko S.V. LAWMAKING IN THE MECHANISM OF RECEPTION OF LAW	101-105
Shulga D.I. DEVELOPMENT OF CONCEPTUAL PROVISIONS DETERMINING CRIMINAL LIABILITY AND PUNISHMENT OF MINORS	106-109
Gataullin Z.Sh. PROBLEMS OF THE ADVERSARIAL PROCESS IN CASES OF TERRORIST CRIMES	110-113
Krymov A.V. MURRAY BOOKCHIN ON THE PROBLEM OF THE EMERGENCE OF INEQUALITY	114-119
Kuzhekov A.Yu., Abrazheeva D.V. ON THE QUESTION OF THE INFLUENCE OF RELIGIOUS NORMS ON THE MORALS IN SOCIETY	120-121
Lomakina A.A. LEGAL SUPPORT OF THE SAFETY OF MEDICINAL PRODUCTS CIRCULATING ON THE RUSSIAN MARKET ON THE EXAMPLE OF PARALLEL IMPORTS	122-128
Panteleev V.V. PROBLEMS OF APPLICATION AND IMPROVEMENT OF DELIVERY AGREEMENT	129-132
Akimzhanov E.S. ADMINISTRATIVE AND LEGAL METHODS OF PREVENTION AND SUPPRESSION OF DOMESTIC VIOLENCE IN KAZAKHSTAN	133-138

Anyanova E.S.

INTERNATIONAL LEGAL PROBLEMS OF THE
UTILIZATION OF THE VESSELS

139-144

Vysokinsky L.A., Mogilevsky S.D.

PRACTICAL ASPECTS OF THE CONTRACTUAL WORK OF AN
AUTONOMOUS NON-PROFIT ORGANIZATION FOR THE PURPOSE
OF THE INTERNATIONAL STUDENT GAMES – UNIVERSIADE
2023 IN YEKATERINBURG: LEGAL ANALYSIS

145-150

Kozlov I.A.

THE LOSS OF CHANCE DOCTRINE: AN OVERVIEW OF THE
CONCEPT BASED ON A REVIEW OF MODEL CASES

151-156

Matyukhin O.I.

ON THE ISSUE OF THE ROLE OF INTERNAL AFFAIRS BODIES
IN ENSURING TRANSPORT SECURITY AT AIR TRANSPORT FACILITIES

157-162

Naryadchikov V.N.

COLLECTION OF EVIDENCE BY A CRIMINAL LAWYER
WITH THE HELP OF A PRIVATE DETECTIVE

163-168

**ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИНДЕКСА КАЧЕСТВА ГОРОДСКОЙ
СРЕДЫ В ЧАСТИ ДОСТУПНОСТИ ОБЪЕКТОВ И
УСЛУГ ДЛЯ МАЛОМОБИЛЬНЫХ ГРАЖДАН**

**Власова Н.В., аспирант,
Тольяттинский государственный университет**

Аннотация: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» стал одним из основополагающих документов введения новой системы национальных проектов в Российской Федерации.

Системный подход для достижения таких глобальных целей как увеличение численности населения, повышение уровня жизни граждан, создание комфортных условий для проживания, возможностей для самореализации, безусловно, является верным.

Названным Указом был дан ряд поручений Правительству Российской Федерации, в том числе определяющих необходимость обеспечения при разработке национального проекта в сфере жилья и городской среды достижения таких целей как кардинальное повышение комфортности городской среды и создание механизма прямого участия граждан в ее формировании.

Данные цели предложено достигать, в том числе, через решение такой задачи как создание механизмов развития комфортной городской среды, комплексного развития городов и других населенных пунктов с учетом индекса качества городской среды.

В целях реализации положений Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2018 №204 распоряжением Правительства Российской Федерации от 23.03.2019 №510-р была утверждена Методика формирования индекса качества городской среды.

Вместе с тем, на практике возникают спорные моменты при определении значения индикаторов индекса качества городской среды, связанных с доступностью объектов и услуг для маломобильных граждан, хотя данное направление является одним из самых показательных.

Ключевые слова: индекс качества городской среды, сервисы, способствующие повышению комфортности жизни маломобильных групп населения в городе, вопросы социальной поддержки, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, инвалиды, маломобильные граждане

**ISSUES OF DETERMINING THE URBAN ENVIRONMENT QUALITY INDEX
IN TERMS OF ACCESSIBILITY OF FACILITIES AND SERVICES
FOR PEOPLE WITH LIMITED MOBILITY**

**Vlasova N.V., Postgraduate,
Togliatti State University**

Abstract: Decree of the President of the Russian Federation No. 204 of 07.05.2018 "On national goals and strategic tasks for the development of the Russian Federation for the period up to 2024" has become one of the fundamental documents for the introduction of a new system of national projects in the Russian Federation.

A systematic approach to achieving such global goals as increasing the population, improving the standard of living of citizens, creating comfortable living conditions, conditions and opportunities for self-realization is certainly correct.

This Decree gave a number of instructions to the Government of the Russian Federation, including the need to ensure that when developing a national project in the field of housing and the urban environment, such goals as radically improving the comfort of the urban environment, creating a mechanism for direct participation of citizens in its formation are achieved.

These goals are achieved through the solution of such a task as the creation of mechanisms for the development of a comfortable urban environment, integrated development of cities and other settlements, taking into account the index of the quality of the urban environment.

In order to implement the provisions of the Decree of the President of the Russian Federation No. 204 of 07.05.2018, the Order of the Government of the Russian Federation No. 510-r of 23.03.2019 approved the Methodology for forming the urban environment quality index.

At the same time, in practice, there are controversial points when determining the value of the indicators of the urban environment quality index related to the availability of facilities and services for people with limited mobility, although this direction is one of the most indicative.

Keywords: *index of the quality of the urban environment, services that contribute to improving the comfort of life of low-mobility groups of the population in the city, issues of social support, state authorities of the subjects of the Russian Federation, local self-government bodies, disabled people, low-mobility citizens*

Методика формирования индекса качества городской среды была утверждена 23.03.2019 [6]. Вместе с тем, за достаточно короткий срок ее действия в нее уже дважды вносились масштабные изменения, направленные на корректное определение и единый подход для установления значения соответствующих индикаторов (показателей) городами [7, 8].

Достижение наивысшего значения отдельных видов индикаторов (показателей) не всегда является понятным и, возможно, справедливым.

Для примера можно привести индикатор, связанный с определением доли объектов культурного наследия [6, 10]. С учетом положений соответствующего Федерального закона, устанавливающего понятие и процедуру признания объекта объектом культурного наследия [3], легко можно прийти к выводу о том, что не все города будут в одинаковых условиях при определении значения данного индикатора.

Учитывая, что доступность объектов и услуг для маломобильных граждан является одним из самых показательных направлений комфорtnости городской среды, предлагается остановиться на некоторых вопросах корректного определения значения индикаторов индекса качества городской среды в этой сфере отношений.

Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» прямо устанавливает, что расходными обязательствами Российской Федерации, субъектов Российской Федерации являются меры социальной защиты инвалидов [1, 5].

Решение вопросов социального обслуживания и социальной поддержки населения также законодательно отнесено к полномочиям субъектов Российской Федерации (пп. 24 п. 2 ст. 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [2]).

25.01.2021 Приказом №30 Росстата утверждена отдельная форма для определения индекса качества городской среды в разрезе городов [11].

Одним из важнейших и социально значимых индикаторов указанной формы, безусловно, можно выделить – количество сервисов в городе, способствующих повышению комфорtnости жизни маломобильных групп населения.

В логическое развитие названного приказа [11] 11.07.2019 Министром России был издан приказ №397/пр [9], которым был определен перечень из 18 таких сервисов для определения значения указанного выше индикатора.

Оба приказа и уточняющие методики [6, 8, 9, 10, 11] устанавливают, что при определении значения соответствующих показателей администрациями населенных пунктов учитываются, в том числе, сведения об объектах (сервисах, услугах), находящихся, помимо муниципальной, также в государственной и частной собственности (т.е. предоставляемых государственными учреждениями (предприятиями) и частными организациями).

Поскольку речь идет непосредственно о городской среде, основные обязанности по определению соответствующих индикаторов исполняются органами местного самоуправления.

Приказ №397/пр в этом отношении является наиболее показательным, поскольку оказание подавляющего большинства указанных в нем сервисов не относится к компетенции органов местного самоуправления (для наглядности учету, например, подлежат оснащенные специальным оборудованием кинотеатры, которые могут удовлетворить при показе кинофильмов потребности лиц с ограниченными возможностями здоровья (в том числе слабослышащих, слабовидящих граждан [9]).

Вместе с тем, органы местного самоуправления при сборе данной информации не могут обязать указанные выше организации для ее безусловного предоставления в виду отсутствия властно-распорядительных полномочий по данному направлению деятельности [4].

Принимая во внимание изложенное, необходимо выразить опасение о существовании возможности искажения значения отдельных индикаторов именно по причине того, что органы местного самоуправления не обладают полной информацией в отношении объектов и предоставляемых на них услугах государственными и частными организациями в силу отсутствия соответствующих полномочий, включая возможную неоднозначность расчета показателя различными муниципальными образованиями.

С учетом установленной компетенции по данному вопросу его решением могло бы стать централизованное формирование информации от государственных и частных структур по соответствующей территории органами государственной власти субъекта Российской Федерации.

Говоря о приказе №397/пр [9], необходимо также отметить, что он не отражает возмездность предоставляемых сервисов для инвалида.

Изложенное может привести к тому, что с одной стороны в городском пространстве могут существовать все 18 установленных сервисов, но с другой стороны они могут быть не востребованы, например, ввиду размера стоимости соответствующих услуг и непосредственно реального дохода их предполагаемых получателей. Решением вопроса исключения данного момента может являться ведение доступной ценовой политики по таким услугам.

На неоднозначность расчета показателя, определяющего количество объектов инфраструктуры, на которых созданы условия доступности для маломобильных граждан [6, 8, 10, 11], также может влиять различный подход к нормативному определению понятия «объекты», в частности, виды объектов подлежащих к учету инфраструктур указаны:

- в ст. 15 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [1, 5];
- в Приказе №30 [11];

- в региональных нормативных правовых актах (к примеру – ст. 2, 4 Закона Самарской области «Об обеспечении беспрепятственного доступа маломобильных граждан к объектам социальной, транспортной и инженерной инфраструктур, информации и связи в Самарской области» [12]).

Также, например, при регистрации объектов в специализированных государственных информационных системах [13] выработалась практика, согласно которой они учитываются исходя из совокупности следующих параметров: наличие отдельного входа и организации, предоставляющей услуги, расположенной на данном объекте; при этом, при расположении в одном здании двух и более организаций, каждая из них рассматривается как самостоятельный объект социальной инфраструктуры.

Принимая во внимание указанное выше, можно прийти к выводу о том, что в настоящее время отсутствует однозначный подход к формированию значения составного индикатора индекса качества городской среды по определению общего количества объектов городской инфраструктуры, включая случай, если в одном здании, например, размещено несколько организаций, предоставляющих услуги населению.

Необходимо отметить, что в отдельных регионах Российской Федерации на постоянной основе формируются перечни приоритетных социально значимых объектов [14г].

Данные перечни имеют четко определенное количество объектов и информацию об их доступности, а также используются при решении вопроса выделения федерального финансирования в целях повышения доступности таких объектов для инвалидов.

Таким образом, возможным решением вопроса корректного определения показателя, определяющего количество объектов инфраструктуры, на которых созданы условия доступности для маломобильных граждан, может стать введение в городах на всей территории Российской Федерации подобных перечней с поэтапным повышением числа объектов, входящих в их состав.

Изложенное позволило бы и ввести единый подход к учету объектов инфраструктуры, и планово увеличить их доступность для маломобильных граждан.

Необходимо отметить, что Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» прямо обязывает все органы и организации независимо от их организационно-правовых форм обеспечивать условия для беспрепятственного доступа инвалидов к объектам и к предоставляемым в них услугам [1, 5].

Таким образом, обеспечение доступности для маломобильных граждан объектов и услуг должно осуществляться всеми органами, организациями, и через успех данного направления деятельности, безусловно, в целом будет достигаться комфортность городской среды.

Литература

1. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 27.11.1995. № 48. ст. 4563; Российская газета. № 234. 02.12.1995.
2. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 18.10.1999. № 42. ст. 5005; Российская газета. № 206. 19.10.1999.
3. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Парламентская газета. № 120-121. 29.06.2002; Российская газета. № 116-117. 29.06.2002; Собрание законодательства РФ. 01.07.2002. № 26 ст. 2519.

4. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 06.10.2003. № 40. ст. 3822.

5. Федеральный закон от 01.12.2014 № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 02.12.2014; Российская газета. № 278. 05.12.2014; Собрание законодательства РФ. 08.12.2014. № 49 (часть VI). ст. 6928.

6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.03.2019 № 510-р «Об утверждении Методики формирования индекса качества городской среды» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 26.03.2019; Собрание законодательства РФ. 01.04.2019. № 13. ст. 1453.

7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.11.2019 № 2625-р «О внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.03.2019 № 510-р» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 08.11.2019; Собрание законодательства РФ. 11.11.2019. № 45. ст. 6403.

8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.12.2020 № 3673-р «О внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.03.2019 № 510-р» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 31.12.2020; Собрание законодательства РФ. 11.01.2021. № 2 (Часть II). ст. 500.

9. Приказ Минстроя России от 11.07.2019 № 397/пр «О сервисах, способствующих повышению комфорта жизни маломобильных групп населения в городе, данные о которых учитываются при формировании Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации индикатора "Количество сервисов в городе, способствующих повышению комфорта жизни маломобильных групп населения" для расчета индекса качества городской среды» // Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

10. Приказ Минстроя России от 31.10.2017 № 1494/пр «Об утверждении Методики определения индекса качества городской среды муниципальных образований Российской Федерации» // Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

11. Приказ Росстата от 25.01.2021 № 30 «Об утверждении формы федерального статистического наблюдения с указаниями по ее заполнению для организации Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации федерального статистического наблюдения об индексе качества городской среды» // Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

12. Закон Самарской области от 10.02.2009 № 7-ГД «Об обеспечении беспрепятственного доступа маломобильных граждан к объектам социальной, транспортной и инженерной инфраструктур, информации и связи в Самарской области» // Волжская Коммуна. № 47. 12.02.2009.

13. Постановление Правительства Самарской области от 23.07.2015 № 454 «О государственной информационной системе Самарской области "Геоинформационная система "Доступная среда"» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 28.07.2015.

14. Постановление Правительства Самарской области от 30.09.2016 № 563 «О проведении паспортизации объектов социальной и инженерной инфраструктур в приоритетных сферах жизнедеятельности инвалидов и других маломобильных групп населения» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 07.10.2016

References

1. Federal'nyj zakon ot 24.11.1995 № 181-FZ «O social'noj zashchite invalidov v Rossijskoj Federacii». Sobranie zakonodatel'stva RF. 27.11.1995. № 48. st. 4563; Rossijskaya gazeta. № 234. 02.12.1995.
2. Federal'nyj zakon ot 06.10.1999 № 184-FZ «Ob obshchih principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti sub"ektov Rossijskoj Federacii». Sobranie zakonodatel'stva RF. 18.10.1999. № 42. st. 5005; Rossijskaya gazeta. № 206. 19.10.1999.
3. Federal'nyj zakon ot 25.06.2002 № 73-FZ «Ob ob'ektah kul'turnogo naslediya (pamyatnikah istorii i kul'tury) narodov Rossijskoj Federacii». Parlamentskaya gazeta. № 120-121. 29.06.2002; Rossijskaya gazeta. № 116-117. 29.06.2002; Sobranie zakonodatel'stva RF. 01.07.2002. № 26 st. 2519.
4. Federal'nyj zakon ot 06.10.2003 № 131-FZ «Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii». Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 06.10.2003. № 40. st. 3822.

5. Federal'nyj zakon ot 01.12.2014 № 419-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii po voprosam social'noj zashchity invalidov v svyazi s ratifikacijoj Konvencii o pravah invalidov». Oficial'nyj internet-portal pravovoij informacii <http://www.pravo.gov.ru>. 02.12.2014; Rossijskaya gazeta. № 278. 05.12.2014; Sobranie zakonodatel'-stva RF. 08.12.2014. № 49 (chast' VI). st. 6928.

6. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 23.03.2019 № 510-r «Ob utverzhdenii Metodiki formirovaniya indeksa kachestva gorodskoj sredy». Oficial'nyj internet-portal pravovoij informacii <http://www.pravo.gov.ru>. 26.03.2019; Sobranie zakonodatel'stva RF. 01.04.2019. № 13. st. 1453.

7. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 05.11.2019 № 2625-r «O vnesenii izmenenij v rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 23.03.2019 № 510-r». Oficial'nyj internet-portal pravovoij informacii <http://www.pravo.gov.ru>. 08.11.2019; Sobranie zakonodatel'-stva RF. 11.11.2019. № 45. st. 6403.

8. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 30.12.2020 № 3673-r «O vnesenii izmenenij v rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 23.03.2019 № 510-r». Oficial'nyj internet-portal pravovoij informacii <http://www.pravo.gov.ru>. 31.12.2020; Sobranie zakonodatel'-stva RF. 11.01.2021. № 2 (CHast' II). st. 500.

9. Prikaz Minstroya Rossii ot 11.07.2019 № 397/pr «O servisah, sposobstvuyushchih povysheniyu komfortnosti zhizni malomobil'nyh grupp naseleniya v gorode, dannye o kotoryh uchityvayutsya pri formirovaniy Ministerstvom stroitel'stva i zhilishchno-kommunal'nogo hozyajstva Rossijskoj Fe-deracii indikatora "Kolichestvo servisov v gorode, sposobstvuyushchih povysheniyu komfortnosti zhizni malomobil'nyh grupp naseleniya" dlya rascheta indeksa kachestva gorodskoj sredy»». Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz spravochno-pravovoij sistemy «Konsul'tant-Plyus».

10. Prikaz Minstroya Rossii ot 31.10.2017 № 1494/pr «Ob utverzhdenii Metodiki opredeleniya indeksa kachestva gorodskoj sredy municipal'nyh obrazovanij Rossijskoj Federacii». Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz spravochno-pravovoij sistemy «Konsul'tant-Plyus».

11. Prikaz Rosstata ot 25.01.2021 № 30 «Ob utverzhdenii formy federal'nogo statisticheskogo nablyudenija s ukazaniyami po ee zapolneniyu dlya organizacii Ministerstvom stroitel'stva i zhilishchno-kommunal'nogo hozyajstva Rossijskoj Federacii federal'nogo statisticheskogo nablyudenija ob indekse kachestva gorodskoj sredy». Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz spravochno-pravovoij sistemy «Konsul'tant-Plyus».

12. Zakon Samarskoj oblasti ot 10.02.2009 № 7-GD «Ob obespechenii besprepyatstvennogo dostupa malomobil'nyh grazhdan k ob"ektam social'noj, transportnoj i inzhenernoj infrastruktur, informacii i svyazi v Samarskoj oblasti». Volzhskaya Kommuna. № 47. 12.02.2009.

13. Postanovlenie Pravitel'stva Samarskoj oblasti ot 23.07.2015 № 454 «O gosudarstvennoj informacionnoj sisteme Samarskoj oblasti "Geoinformacionnaya sistema "Dostupnaya sreda"». Oficial'nyj internet-portal pravovoij informacii <http://www.pravo.gov.ru>. 28.07.2015.

14. Postanovlenie Pravitel'stva Samarskoj oblasti ot 30.09.2016 № 563 «O provedenii pasportizacii ob"ektov social'noj i inzhenernoj infrastruktur v prioritetnyh sferah zhiznedeya-tel'nosti invalidov i drugih malomobil'nyh grupp naseleniya». Oficial'nyj internet-portal pravovoij informacii <http://www.pravo.gov.ru>. 07.10.2016

**ЖИЗНЬ ПРАВА В 2021 ГОДУ (ОБЗОРНАЯ СТАТЬЯ
ПО МАТЕРИАЛАМ КОНФЕРЕНЦИИ)**

Адыгезалова Г.Э., доктор юридических наук, доцент,
Ковалева Ю.Н., доцент,
Кубанский государственный университет

Аннотация: в статье изложен обзор материалов VI международной научно-практической конференции «Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность», которая прошла на юридическом факультете им. А.А. Хмырова ФГБОУ ВО «Кубанского государственного университета» 19 июня 2021 г. в очно-дистанционном формате участием учёных и практикующих юристов. В статье тезисно представлены наиболее актуальные вопросы теории и истории права, а также современной юридической практики, рассмотренные на конференции. Были освещены такие дискуссионные темы юридической науки, как развитие юридического образования, правовое воспитание и повышение уровня правовой культуры, правогенез и сущность права, роль права в жизни общества, цифровизация права и кибербезопасность, последствия конституционной реформы 2020 г. Соотношение правовой традиции и динамично меняющейся правовой реальности обсуждались теоретиками права и практикующими юристами различных юридических профессий (в том числе, судьями, следователями, адвокатами).

Ключевые слова: конференция, правоприменение, правореализация, цифровизация, конституционная реформа, юридическое образование, правовые учения, защита прав и свобод

LIFE OF LAW IN 2021 (REVIEW ON CONFERENCE MATERIALS)

Adygezalova G.E., Doctor of Juridical Sciences
(Advanced Doctor), Associate Professor,
Kovaleva Yu.N., Associate Professor,
Kuban State University

Abstract: the article provides an overview of the materials of the VI International Scientific and Practical Conference "Life of Law: Legal Theory, Legal Tradition and Legal Reality", which took place at the Faculty of Law, A.A. Khmyrov Kuban State University on June 19, 2021 in a face-to-face-distance format with the participation of scientists and practicing lawyers. The article summarizes the most topical issues of the theory and history of law, as well as modern legal practice, considered at the conference. Discussion topics of legal science such as the development of legal education, legal upbringing and raising the level of legal culture, legal genesis and the essence of law, the role of law in the life of society, digitalization of law and cybersecurity, the consequences of the constitutional reform of 2020 were highlighted. Realities were discussed by legal theorists and practicing lawyers of various legal professions (including judges, investigators, lawyers).

Keywords: conference, law enforcement, legal implementation, digitalization, constitutional reform, legal education, legal doctrines, protection of rights and freedoms

На юридическом факультете имени А.А. Хмырова Кубанского государственного университета 19 июня 2021 г. прошла VI Международная научно-практическая конференция «Жизнь права: правовая теория, правовая традиция и правовая реальность». Конференция является ежегодной и традиционной площадкой для обсуждения актуальных вопросов теории права и проблем его реализации. С приветственным словом выступил доктор юридических наук, профессор, судья Верховного Суда Российской Федерации, член Президиума Верховного Суда Российской Федерации, Секретарь Пленума Верховного Суда Российской Федерации, Учёный секретарь Научно-консультативного совета Момотов Виктор Викторович. Он отметил важность теоретических юридических наук, находящихся в настоящее время под влиянием меняющихся и постоянно усложняющихся социальных отношений [5].

Участников также поприветствовали руководитель Управления региональной безопасности администрации Краснодарского края Чупров Евгений Адольфович и Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Краснодарском крае Якимчик Игорь Иванович, подчеркнувшие авторитетный состав участников конференции и актуальность тем докладов.

От имени Кубанского государственного университета выступили: заместитель декана юридического факультета по научной работе, заведующий кафедрой административного и финансового права имени А.А. Хмырова, д.ю.н., профессор Лупарев Евгений Борисович; заведующий кафедрой теории и истории государ-

ства и права Кубанского государственного университета, Председатель оргкомитета конференции, д.ю.н., доцент Адыгезалова Гюльнаز Эльдаровна.

Соорганизаторами конференции выступали представители Казахского национального университета имени аль-Фараби: к.ю.н., профессор КазНУ им. аль-Фараби, доцент Алматинского филиала Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, академик международной академии информатизации Межибовская Ирина Владимировна и директор Института государства и права КазНУ им. аль-Фараби, председатель Казахстанской ассоциации международного права, доктор рНД, к.ю.н., доцент Салимгерей Арон Аманжолович.

В очной и дистанционной формах участие в конференции приняли более 100 юристов-теоретиков и представителей различных юридических профессий из России и ряда зарубежных стран (Италия, Республика Казахстан, Республика Беларусь, Латвийская Республика, Республика Ирак), а также аспиранты и магистранты.

На пленарном заседании выступили доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета Козлихин И.Ю. с докладом «Живо ли право?», в котором обозначил проблемы правогенеза, а также динамичности права, «спроса на право» [4]; доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и гражданско-правового образования Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации Честнов И.Л. с докладом «Правовая повседневность в постклассической теории права», в котором отметил, что изменения, которые происходят в современном мире, требуют новых подходов в юридической науке [6]. Докладчик особо отметил, что именно юридическая социология призвана исследовать жизнь права во всей ее полноте, а юридическая повседневность образует содержание правовой жизни.

В своем докладе «Конституционные основы защиты Отечества в Российской Федерации» доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Юридического института Пятигорского государственного университета Тхабисимова Л.А. привела обзор и анализ конституционных норм российского законодательства, посвящённых вопросам защиты Отечества. О правовых традициях конституционного права выступила доктор юридических профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина Комарова В.В., основывая свое выступление «Правовая традиция и правовая реальность конституционного права» на ретроспективном анализе советских конституций в соотношении с современной российской конституцией с учетом последних конституционных реформ.

На пленарном заседании доклад «Жизнь права в условиях медиального поворота» представил Архипов В.В., доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета. Докладчик сопровождал выступление презентацией, в которой были проиллюстрированы основные положения концепции семантических пределов права, относящиеся к отношениям, связанным с виртуальной реальности в широком смысле слова, с критериями «абсурдность» и «здравый смысл» [3].

Канд. юрид. наук, директор института государства и права КазНУ им. аль-Фараби Салимгерей А.А. в своем докладе «Государственно-правовые подходы по продлению жизни человека (проблемы теории и практики)» обратил внимание на проблему правового регулирования и государственной политики в области создания условий для поддержания активного долголетия и здорового продуктивного старения.

Доклад «Роль философии права в развитии современной общеправовой теории» доктора юридических наук Клименко А.И. вызвал оживлённую дискуссию среди участников конференции. Докладчик подчеркнул связь методологии общей теории государства и права с методологией философии права и социологии права, а также значение широкого понимания права для юридических наук.

Канд. юрид. наук, профессор КазНУ им. аль-Фараби, доцент Алматинского филиала Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, академик международной академии информатизации Межибовская И.В. в своём вступлении затронула вопросы конституционных гарантий реализации международных социальных обязательств на примере реализации социальных норм Республики Казахстан и Российской Федерации.

Участник конференции из Италии канд. юрид. наук университета Неаполя имени «Федерико II» Убальдо Наззаро в своём докладе на английском языке рассказал об итальянском законодательстве в сфере миграционных потоков. Были подняты острые вопросы направленности миграционного законодательства в государствах членах Европейского Союза на ограничение допуска мигранта к трудовым отношениям, вопросы нелегальных трудовых рынков.

Доклад «Об универсальной правовой форме противодействия кибертерроризму в условиях использования искусственного интеллекта» доктора юридических наук, профессора Степанова О.А. завершил пленар-

ное заседание конференции. В докладе были подчеркнуты актуальность отсутствия на современном этапе действенного комплексного подхода по противодействию кибертерроризму в цифровую эпоху и перспективность использования возможностей искусственного интеллекта в этом направлении.

В рамках работы конференции с совместным докладом выступили доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права КубГУ Дзидзоев Р.М. и канд. юрид. наук, доцент кафедры правоведения Краснодарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации Аверьянова В. Р. об ограничениях прав и свобод в условиях пандемии.

Доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права КубГУ Адыгезалова Г.Э. в своём докладе обратила внимание на неопределенность и нестабильность правового регулирования в образовательной сфере в области юриспруденции, что выражается в частом и необоснованном изменении образовательных стандартов, в изменении формируемых компетенций [1].

Доклад «О некоторых философско-правовых аспектах соотношения права и экономики» доктора юридических наук, профессора кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета Полякова А.В., подготовленный при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00493 "Экономический анализ права Чикагской школы: российский контекст", содержал экскурс к концепциям правопонимания и доктрина, отражающим связь права с экономическим базисом, вывод о подталкивающей роли экономики в развитии права.

Доктор юридических наук, профессор Кожевников О. А. раскрыл различные аспекты категории «орган публичной власти» в контексте современной правоприменительной практики и конституционной реформы, обращаясь к истории появления данного термина в советской, а потом и российской правовой системе. Докладчик отдельно остановился на конституционных положениях, направленных на трансформацию публичной власти в России, начиная с 2020 года. Схожую проблематику затронул канд. юрид. наук, доцент кафедры государствоведения, общеправовых и социально-гуманитарных дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ Степанов М.М. через призму местного самоуправления в контексте конституционной реформы в России в 2020г. Состояние публичной власти в России и конституционную парадигму управления государством оценил в своем докладе Авдеев Д.А., который отметил, что результатом конституционно-правовой реформы 2020 года стало не просто изменение конституционного текста, но и последующая модернизация федерального законодательства, развивающего соответствующие положения Конституции в части соотношения полномочий высших органов государственной власти и сохранение баланса в государственном управлении. Канд. юрид. наук Паршина Н.В. рассмотрела исторические моменты развития местного самоуправления.

Стройков В.А., начальник отдела Управления Министерства юстиции РФ по Краснодарскому краю, специализирующийся на вопросах регистрации уставов муниципальных образований, выделил проблемы реализации законодательства о местном самоуправлении: несоответствие уставов федеральному и региональному законодательству, нарушение порядка принятия устава, недостаточное использование электронного документооборота и инструментов цифровизации.

Доктор исторических наук, профессор Упоров И.В. в своем докладе «Публично-территориальное право в системе права: вопросы структурирования и предмета регулирования» обосновывал целесообразность выделения публично-территориального права в виде дополнительного элемента системы права («интеграл права»), выходящего за рамки известной триады «норма права-институт права-отрасль права».

В своем выступлении, посвященном правовому регулированию в контексте современных концепций понимания права, кандидат юридических наук, доцент Ковалева В.В. привела значительный обзор концепций правопонимания и пришла к выводу, что независимо от концепции, правовое регулирование рассматривается как процесс, включающий различные правовые средства, вместе с тем от правопонимания зависит определяющий его начало элемент, которым может быть как норма права, так и правосознание, правоотношение. Также отметила возможности использования оптимальных путей регулирования в области развития новых цифровых технологий.

Практические аспекты гражданско-правового представительства, его ложные интерпретации и особенности современного правоприменения были изложены в сообщении кандидата юридических наук, доцента Танаги А.Н. с изобилием примеров из судебной практики. Представители судебного корпуса Арбитражного суда Краснодарского края Кунейко А.Н. и Харченко С.А. акцентировали свое внимание на проблемных аспектах рассмотрения дел о банкротстве потребительских кооперативов и физических лиц.

Иностранные участники конференции из Латвии представили свои доклады, посвященные актуальным проблемам уголовного процесса Латвии, дистанционно. Доктор юридических наук, ассоциированный профессор Балтийской Международной академии Сумбарова М.В. обратила внимание на правовое положение прокурора в досудебном уголовном процессе, Томашев И. рассматривал вопросы легализации полученных

преступным путём средств, Тарване К. – вопросы наложения ареста на имущество в уголовном процессе. Сформулированные докладчики предложения могут способствовать дальнейшему совершенствованию уголовно-процессуального законодательства Латвии и обеспечению прав и обязанностей участников уголовного процесса, прав человека.

Апольский Е.А. в сообщении «Государственно-правовые учения России XIX – начала XX века: форма и содержание» проанализировал факторы, повлиявшие на эволюцию отечественных государственно-правовых учений, сформулировал вывод о необходимости анализа дореволюционных отраслевых правовых учений с учетом соотношения их форм и содержания.

Вопросы уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений были раскрыты в докладах канд. юрид. наук Васильева С.А. о месте человека в уголовно-правовых отношениях, Редькина Н.В. «О социальной ценности уголовно-процессуальной формы», сотрудников правоохранительных органов Демьяненко В.А. «Особенности пересмотра уголовных дела кассационной инстанцией после судебной реформы», Редковского М.А. о проблемах реализации норм, регламентирующих досудебное соглашение о сотрудничестве. Представителями адвокатского сообщества также были раскрыты вопросы в области процессуальных отношений и адвокатской деятельности. Так адвокат Хмыров Р.В. представил доклад «Опасности, связанные с неурегулированностью статуса представителя адвокатской палаты в уголовном процессе», адвокат Бутенко Е.В. в своем выступлении рассказал об особенностях составления адвокатом процессуальных и иных юридических документов с многочисленными примерами из практики, адвокат Валиевский А.В. вынес на обсуждение проблемы доследственной проверки, а адвокат Кабанов Р.С. – соотношения оснований пересмотра итоговых судебных актов в апелляционном и кассационном порядке в гражданском и арбитражном судопроизводстве.

Доктор юридических наук Жинкин С.И. в качестве инструментов, средств, технологий, которые необходимы для практического осуществления механизма формирования правовой культуры, назвал скоординированные правовую политику государства, идеологическую работу и ценностное воспитание, правовую и иную социально значимую пропаганду, стимулирование социально полезной активности граждан, в первую очередь в молодёжной среде. Тематика правовой культуры, правосознания и правового воспитания получила свое развитие в выступлениях кандидатов юридических наук Данелян Р.Н. о роли правовой пропаганды в формировании правового сознания и правовой культуры у молодёжи и Хиль И.М. о роли профессионального юридического сообщества в правовоспитательной деятельности.

В числе докладов, посвященных различным аспектам образования, можно отметить сообщения заместителя руководителя государственного казённого учреждения Краснодарского края «Казаки Кубани» Захарова С.Е., а также председателя профсоюзной организации студентов КубГУ Живодробова В.В. «Перспективы применения и реализации новелл законодательства по вопросам воспитания обучающихся в организациях высшего образования», заместителя руководителя Института переподготовки и повышения квалификации специалистов Кубанского государственного университета Чураковой О.В. «Нормативно-правовое регулирование системы дополнительного образования в Российской Федерации».

Руководитель итальянской обсерватории политico-правового мониторинга России, канд. юрид. наук Иван Марино представил доклад «"Нулевое толкование" Конституции: опыт России», в котором докладчик указал, что «нулевые толкования» Конституции имеют существенное значение для правовой доктрины, поскольку в них отражены те идеи, которыми руководствовались члены Конституционного совещания. Другой участник конференции из Италии Орацио Мария Гнерре представил доклад на английском языке «Технико-экономическая нейтрализация права», в котором обращался к работам Карла Шмитта, Томаса Гоббса, Бенедикта Спинозы, что вызвало оживлённую дискуссию.

Участник конференции из Ирака Мохсин А.Х. представил сообщение, в котором отметил бурный рост эмпирических исследований в юридической науке, который происходит за счет двух новых направлений: нового правового реализма и эмпирических правовых исследований. Правовые учения были предметом и других сообщений. Так, аспирант Киенко Н.Д. в докладе, посвящённом юридическому позитивизму, привела обзор основных подходов к пониманию и разработке теории юридического позитивизма, особо остановившись на трудах Дж. Остина. Доценты Кич И.С. и Чупрова А.А. выступили о философских категориях в праве, Жбырь О.Н. о проблемах юрислингвистики.

Канд. юрид. наук, доцент Белорусского государственного университета Куницкая О.М. в сообщении «Частно-правовое содержание инвестиционных отношений» выявила проблемные аспекты инвестиционных отношений, изложила авторское видение их решения, что может определить основные направления совершенствования инвестиционного законодательства на современном этапе. Докладчик Басангов Д.А., канд. юрид. наук, старший научный сотрудник отдела международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ отметил, что цифровая трансформация непосред-

ственno влияет на реализацию конституционных прав человека, способствует появлению новых прав человека и гражданина в цифровом пространстве.

Участник конференции из Республики Казахстан Кукеев А.К. осветил вопрос правового регулирования административно-правовой защиты социально незащищенных слоев населения с целью защиты прав таких лиц и их интересов, обеспечения реализации установленных социальных стандартов жизни в условиях действия социальных рисков. Лолаева А.С. своё выступление сконцентрировала на вопросах цифровизации правового регулирования общественных отношений, где право характеризуется в качестве инструмента перехода к информационному обществу. Докладчик поставил вопрос о целесообразности и своевременности выделения новых субъектов права, таких, например, как роботы и боты. О проблемах соблюдения границ частной жизни в условиях цифровизации и дальнейшего погружения в цифровую среду говорила и Иванченко Е.А.

Заместитель Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Краснодарском крае Мамий Е.А. сообщила о проблемах предпринимателей в реализации прав в сфере земельных отношений и права собственности на недвижимое имущество. Несовершенство законодательства, противоречия в судебной практике создают серьёзные риски для устойчивости прав собственности на недвижимость – одного из важнейших бизнес-активов.

Канд. юрид. наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой конституционного и муниципального права КубГУ Фарои Т.В., посвятила своё выступление проблемам определения функций судебной власти и форм их осуществления, актуальным ввиду продолжающейся судебной реформы в России. Канд. юрид. наук Ярыш В.Д. проанализировала способы защиты личных неимущественных прав граждан как субъектов кредитных историй на примере права на имя, подразделив их на три вида по отраслевой принадлежности, с целью выявления наиболее эффективного. Ковалева Ю.Н. проанализировала некоторые аспекты доктрины законного ожидания, которая не получила законодательного закрепления в России, однако уже появляется в актах высших судебных инстанций как проявление и преломление других правовых принципов.

Васюткин Н.Е. представил доклад о проблемах и перспективах реализации института законодательной инициативы граждан в субъектах Российской Федерации, опираясь на практику деятельности избирательных комиссий Республики Бурятия. Вопросы совершенствования избирательного законодательства затрагивались канд. юрид. наук, доцентами кафедры конституционного и муниципального права КубГУ Ковтун О.А., Терещенко Н.Д.

Канд. юрид. наук Михель Д.Е. остановилась на спорных вопросах применения внесудебных процедур в разрешении споров в публично-правовой сфере на примере уголовно-правовых и административно-правовых отношений. Канд. экон. наук Стэллман И.Ю. обратилась к понятиям международного экстремизма и терроризма ввиду потребности формирования представления об их сущности, как сложного общественного явления, о системе антитеррористической деятельности в России и в мире. Проблемы совершенствования гарантий реализации прав детей Лепешкина О.В. анализировала в аспекте ограничительных меры, вводимых в связи с пандемией COVID 19. Высоцкая Л.П. в сообщении «Об общественных механизмах реализации принципов правового государства в современной России» отметила, что особое значение приобретают сегодня общественные механизмы реализации принципов правового государства. Аспирант Чич Ю.А. представила доклад на тему «Некоторые аспекты становления градостроительного законодательства после распада Российской Империи», где иерархически и поэтапно раскрыла систему управления в сфере градостроительства в советский период времени.

Практикующие юристы Кудряшова Е.П., Белан Ю.Н., Блинов Е.Е., Попова О.С. в своих выступлениях затрагивали проблемы частного и публичного права, такие как: недействительность сделок, налогообложение помещений от кадастровой стоимости, антикоррупционный мониторинг и другие.

В рамках конференции были заслушаны и другие сообщения, что позволило выявить наиболее актуальные острые вопросы в научно-исследовательской и практической деятельности. В центре внимания в этом году оказались: правовое регулирование в эпоху пандемии, цифровизация права, некоторые итоги конституционной реформы, проблемы юридического образования и правового воспитания, реформы и новации в области уголовного и гражданского судопроизводства, отдельные вопросы цивилистики. Обсуждение данных проблем, как с точки зрения учёных, так и со стороны юристов-практиков в рамках дискуссий и обмена опытом положительно влияет на развитие юриспруденции, а конференция «Жизнь права...» стала ежегодной платформой для апробации научных исследований [2].

Литература

1. Адыгезалова Г.Э. Социологическая юриспруденция США в XX в.: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Краснодар, 2017.
2. Адыгезалова Г.Э., Ковалёва Ю.Н. Обсуждение актуальных проблем теории права и реализации права // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 3. С. 2 – 7.
3. Архипов В.В. Семантические пределы права в условиях медиального поворота: теоретико-правовая интерпретация. Диссертация на соискание учёной степени доктора юридических наук / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2019.
4. Козлихин И.Ю. О преподавании истории государства и права // История государства и права. 2014. № 6. С. 9 – 13.
5. Момотов В.В. Фундаментальные правовые дисциплины и их роль в профессиональной подготовке судей: историческая ретроспектива // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8 (48). С. 127 – 133.
6. Честнов И.Л. Модернизация права в постсовременном обществе: смена парадигмы // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 6. С. 5 – 13.

References

1. Adygezalova G.E. Sociologicheskaya yurisprudenciya SSHA v XX v.: formirovanie doktriny, razvitiye i sovershenstvovanie pravoporyadka: avtoref. dis. ... d-ra. yurid. nauk. Krasnodar, 2017.
2. Adygezalova G.E., Kovalyova YU.N. Obsuzhdenie aktual'nyh problem teorii prava i realizacii prava. YUridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 3. S. 2 – 7.
3. Arhipov V.V. Semanticheskie predely prava v usloviyah medial'nogo poverota: teoretiko-pravovaya interpretaciya. Dissertaciya na soiskanie uchyonoy stepeni doktora yuridicheskikh nauk / Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet. Sankt-Peterburg, 2019.
4. Kozlihin I.YU. O prepodavanii istorii gosudarstva i prava. Istorija gosudarstva i prava. 2014. № 6. S. 9 – 13.
5. Momotov V.V. Fundamental'nye pravovye discipliny i ih rol' v professional'noj podgotovke sudej: istoricheskaya retrospektiva. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). 2018. № 8 (48). S. 127 – 133.
6. CHestnov I.L. Modernizaciya prava v postsovremennom obshchestve: smena paradigm. ZHurnal rossijskogo prava. 2021. T. 25. № 6. S. 5 – 13.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗЛОСТНОЕ УКЛОНЕНИЕ ОТ ОПЛАТЫ ЦЕННЫХ БУМАГ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Виннер Э.Р., аспирант,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е Кутафина (МГЮА)

Аннотация: в статье рассматриваются спорные вопросы касательно применения одного из составов, закрепленных в статье 177 Уголовного кодекса Российской Федерации, а именно злостного уклонения от оплаты ценных бумаг. Автор анализирует содержащиеся в ведомственных актах разъяснения, doctrinalные позиции, а также судебную практику по указанному составу. По наблюдениям автора, рассматриваемое преступление получило крайне скучное освещение в правовой науке, в том числе научно-практических комментариях к Уголовному кодексу. Остаются нерешенными многие вопросы, имеющие большое практическое значение. Так, не сформирован пороговый критерий для применения данной статьи и ограничения уголовной ответственности за неоплату ценных бумаг от административной. Помимо этого, в статье рассматривается критерий злостности уклонения, который в достаточной степени сформирован в правоприменительной практике для уклонения от погашения кредиторской задолженности, но остается неясным применительно к уклонению от оплаты ценных бумаг. Следует также отметить, что круг деяний, подпадающих под понятие уклонения от оплаты ценных бумаг, также не определен достаточно четко. Научная новизна заключается в попытке восполнения этих пробелов, выдвижении предложений по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: ценные бумаги, злостность, уклонение, задолженность, экономические преступления

RESPONSIBILITY FOR EVASION FROM SECURITIES PAYMENT IN THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vinner E.R., Postgraduate,
O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

Abstract: the article discusses controversial issues regarding the application of one of the corpus delicti enshrined in Article 177 of the Criminal Code of the Russian Federation, namely, malicious evasion from securities payment. The author analyzes clarifications contained in statutory instruments, doctrinal positions, as well as judicial practice on the specified composition. The author analyzes the clarifications contained in statutory instruments, as well doctrinal review and jurisprudence with regards to this article. According to the author's observations, the crime in question received very limited coverage in legal science, including scientific and practical commentaries to the Criminal Code. Many issues of large practical importance remain unresolved. Thus, the threshold criterion for the application of this article and the delimitation of criminal liability for non-payment of securities from the administrative one has not been formed yet. In addition, the article discusses the criterion of maliciousness of evasion, which is sufficiently formed in law application practice to evade payment of outstanding debts, but remains unclear in relation to evasion of payment for securities. It should also be noted that the range of acts that fall under the concept of evasion of payment for securities is also not clearly defined. Scientific novelty of the article lies in an attempt to fill these gaps, to put forward proposals for improving the current legislation.

Keywords: commercial papers, maliciousness, evasion, indebtedness, business crimes

В отечественной литературе относительно широко разработана тематика преступлений в сфере рынка ценных бумаг. Вместе с тем, прочие преступления, совершаемые с ценностями бумагами, получили, как представляется, недостаточное освещение, в связи с чем многие проблемы законодательного регулирования остаются нерешенными. Одним из таких составов является злостное уклонение от оплаты ценных бумаг (закреплен в ст. 177 УК РФ вместе с иным составом – злостным уклонением от погашения кредиторской задолженности).

Целью настоящей статьи является рассмотрение проблем регулирования уголовной ответственности в области уклонения от оплаты ценных бумаг и выработка возможных решений этих проблем. Задачами статьи являются: анализ законодательства и приведенной практики злостного уклонения от оплаты ценных бумаг; анализ и обобщение судебной практики по родственным составам; выяснение места рассматриваемого состава в системе российского УК; выяснение возможности заполнения пробелов правового регулирования методом *per analogiam*.

С этой целью исследованы такие материалы, как работы Дашковой Г.Г., Завидова Б.Д., Попова И.А., Рябовой А.Ю., Токаренко В.И. и других; кроме того, рассмотрены разъяснения, содержащиеся в ведомственных актах. Рассмотрение поставленных в работе целей осуществлялось на основании использования общенаучных методов исследования в рамках сравнительного и логического анализа, а также путем анализа и толкования положений законодательства.

Прежде всего, обоснованные сомнения вызывает место в системе российского УК, отведенное законодателем данному составу. Доктрина, как правило, относит указанный состав к преступлениям в сфере исполнительного производства [5, с. 265]. Это соответствует букве анализируемой нормы и правоприменительной практике, т.к. одной из предпосылок применения указанной нормы Уголовного кодекса является наличие вступившего в силу судебного акта. Показателен тот факт, что действия по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных указанной статьей, возлагаются именно на Федеральную службу судебных приставов.

Соответственно, видится не совсем верным законодательное включение рассматриваемого преступления в круг преступлений в сфере экономической деятельности по следующим причинам. Несмотря на то, что легального, а равно и общепринятого доктринального определения экономической деятельности не существует [10, с. 3-11], анализ других составов, нашедших отражение в гл. 22 УК РФ, все же показывает, что такие преступления возникают в рамках отношений, непосредственно связанных с производством, распределением, обменом и приобретением различных материальных благ. Злостное уклонение от оплаты ценных бумаг (равно как и погашения кредиторской задолженности) представляется уже вторичным, производным фактом, не связанным с ведением экономической деятельности напрямую. По всей видимости, отнесение законодателем рассматриваемого деяния именно к категории экономических преступлений вызвано именно не совсем верным пониманием предмета экономической деятельности и указанной выше неопределенностью в понятиях.

Поэтому ст. 177 видится частным случаем ст. 315 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за «*Злостное неисполнение вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта...*». Рассматриваемый нами состав было бы целесообразнее закрепить в качестве ст. 315.1, что облегчило бы системное толкование уголовного закона, а также понимание конкуренции составов и правильную квалификацию деяния правоприменителем.

Другой проблемой является применение критерия *злостности*. Если касательно содержания данного критерия применительно к уклонению от погашения кредиторской задолженности присутствует определенная ясность, то столь же четких указаний в отношении уклонения от платы ценных бумаг в практике и доктрине не присутствует. Прежде всего, для целей сравнительного анализа, рассмотрим критерии злостности в рамках кредитных правоотношений.

Так, уклонение от погашения кредитной задолженности считается злостным, если выполняется несколько кумулятивных условий: а) *крупный размер* кредитной задолженности; б) наличие вступившего в законную силу решения суда (по всей видимости, как государственного, так и третейского), предписывающего погасить задолженность, т.к. кредитор уже воспользовался защитой своих прав в судебном порядке; в) наличествуют обстоятельства, явно демонстрирующие нежелание должника исполнять соответствующее судебное решение [8, с. 127-128]. Любопытно, что клаузула «*в крупном размере*», если следовать буквальному толкованию, содержитя только в отношении кредиторской задолженности; в отношении ценных бумаг никакого критерия касательно *размера* не предусмотрено. Это позволило некоторым исследователям [6], основываясь на букве рассматриваемой статьи, утверждать, что размер суммы по неоплаченным ценным бумагам не влияет на квалификацию содеянного и может учитываться лишь при назначении наказания за данное деяние. Однако такой подход явно идет вразрез с интересами правосудия; получается, что любое неоднократное уклонение от погашения ценных бумаг, даже если речь идет о совершенно незначительной сумме, должно влечь уголовную ответственность. Полностью отсутствует пороговый критерий, позволяющий «*отсекать*» от сферы уголовного судопроизводства незначительные деяния в сфере ценных бумаг (нормы о малозначительности деяния, закрепленной в ч. 2 ст. 14 УК РФ, в данном случае недостаточно для эффективного выполнения этой функции, т.к. она не позволила бы «*отсекать*» малозначительные деяния *изначально*). Законодательство об административных правонарушениях также не дает никакого «*ключа*» к ответу (так, ст. 17.14 КоАП РФ не содержит вообще ни прямых, ни косвенных указаний на предельный размер, при котором содеянное уже не подпадает под действие административного законодательства). В Информационном письме Генпрокуратуры, касающемся практики применения анализируемой статьи, указывалось, что содержание нормы должно восприниматься в единстве (комплексе) [15], поэтому при квалификации деяния с цennыми бумагами также следует ориентироваться на крупный размер, который для целей ст. 177 УК РФ определен как превышающий два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей (примечание

к ст. 170.2 УК РФ) [14, с. 348]. И все же данные разъяснения не носят безусловно обязательного характера; для гармонизации правоприменения, на наш взгляд, следует переформулировать антецедент нормы ст. 177, изложив его следующим образом: «*Злостное уклонение руководителя организации или гражданина от погашения кредиторской задолженности в крупном размере или от оплаты ценных бумаг в крупном размере после вступления в законную силу соответствующего судебного акта...*». Таким образом, критерий крупного размера будет применяться и к уклонению от уплаты кредиторской задолженности, и к уклонению от погашения сумм по ценным бумагам, и разночтения будут устранены. Два состава, закрепленные в рассматриваемой статье, являются схожими по своей сути, и наличие существующего ныне разграничения (выражающегося тем более в *полном* отсутствии пороговых критериев для одного из состава) – по-видимому, по оплошности законодателя – представляется неразумным.

Второй критерий *злостности*, а именно наличие вступившего в законную силу судебного акта, как нам представляется, сомнений не вызывает и в равной степени применим к кредитным отношениям и уклонению от оплаты ценных бумаг. Любопытным является вопрос о третьем критерии, т.е. о том, какие действия могут свидетельствовать о нежелании должника производить оплату по ценным бумагам. Судебная практика не дает четкого ответа и на этот вопрос – отчасти в силу того, что данная норма в принципе не получила достаточно широкого применения [16]. Однако имеются некоторые указания применительно к родственному составу: так, о стойком нежелании выплачивать кредиторскую задолженность может свидетельствовать совершение сделок (в т.ч. мнимых, сделок со злоупотреблением правом) по отчуждению имущества вместо его передачи кредитору для оплаты долга, сокрытие этого имущества, денежных средств от его продажи, либо использование таковых в иных целях [17]. При этом, по логике законодательного регулирования, это не относится к имуществу, на которое не может быть обращено взыскание согласно ст. 446 ГПК РФ. Представляется, что применительно к ситуации с ценными бумагами действия, свидетельствующие о стойком нежелании производить оплату, будут аналогичны.

Помимо вышеописанных признаков злостности, в судебной практике время от времени встречается и дополнительный критерий – наличие у должника *реальной возможности* произвести оплату по ценным бумагам. Указание на это условие встречается в практике судов первой инстанции и судов апелляционного уровня, при этом оно касается обоих составов, закрепленных в ст. 177 УК [18-20]. Для этого суду необходимо установить наличие у должника денежных средств или иного имущества, объективно позволяющего ему погасить задолженность по ценной бумаге [21]. Для этого принимается во внимание заработка плата подсудимого, прочие регулярные доходы, иные активы, а также пассивы (обязательства) – к примеру, алиментные обязательства [21].

Доктрина единодушна в отнесении деяний, закрепленных в ст. 177 УК РФ, к *дляющимся* преступлениям [1, с. 35-37]. Поэтому еще одним вопросом, в отношении которого отсутствует некоторая ясность, является вопрос о периоде, в течение которого происходит неуплата задолженности по ценным бумагам (равно как и кредиторской задолженности). Методические рекомендации ФССП дают слишком общую формулировку, предписывая в каждом конкретном случае руководствоваться «значимыми обстоятельствами» уклонения от ценных бумаг. Думается, что следует в любом случае исходить из понимания разумного срока, при котором добросовестный контрагент, с учетом объективных возможностей, смог бы произвести оплату по соответствующим ценным бумагам – т.е. следует сопоставлять поведение лица с поведением, ожидаемым от разумного и осмотрительного участника хозяйственного оборота.

Наконец, некоторые любопытные вопросы могут возникать касательно круга правоотношений, затрагиваемых в рамках рассматриваемого состава. Как следует из самой формулировки статьи, это отношения в сфере ценных бумаг; понятие ценной бумаги содержится в гражданском законодательстве (ст. 142 ГК РФ). Она представляет собой документ, удостоверяющий, при условии соблюдения установленной формы и обязательных реквизитов, имущественные права, осуществление или передача которых возможны только при предъявлении данного документа. К ценным бумагам гражданское право относит облигации, векселя, чеки, депозитный и сберегательный сертификаты, банковскую сберегательную книжку на предъявителя, коносамент, акцию, приватизационные ценные бумаги [11, с. 432]. Кроме того, к ним относятся реже упоминаемые в доктрине (в т.ч. и применительно к анализируемому составу) производные финансовые инструменты (дерибативы), такие, как фьючерс или опцион. За предоставление опциона, как правило, взимается специальная плата (*option fee*); в связи с этим возникает интересный вопрос: каким образом следует квалифицировать деяние, представляющее собой злостное уклонение от уплаты *option fee* (на практике, в отношениях между крупными корпорациями, он сам по себе может достигать значительных размеров и являться одним из значимых предметов спора хозяйствующих субъектов)? Представляется, что правоотношение, в рамках которого на получателя опциона возлагается обязанность по уплате *option fee*, хоть и непосредственно связано с ценной бумагой, все же не является правоотношением по *оплате* данной ценной

бумаги, т.к. option fee не является тем имущественным правом, что она опосредует. Однако условие об option fee, как правило, является одним из условий в опционе на заключение договора (429.2 ГК РФ), либо опционном договоре (429.3 ГК РФ), следовательно, устанавливает обязательственное правоотношение, и происходящий из него долг является *кредиторской задолженностью* по смыслу ст. 177 УК РФ [4, 6]. Таким образом, несмотря на возникновение данного действия в сфере ценных бумаг, его следует квалифицировать в соответствии с иным из двух составов, закрепленных в анализируемой нами статье УК.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что в рамках отечественного правопорядка пока еще не сформирована четкая правоприменительная практика касательно злостного уклонения от оплаты ценных бумаг. Для восполнения пробелов была предпринята попытка применения *mutatis mutandis* той практики и тех разъяснений, что имеются в отношении родственного состава – злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности, а также выдвинуты иные соображения исходя из практики делового оборота и юридической природы рассматриваемых правоотношений. Данные предложения можно резюмировать следующим образом:

- при применении нормы об уголовной ответственности за неоплату ценных бумаг следует исходить из критериев злостности, предусмотренных судебной практикой для уклонения от погашения кредиторской задолженности;

- период уклонения от оплаты ценных бумаг, который должен служить «пороговым критерием» для привлечения к уголовной ответственности, следует определять на основании концепции *разумного срока* в гражданском законодательстве;

- злостное уклонение от погашения *платежей, связанных с цennыми бумагами*, но не являющимися непосредственно *оплатой ценных бумаг*, следует квалифицировать в соответствии со смежным составом и приравнивать к злостному уклонению от погашения кредиторской задолженности.

Автор надеется, что подобный подход будет эффективно применен компетентными органами при изменении и дополнении имеющихся ведомственных пояснительных записок, а также в рамках рассмотрения и разрешения конкретных дел.

Литература

1. Васильева Я.Ю., Тугутов Б.А. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности // Законность. 2019. № 2. С. 32 – 36.
2. Дацкова Г.Г. Уголовно-правовое обеспечение рынка ценных бумаг: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 88 – 91; С. 154 – 160.
3. Ерахтина Е.А. Видовая методика по расследованию незаконного получения банковского кредита и злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности: дис. ... канд. юрид. наук. 2006. С. 59 – 67.
4. Завидов Б.Д., Попов И.А. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (статья 177 УК РФ): уголовно-правовой анализ // Право и экономика. 2000. № 12. С. 194 – 196.
5. Иванова Л.М., Прушинский Д.И., Тугутов Б.А. Определение злостности в составах преступлений в сфере исполнительного производства // Законность. 2020. № 3. С. 58 – 61
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. М.: Контракт-ИНФРА-М, 1997. С. 183.
7. Коруненко Е.Ю. Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: дис. ... канд. юрид. наук. 2009. С. 25 – 37; С. 88 – 91.
8. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (Комментарий к главе 22 УК). Ростов-на-Дону, 1999. С. 127, 128.
9. Мелешко Д.А. Исчисление сроков давности по делам о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности // Законность. 2018. № 12. С. 32 – 37.
10. Михайлова Е.В., Татаринова С.С. К вопросу о понятии предпринимательской деятельности и способах защиты прав ее субъектов // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. №№ 9, 10. С. 3 – 11.
11. Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: коммент. судеб. практики и доктрина. толкование. М.: Волтерс Клювер, 2005. С. 432.
12. Рябова А.Ю. Преступления, совершаемые на рынке ценных бумаг: социальная обусловленность, законодательная регламентация, квалификация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 10 – 13.
13. Токаренко В.Н. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, совершаемыми на рынке ценных бумаг: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 25 – 28; С. 48 – 51.
14. Уголовное право: особенная часть / Под. ред. И.А. Подвойкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. М.: Юрайт, 2020. Т. 1. С. 348.

15. Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 01.11.2008 № 69-21-2008 «О практике применения статьи 177 УК РФ». Аналогичное разъяснение содержится в: «Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 177 Уголовного кодекса Российской Федерации (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности)» (утв. ФССП России 21.08.2013 № 04-12) (ред. от 03.10.2016).

16. Справка о результатах обобщения практики рассмотрения судами Вологодской области дел о злостном уклонении от погашения кредиторской задолженности и от оплаты ценных бумаг после вступления в законную силу судебного акта (ст. 177 УК РФ) за период 2008-2010 гг. (подготовлена Вологодским областным судом) // СПС «Консультант Плюс». Содержащееся в Справке утверждение актуально и на данный момент.

17. Постановление Московского городского суда от 29.08.2014 № 4y/10-4817/14; Апелляционное постановление Московского городского суда от 28.06.2018 по делу № 10-8678/2018.

18. Апелляционное постановление Московского областного суда от 05.12.2013 по делу № 22к-7939.

19. Постановление Анапского районного суда от 10.12.2019 по делу № 1-196/19

20. Бюллетень судебной практики Омского областного суда. 2011. № 3 (48).

21. Апелляционное постановление Московского городского суда от 12.08.2019 по делу № 10-12967/2019.

22. Веренич И.В. Теоретические основы преодоления и нейтрализации противодействия расследованию преступлений: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 256 с.

23. Щербинина А.Г. Финансовая стратегия как фактор противодействия угрозам экономической безопасности коммерческого банка // Modern Economy Success. 2019. № 3. С. 47 – 50.

24. Веренич И.В. Учение или частная теория о преодолении противодействия расследованию преступлений в криминалистике // Право и государство: теория и практика. 2021. № 4 (196). С. 275 – 279.

References

1. Vasil'eva YA.YU., Tugutov B.A. Zlostnoe uklonenie ot pogasheniya kreditorskoj zadolzhennosti. *Zakonnost'*. 2019. № 2. S. 32 – 36.
2. Dashkova G.G. Ugolovno-pravovoe obespechenie rynka cennyh bumag: dis. kand. yurid. nauk. M., 2005. S. 88 – 91; S. 154 – 160.
3. Erahtina E.A. Vidovaya metodika po rassledovaniyu nezakonnogo polucheniya bankovskogo kredita i zlostnogo ukloneniya ot pogasheniya kreditorskoj zadolzhennosti: dis. kand. yurid. nauk. 2006. S. 59 – 67.
4. Zavidov B.D., Popov I.A. Zlostnoe uklonenie ot pogasheniya kreditorskoj zadolzhennosti (stat'ya 177 UK RF): ugolovno-pravovoj analiz. *Pravo i ekonomika*. 2000. № 12. S. 194 – 196.
5. Ivanova L.M., Prushinskij D.I., Tugutov B.A. Opredelenie zlostnosti v sostavah prestuplenij v sfere ispolnitel'nogo proizvodstva. *Zakonnost'*. 2020. № 3. S. 58 – 61
6. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii. *Osobennaya chast'*. Pod red. YU.I. Skuratova i V.M. Lebedeva. M.: Kontrakt-INFRA-M, 1997. S. 183.
7. Korunenko E.YU. Zlostnoe uklonenie ot pogasheniya kreditorskoj zadolzhennosti: dis. kand. yurid. nauk. 2009. S. 25 – 37; S. 88 – 91.
8. Lopashenko N.A. Prestupleniya v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti (Kommentarij k glave 22 UK). Rostov-na-Donu, 1999. S. 127, 128.
9. Meleshko D.A. Ischislenie srokov davnosti po delam o zlostnom uklonenii ot pogasheniya kreditorskoj zadolzhennosti. *Zakonnost'*. 2018. № 12. S. 32 – 37.
10. Mihajlova E.V., Tatarinova S.S. K voprosu o ponyatii predprinimatel'skoj deyatel'nosti i sposobah zashchity prav ee sub'ektov. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process*. 2018. №№ 9, 10. S. 3 – 11.
11. Naumov A.V. Praktika primeneniya Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: komment. sudeb. praktiki i doktrin. tolkovanie. M.: Volters Kluver, 2005. S. 432.
12. Ryabova A.YU. Prestupleniya, sovershaemye na rynke cennyh bumag: social'naya obuslovленnost', zakonodatel'naya reglamentaciya, kvalifikaciya: avtoref. dis. kand. yurid. nauk. M., 2013. S. 10 – 13.
13. Tokarenko V.N. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy bor'by s prestupleniyami, sovershaemyimi na rynke cennyh bumag: dis. kand. yurid. nauk. M., 2003. S. 25 – 28; S. 48 – 51.
14. Ugolovnoe pravo: osobennaya chast'. Pod. red. I.A. Podrojkina, E.V. Seregina, S.I. Ulez'ko. M.: YUrajt, 2020. T. 1. S. 348.

15. Informacionnoe pis'mo General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii ot 01.11.2008 № 69-21-2008 «O praktike primeneniya stat'i 177 UK RF». Analogichnoe raz"yasnenie soderzhitsya v: «Metodicheskie rekomendacii po vyyavleniyu i rassledovaniyu prestuplenij, predusmotrennyh stat'ej 177 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii (zlostnoe uklonenie ot pogasheniya kreditorskoy zadolzhennosti)» (utv. FSSP Rossii 21.08.2013 № 04-12) (red. ot 03.10.2016).

16. Spravka o rezul'tatah obobshcheniya praktiki rassmotreniya sudami Vologodskoj oblasti del o zlostnom uklonenii ot pogasheniya kreditorskoy zadolzhennosti i ot oplaty cennyh bumag posle vstupleniya v zakonnuyu silu sudebnogo akta (st. 177 UK RF) za period 2008-2010 gg. (podgotovlena Vologodskim oblastnym sudom). SPS «Konsul'tant Plyus». Soderzhashchesya v Spravke utverzhdenie aktual'no i na dannyj moment.

17. Postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 29.08.2014 № 4u/10-4817/14; Apellyacionnoe postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 28.06.2018 po delu № 10-8678/2018.

18. Apellyacionnoe postanovlenie Moskovskogo oblastnogo suda ot 05.12.2013 po delu № 22k-7939.

19. Postanovlenie Anapskogo rajonnogo suda ot 10.12.2019 po delu № 1-196/19

20. Byulleten' sudebnoj praktiki Omskogo oblastnogo suda. 2011. № 3 (48).

21. Apellyacionnoe postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 12.08.2019 po delu № 10-12967/2019.

22. Verenich I.V. Teoreticheskie osnovy preodoleniya i nejtralizacii protivodejstviya rassledovaniyu prestuplenij: monografiya. M.: YUrlitinform, 2018. 256 s.

23. SHCHerbinina A.G. Finansovaya strategiya kak faktor protivodejstviya ugrozam ekonomiceskoy bezopasnosti kommercheskogo banka. Modern Economy Success. 2019. № 3. S. 47 – 50.

24. Verenich I.V. Uchenie ili chastnaya teoriya o preodolenii protivodejstviya rassledovaniyu prestuplenij v kriminalistike. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2021. № 4 (196). S. 275 – 279.

**О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ СУДЬБЕ ДОКУМЕНТОВ, ПОСТУПИВШИХ
В АРИТРАЖНЫЙ СУД ПОСЛЕ ОГЛАШЕНИЯ
РЕЗОЛЮТИВНОЙ ЧАСТИ РЕШЕНИЯ**

**Мазуренко М.А., кандидат юридических наук, доцент,
Кубанский государственный университет**

Аннотация: на современном этапе развития правоотношений, связанных с рассмотрением дел в арбитражном суде все чаще встает вопрос о целесообразности сохранения тех или иных принципов цивилистического процесса. Принцип непосредственности судебного разбирательства теряет свою роль одного из значимых судопроизводственных принципов, чему способствует использование сокращенных форм судебного разбирательства, а также рассмотрение дел в удаленном режиме с использованием телекоммуникационной сети Интернет. В статье автор пытается найти место принципа непосредственности судебного разбирательства в современном арбитражном процессе, а также иллюстрирует значение данного принципа на примере проблемы процессуальной квалификации документов, поступивших в арбитражный суд после оглашения резолютивной части судебного акта, но до составления его полного текста. Указанной проблеме практически не уделяется внимания в научной литературе, однако, как показывает автор, в практике арбитражных судов случаи оценки судами доказательств, не исследованных им до удаления в совещательную комнату, имеют место быть. В то же время вышестоящие судебные инстанции не имеют однозначного подхода о необходимости исправления таких ошибок судов первой инстанции, а само принятие доказательств (документов) после окончания рассмотрения дела, не является безусловным основанием для отмены судебного акта нижестоящего суда. В статье автор предлагает пути решения данной проблемы с учетом баланса в сохранении фундаментальных принципов proceduralного права и современными реалиями развития экономических процессов в обществе, а также отправления правосудия с использованием цифровых технологий.

Ключевые слова: арбитражный процесс, доказательства, принципы proceduralного права, принцип непосредственности, резолютивная часть

**ON THE PROCEDURAL FATE OF THE DOCUMENTS FROM
THE ARBITRATION COURT AFTER THE DISCLOSURE OF
THE RESOLUTIONARY PART OF THE DECISION**

**Mazurenko M.A., Candidate of Juridical
Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kuban State University**

Abstract: at the present stage of development of legal relations associated with the consideration of cases in an arbitration court, the question of the expediency of preserving certain principles of the civil law process is increasingly raised. The principle of the immediacy of judicial proceedings is losing its role as one of the most important judicial procedural principles, which is facilitated by the use of shortened forms of judicial proceedings, as well as the consideration of cases remotely using the telecommunications network Internet. In the article, the author tries to find the place of the principle of the immediacy of judicial proceedings in the modern arbitration process, and also illustrates the significance of this principle on the example of the problem of the procedural qualification of documents received by the arbitration court after the announcement of the operative part of the judicial act, but before drawing up its full text. This problem is practically not paid attention to in the scientific literature, however, as the author shows, in the practice of arbitration courts, there are cases when the courts evaluate evidence that was not examined by it before being removed to the deliberation room. At the same time, the higher courts do not have an unambiguous approach to the need to correct such errors of the courts of first instance, and the very acceptance of evidence (documents) after the end of the consideration of the case is not an unconditional basis for canceling the judicial act of the lower court. In the article, the author proposes ways to solve this problem, taking into account the balance in preserving the fundamental principles of procedural law and the modern realities of the development of economic processes in society, as well as the administration of justice using digital technologies.

Keywords: arbitration process, evidence, principles of procedural law, principle of immediacy, resolutionary part

Принцип непосредственности судебного разбирательства, закрепленный, в том числе, в статье 10 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), является одним из основополагающих судопроизводственных принципов арбитражного процессуального права. Данный принцип заключается в необходимости личного восприятия судом доказательств, представленных в материалы дела, что является гарантией формирования у суда убеждения в отношении как каждого отдельного доказательства, так и всех их в совокупной связи. На основании лично исследованных судом доказательств формируется внутреннее убеждение суда, основанное на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств (ст. 71 АПК РФ) [1, с. 67].

Фактическую реализацию принципа непосредственности судебного разбирательства наиболее четко описал Зинченко Е.А., указав, что в силу данного принципа суд должен основывать свое решение по делу исключительно на доказательствах, проверенных и исследованных в рамках заседания суда [2, с. 28]. Кроме того, Ярков В.В. отмечает, что в оценке доказательств принимает участие не только суд, но и другие участники процесса. Стороны, оценивая собранные и исследованные в суде доказательства, могут прийти к заключению мирового соглашения, отказу от иска, признанию иска [3, с. 171]. Процессуальный результат исследования и оценки доказательств закреплен в части 7 статьи 71 АПК РФ: результаты оценки доказательств суд отражает в судебном акте, содержащем мотивы принятия или отказа в принятии доказательств, представленных лицами, участвующими в деле, в обоснование своих требований и возражений.

По смыслу статьи 166 АПК РФ исследование доказательств и совершение каких-либо процессуальных действий, связанных с рассмотрением дела по существу, недопустимо с момента удаления суда в совещательную комнату. Окончательная оценка доказательств осуществляется судом в совещательной комнате по правилам статьи 168 АПК РФ.

Таким образом, о реализации принципа непосредственности судебного разбирательства можно говорить, если доказательство было приобщено к материалам дела, исследовано в судебном заседании с учетом позиций участников процесса, ему дана окончательная оценка судом в совещательной комнате, а ее результаты отражены в конечном судебном акте.

Вместе с тем, в практике арбитражных судов, как будет показано далее, имеют место случаи поступления в суд документов (доказательств, объяснений участников процесса, ходатайств) уже после оглашения резолютивной части, но до изготовления полного текста судебного акта. С учетом приведенных выше научных мнений и подходов законодателя, вывод о том, что такие доказательства не могут быть отражены в итоговом тексте судебного решения, выглядит очевидным. Однако, действующий АПК РФ не относит указанное событие к безусловным основаниям для отмены судебного акта (ч. 4 ст. 270, ч. 4 ст. 288 АПК РФ), в связи с чем у арбитражных судов нет единого мнения о процессуальной судьбе документов, поступивших в суд после окончания рассмотрения дела.

Так, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 20.06.2019 по делу N A40-242167/2015 суд указал, что в конечном судебном акте по обосновленному спору в деле о банкротстве арбитражный суд первой инстанции сделал вывод по существу спора при отсутствии в материалах дела документа (кредитного договора), на основании которого такой вывод мог быть сделан. Участник дела (банк) направил в суд указанное доказательство, однако поступило оно в суд уже после оглашения резолютивной части судебного акта. При этом, при пересмотре дела в апелляционном порядке, апелляционный суд отказал в приобщении дополнительных доказательств к материалам делам. В том числе по этим основаниям суд кассационной инстанции судебные акты нижестоящих судов отменил и направил дело на новое рассмотрение с указанием на необходимость исследования доказательств по делу в порядке статьи 71 АПК РФ и выполнения требований статей 64, 65 и 168 АПК РФ [6].

В постановлении прямо не указано, что суд первой инстанции исследовал и оценил доказательство, поступившее в суд после оглашения резолютивной части, однако, такой факт, вероятнее всего, имел место, поскольку в полном тексте отмененного судебного акта было указано на сроки исполнения обязательства по кредитному договору, а иначе как из самого договора суд не мог получить эти сведения. В данном случае, нарушение процессуального порядка исследования и оценки доказательств послужило одним из оснований для отмены судебных актов.

Рассмотрим другой пример. Десятый арбитражный апелляционный суд постановлением от 25.04.2012 по делу № A41-33284/2011 рассмотрел спор о взыскании неустойки за нарушение сроков поставки товара. В ходе рассмотрения дела в суде первой инстанции истец не представил доказательств, подтверждающих его доводы, в связи с чем суд первой инстанции в иске отказал. Истец обжаловал решение в апелляционном порядке, однако, вышестоящий суд оставил решение без изменения, указав, что истец направил дополнительные доказательства по делу, но поступили они в суд апелляционной инстанции уже после оглашения резолютивной части приставления апелляционного суда [7].

В данном случае выводы апелляционной инстанции в полной мере соответствуют принципам непосредственности и состязательности арбитражного процесса. В постановлении прямо указано, что поступившие в суд дополнительные доказательства (после оглашения резолютивной части), не могут быть положены в основу мотивированного судебного акта.

В постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 17.07.2018 по делу №А60-55295/2017 рассмотрена иная ситуация. Истец обратился в арбитражный суд с иском о взыскании задолженности по договору купли-продажи проектной документации. Решением суда первой инстанции требования истца удовлетворены. Суд указал, что доказательства внесения ответчиком платы по договору поступили в суд после исследования письменных доказательств, удаления суда в совещательную комнату и оглашения резолютивной части решения. В полном тексте решения отмечено, что платежный документ судом не исследовался. При рассмотрении дела в апелляционной инстанции ответчик вновь просил суд приобщить доказательства оплаты долга в материалы дела. Апелляционный суд ходатайство ответчика удовлетворил, решение суда отменил и в иске отказал, поскольку вновь приобщенное доказательство существенно повлияло на исход спора. В кассационной жалобе истец просил постановление апелляционного суда отменить, полагая, что суд второй инстанции нарушил принцип состязательности процесса, однако, окружной суд, в этой части доводов кассационной жалобы, согласился с позицией апелляционного суда [8].

С одной стороны, можно согласиться с доводами истца о том, что апелляционный суд проигнорировал принцип состязательности арбитражного процесса, поскольку выводов об уважительности причин пропуска срока на представление доказательств в суд первой инстанции (с учетом их поступления в день последнего судебного заседания по делу) в судебных актах нет. С другой стороны, вышестоящие суды согласились с тем, что суд первой инстанции не мог нарушить принцип непосредственности судебного разбирательства и оценить доказательства, полученные после удаления в совещательную комнату. При этом значимость доказательства оплаты долга являлась существенной для правильного рассмотрения дела, поэтому апелляционный суд реализовал принцип непосредственности исследовав указанное доказательство в судебном заседании с участием сторон и оценив его по правилам статьи 71 АПК РФ.

В приведённых примерах суды подтверждали запрет на оценку и исследование доказательств, поступивших в дело вне рамок судебного разбирательства. Для полного понимания проблемы следует рассмотреть случаи иных судебных подходов.

В постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22.03.2019 по делу № А45-21714/2018 установлены следующие обстоятельства. Истец обратился в арбитражный суд с иском о взыскании с ответчика задолженности по уплате членских взносов. Суд первой инстанции требования истца удовлетворил, рассмотрев спор в первом же судебном заседании (переход к рассмотрению дела в судебном разбирательстве осуществлен по правилам части 4 статьи 137 АПК РФ). В апелляционной и кассационной жалобах ответчик ссылался на то, что по объективным причинам он не мог представить отзыв на иск в сроки, установленные в определении о принятии искового заявления к производству. Однако, апелляционный суд оставил данные доводы ответчика без внимания, а в удовлетворении ходатайства о приобщении к материалам дела новых доказательств отказал, сославшись на ч. 2 ст. 268 АПК РФ. Суд кассационной инстанции согласился с выводами нижестоящих судов и указал, что суд первой инстанции оценил доводы, изложенные в отзыве на исковое заявление, который поступил после оглашения резолютивной части решения и признал их несостоятельными. При этом оснований для иных выводов и оценки имеющихся в деле доказательств у суда округа не имеется [9].

В силу статей 41, 64 и 131 АПК РФ письменные пояснения стороны, в том числе отзыв на иск, являются письменными доказательствами по делу (см. например, определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30.10.2018 № 305-ЭС18-9677 по делу № А41-45973/2017). Поэтому к отзыву на иск должны применяться общие процессуальные правила об оценке и исследовании доказательств. Очевидно, что суд первой инстанции нарушил требования части 2 статьи 10 АПК РФ, а апелляционный суд данную ошибку не устранил. Более того, совсем неоднозначной выглядит позиция окружного суда, который трактовал процессуальное нарушение как действие, направленное на соблюдение прав ответчика.

Еще одним примером судебной практики в рамках рассматриваемой проблемы является постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29.05.2019 по делу № А63-17643/2018. Предприниматель обжаловал в кассационном порядке постановление апелляционного суда и одним из оснований для его отмены указал непринятие апелляционной инстанцией решения по его ходатайству о приобщении к делу письменных доказательств. Суд округа оставил кассационную жалобу предпринимателя без удовлетворения, отметив, что из аудиозаписи судебного заседания следует, что о приобщении дополнительных доказательств суд указал после объявления резолютивной части постановления. Объявление судом принятого по

результатам рассмотрения процессуального ходатайства решения после объявления резолютивной части судебного акта не повлияло на полноту и законность постановления апелляционной инстанции [10].

В данном примере апелляционный суд завершил исследование письменных доказательств, удалился в совещательную комнату, огласил резолютивную часть постановления и только после этого разрешил ходатайство предпринимателя о приобщении письменных доказательств к делу, причем удовлетворив его. Суд кассационной инстанции, с учетом своих процессуальных полномочий, не мог устранить нарушения порядка исследования и оценки доказательств иначе как направив дело на новое рассмотрение в суд, однако, указал, что такие нарушения не повлияли на правильность рассмотрения спора по существу.

Приведенный обзор судебной практики по выбранной проблематике позволяет сделать вывод о том, приятие и оценка судом доказательств, поступивших в суд после оглашения резолютивной части конечного судебного акта, не является самостоятельным основанием для отмены судебного акта. Можно согласиться с тем, что, например, направление на новое рассмотрение, по существу правильно разрешенного дела по тем только основаниям, что суд приобщил не повлиявшие на исход дела доказательства, после оглашения резолютивной части, не будет способствовать скорейшему рассмотрению дела и формированию авторитета судебной власти. В тоже время, некоторое отступление от основополагающих принципов цивилистического процесса должно быть в достаточной мере осторожным и не приводить к их фактической формализации, с последующим отсутствием какой-либо практической значимости.

В.В. Ярков отметил, что в последние годы обращает на себя внимание "деритуализация" правосудия, исключение многих его традиционных процессуальных положений, имеющих, по мнению законодателя, отягчающий и усложняющий характер [5, с. 4]. Понимая неизбежность изменения принципов арбитражного судопроизводства в условиях развития современного общества и экономики, стоит отметить мнение о том, что исключение того или иного общеобязательного требования либо ограничение действия принципов процессуального права возможно только на основе соответствующего закона [4, с. 109]. При этом такое законодательное исключение должно предлагать соответствующее замещение новыми или обновленными, под условие современных реалий, принципами.

Действующая редакция части 2 статьи 10 АПК РФ устанавливает прямой запрет на приятие доказательственного значения документам, поступившим в материалы дела после оглашения резолютивной части судебного акта. В полном тексте решения может быть отражен лишь сам факт позднего поступления документа, а также указание на отказ в его исследовании и оценки судом. Если по какой-либо причине арбитражный суд поступил иначе, то апелляционная инстанция вправе исследовать и оценить «позднее доказательство» уже в рамках своего производства, в результате чего прийти выводу об отмене или сохранении судебного акта нижестоящего суда. Однако, если подобное нарушение было выявлено только на стадии кассационного производства, с учетом положений части 2 статьи 287 АПК РФ, представляется, что кассационный суд не может устранить его иным способом, иначе чем направив дело на новое рассмотрение.

Литература

1. Афанасьев С.Ф. и др. Арбитражное процессуальное право: в 2 ч. Ч. 1: учебник для вузов / под ред. С.Ф. Афанасьева, И.Ю. Захарьиной. Москва: Изд-во Юрайт, 2021. 399 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-06102-4 // ЭБС Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/472800/p.67> (дата обращения: 08.06.2021)
2. Зинченко Е.А. Судебная власть и принципы отправления правосудия // Судебная система и гражданское общество России. К 150-летию Судебной реформы: Материалы международной научно-практической конференции. 2015.
3. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.В. Яркова. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. 928 с. ISBN 978-5-00156-135-4 // URL: <https://znanium.com/catalog/product/1201977>
4. Федина А.С. Форма и содержание принципов гражданского процессуального права // Журнал российского права. 2014. № 11.
5. Ярков В.В. Принципы гражданского процессуального права в условиях деритуализации и дематериализации правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 11.
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.06.2019 № Ф05-1591/2018 по делу N A40-242167/2015. https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6477a288-0d1f-4be5-b85c-283a425bd92a/ccfaf03f-53c7-4261-b0c7-f640b9aa801d/A40-242167-2015_20190620_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.06.2021)

7. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 25.04.2012 по делу N A41-33284/2011. https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e5e1358e-8aa9-44e3-8e84-cd7afca304fe/a822bf9f-5d76-44fe-8a28-363dd1f2f218/A41-33284-2011_20120425_Postanovlenie_apellacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.06.2021)

8. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17.07.2018 по делу № A60-55295/2017. https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d6cbdc13-1376-4e06-beae-c0499877c414/94f3362b-cae9-4311-86da-c8a6a12ab786/A60-55295-2017_20180717_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.06.2021)

9. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22.03.2019 N F04-230/2019 по делу N A45-21714/2018. https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d3ced8e1-1aff-4870-a259-1e3678c4f5c4/a7396939-6664-49cd-b574-9026056cf496/A45-21714-2018_20190322_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.06.2021)

10. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29.05.2019 по делу № A63-17643/2018. https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e287651b-353a-4d72-9abf-1a25d354f243/6a4c5392-e1c7-484f-a119-5165b46ba315/A63-17643-2018_20190529_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.06.2021)

References

1. Afanas'ev S.F. i dr. Arbitrazhnoe processual'noe pravo: v 2 ch. CH. 1: uchebnik dlya vuzov. pod red. S.F. Afanas'eva, I.YU. Zahar'yashchevoj. Moskva: Izd-vo YUrajt, 2021. 399 s. (Vysshee obrazovanie). ISBN 978-5-534-06102-4 // EBS YUrajt [sajt]. URL: <https://urait.ru/bcode/472800/p.67> (data obrashcheniya: 08.06.2021)

2. Zinchenko E.A. Sudebnaya vlast' i principy otpravleniya pravosudiya. Sudebnaya sistema i grazhdanskoe obshchestvo Rossii. K 150-letiyu Sudebnoj reformy: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2015.

3. Kommentarij k Grazhdanskому processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii. pod obshch. red. V.V. Yarkova. 5-e izd., pererab. i dop. Moskva: Norma: INFRA-M, 2021. 928 s. ISBN 978-5-00156-135-4. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1201977>

4. Fedina A.S. Forma i soderzhanie principov grazhdanskogo processual'nogo prava. ZHurnal rossijskogo prava. 2014. № 11.

5. Yarkov V.V. Principy grazhdanskogo processual'nogo prava v usloviyah deritualizacii i dematerializacii pravosudiya. Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. 2020. № 11.

6. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 20.06.2019 № F05-1591/2018 po delu N A40-242167/2015. https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6477a288-0d1f-4be5-b85c-283a425bd92a/ccfaf03f-53c7-4261-b0c7-f640b9aa801d/A40-242167-2015_20190620_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (data obrashcheniya: 15.06.2021)

7. Postanovlenie Desyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 25.04.2012 po delu N A41-33284/2011. https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e5e1358e-8aa9-44e3-8e84-cd7afca304fe/a822bf9f-5d76-44fe-8a28-363dd1f2f218/A41-33284-2011_20120425_Postanovlenie_apellacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (data obrashcheniya: 15.06.2021)

8. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga ot 17.07.2018 po delu № A60-55295/2017. https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d6cbdc13-1376-4e06-beae-c0499877c414/94f3362b-cae9-4311-86da-c8a6a12ab786/A60-55295-2017_20180717_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (data obrashcheniya: 15.06.2021)

9. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Zapadno-Sibirskogo okruga ot 22.03.2019 N F04-230/2019 po delu N A45-21714/2018. https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d3ced8e1-1aff-4870-a259-1e3678c4f5c4/a7396939-6664-49cd-b574-9026056cf496/A45-21714-2018_20190322_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (data obrashcheniya: 15.06.2021)

10. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Kavkazskogo okruga ot 29.05.2019 po delu № A63-17643/2018. https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e287651b-353a-4d72-9abf-1a25d354f243/6a4c5392-e1c7-484f-a119-5165b46ba315/A63-17643-2018_20190529_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (data obrashcheniya: 15.06.2021)

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ
О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ЧАСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ И
РАСПРЕДЕЛЕНИЯ БРЕМЕНИ ДОКАЗЫВАНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Ашурбекова А.Ф.,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
Управление Роспотребнадзора по г. Москва

Аннотация: в рассматриваемой статье уделяется внимание понятию и содержанию категории «судебное доказывание». Приводятся многочисленные позиции различных авторов, которые рассматривали проблемы процессуального доказывания и посвятили большое количество научных трудов указанной проблематике. Исследуются дискуссионные вопросы распределения бремени доказывания и доказательственных презумпций с иллюстрацией примеров судебной практики. Уделяется внимание средствам доказывания, применяемым в данной категории дел. Изучаются новые виды нетипичных доказательств – электронные доказательства – и подходы к ним правовых систем разных государств.

Научная значимость: предлагается рассмотреть возможность внесения изменений в законодательство о признании электронных доказательств – смешанным видом доказательством.

Методологическую основу исследования составляет следующие методы: формально-логический, технико-юридический, сравнительно-правовой, анализ.

Результаты – признание электронных доказательств смешанным видом доказательства, имеющие отличия от письменных и вещественных доказательств.

Обсуждая нетипичные виды доказательств (такие как, скриншоты, электронная переписка, электронные файлы и т.д.) приходим к выводу о наличии у этих видов доказательств правовой природы отличной от других видов доказательств, перечисленных в гражданском процессуальном кодексе. Положения статьи 71 ГПК РФ не в полном объеме охватывает всю многообразию электронных доказательств и не создает универсальную теорию об электронных доказательствах, которое позволило бы исследовать проблемы правоприменимой практики использования (представления, исследования, оценки электронных доказательств) в процессе.

Ключевые слова: доказывание; бремя доказывания; презумпции; фикции; защита прав потребителей; доказательство; электронное доказательство

**PROCEDURAL FEATURES OF CONSIDERATION OF CONSUMER
PROTECTION CASES IN TERMS OF PROOF AND DISTRIBUTION
OF THE BURDEN OF PROOF: THEORY AND PRACTICE**

Ashurbekova A.F.,
Kutafin Moscow State Law University (MSLA),
Department of Rospotrebnadzor in Moscow

Abstract: in the article under consideration, attention is paid to the concept and content of the category “judicial evidence”. Numerous positions of various authors who have considered the problems of procedural proof and devoted a large number of scientific papers to this problem are given. The debatable issues of the distribution of the burden of proof and evidentiary presumptions are investigated with the illustration of examples of judicial practice. Attention is paid to the means of proof used in this category of cases. New types of atypical evidence – electronic evidence – and approaches to them of legal systems of different states are being studied.

Scientific significance: it is proposed to consider the possibility of amending the legislation on the recognition of electronic evidence as a mixed type of evidence.

The methodological basis of the research is the following methods: formal-logical, technical-legal, comparative-legal, analysis.

Results – recognition of electronic evidence as a mixed type of evidence that differs from written and physical evidence.

Discussing atypical types of evidence (such as screenshots, electronic correspondence, electronic files, etc.), we come to the conclusion that these types of evidence have a legal nature different from other types of evidence listed in the Code of Civil Procedure. The provisions of Article 71 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation do not fully cover the entire variety of electronic evidence and do not create a universal theory about electronic

evidence that would allow to investigate the problems of law enforcement practice of using (presentation, research, evaluation of electronic evidence) in the process.

Keywords: proof; burden of proof; presumptions; fictions; consumer protection; proof; electronic proof

Введение

Изучение правового регулирования сферы законодательства о защите прав потребителей на сегодняшний день является актуальной темой. Каждый из нас является потребителем товаров, услуг, работ и ежедневно сталкивается с различными правовыми ситуациями, когда наши права нарушаются хозяйствующими субъектами – продавцами (изготовителями, исполнителями, экспортёрами). Закрепление на государственном уровне основных прав потребителей усиливает защиту слабой стороны и обеспечивает охрану его прав.

Безусловно, конечная защита и восстановление нарушенных прав и законных интересов личности осуществляется судом. Процессуальная форма рассмотрения споров, посвященных защите прав и интересов потребителей обладает определенной спецификой, а именно: особенность заключается в субъектах правоотношений, в определении предмета доказывания и распределения времени, то есть, обязанности доказывания тех или иных фактов между сторонами. Установление повышенной ответственности для контрагентов потребителей оказало непосредственное влияние на процессуальную форму рассмотрения указанных споров. К примеру, это привело к принятию некоторых норм, освобождающих потребителей от обязанности доказывания характера (производственный или эксплуатационный) недостатка товара. Определение субъекта, который будет доказывать указанные факты, зависит от момента возникновения недостатков в товаре – в период гарантийного срока или за его пределами.

Многие вопросы, возникающие при доказывании, являются дискуссионными. Если рассуждать теоретически о понятии судебного доказывания, то в качестве устоявшихся в доктрине дефиниций можно привести точку зрения Осокиной Г.Л., которая под судебным доказыванием понимала, деятельность лиц, заинтересованных в исходе дела (сторон, заявителей, третьих лиц) по убеждению суда в наличии либо отсутствии в действительности тех фактов, которые обосновывают их требования или возражения [1, с. 619-620].

А.Ф. Клейнман считал, что «доказывание – представляет собой процессуальную деятельность исключительно сторон и содержит в себе деятельность по убеждению суда в правоте утверждений сторон, и включает лишь их процессуальные действия по утверждению о фактах, о представлению и исследованию доказательств» [2, с. 141].

Е.В. Васьковский отмечал, что «деятельность тяжущихся, имеющая цель убедить суд в истинности их утверждений и заявлений, называется доказыванием» и «доказывание в процессуальном смысле представляет собой установление истинности утверждений сторон перед компетентным судом в предписанной законом форме» [3, с. 294].

Доказывание – важнейший процесс установления действительных знаний об обстоятельствах дела, который необходимо суду для достижения главной задачи судопроизводства – правильного рассмотрения и разрешения дела. Без института доказывания нет процесса. Суд как основной участник процесса определяет предмет доказывания, кто-что должен доказать. Последний вопрос разрешается способом, установленным еще издревле: «Доказывать должен тот, кто является автором положения, требующего доказательств» [4, с. 243].

Это и есть то правило, которое у нас закреплено в статье 56 Гражданского процессуального кодекса. Но вот процессуальная особенность института доказывания по спорам о защите прав потребителей заключается в том, что законодатель при определенных условиях устанавливает для слабой стороны некоторые исключения из данного правила.

Так, согласно абзацу 2 пункта 6 статьи 18 Федерального Закона о защите прав потребителей – при предъявлении требований заявителем о наличии недостатков в товаре, на который действует гарантийный срок, продавец (изготовитель), импортер несет ответственность за недостатки указанного товара – если не докажет, что эти недостатки возникли после передачи товара заявителю в силу нарушения им правил использования, хранения или транспортировки товара, либо имели место действия третьих лиц или непреодолимой силы. В данной норме содержится так называемая доказательственная презумпция, смысл которой заключается в том, что лицо считается добросовестным, пока не доказано иное.

Несмотря на то, что исключения из общих правил четко указано в законе, тем не менее на практике до сих пор применение указанных правил происходит не совсем верно. Проиллюстрировать такое положение можно судебной практикой Определением Верховного суда РФ дело №5-КГ20-87-К2 (номер дела в суде первой инстанции №2-1396/2018) от 24.11.2020 года по иску Нянькиной А.А. к ООО «Дженсер логистик», ООО «Дженерал Моторз СНГ», ООО «Автотортехобслуживание» о расторжении договора и взыскании

денежных средств. Суть спора заключается в том, что истец приобрел по договору купли-продажи автомобиль, у которого спустя некоторое время появились неисправности в двигателе. При обращении истца к ответчику в проведении гарантийного ремонта отказали, ссылаясь на то, что недостатки товара носят эксплуатационный характер. Суды трех инстанций встали на сторону ответчиков. Однако ВС РФ не согласился с позициями коллег нижестоящих инстанций и направил дело на новое рассмотрение.

По мнению ВС РФ, при рассмотрении спора суды не установили характер недостатков товара, являются ли они производственными или нет. Поскольку бремя доказывания недостатков технически сложного товара лежит на продавце при условии выявления их в течение 15 дней после приобретения товара либо в случае, если недостатки являются существенными или проявляются вновь, в указанном деле ответчик не провел экспертизу при обращении к нему истца в досудебном порядке. В ходе судебного разбирательства была назначена экспертиза за счет ответчика, но поскольку она не была оплачена ответчиком дело было возвращено в суд без проведения исследования. Согласно разъяснениям ВС РФ №17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», применительно к рассматриваемой ситуации обязанность доказывать оснований для освобождения от ответственности возлагалась именно на ответчика. Тем самым презуммируется, что недостаток, выявленный в период гарантийного срока, является производственным, пока продавцом (изготовителем) не доказано иное.

Таким образом, указанное дело наглядно демонстрирует правило о том, что непредставление доказательств подтверждения отсутствия искомого факта (то есть, то что недостаток носит эксплуатационный характер) превращает предположение о нем в искомый факт. Но, как видим, несмотря на многочисленные разъяснения высших судов, суды нижестоящих трех инстанций неверно применили указанное положение.

Если говорить о предмете доказывания, то традиционно в предмет доказывания входят факты материально-правового характера, имеющие правовое значение для правильного разрешения дела. По делам о защите прав потребителей предмет доказывания формируется на основе фактов, являющихся обоснованием требований иска и обстоятельств, на которых ссылается ответчик, в качестве обоснования своих возражений. Если в деле участвуют иные лица, например, государственные органы либо прокурор, то в предмет доказывания входит также факты, на которые указывает эти лица. При обращении в суд указанных лиц в защиту прав и законных интересов потребителей, как правило, предмет доказывания совпадает с основанием иска.

Основным прикладным элементом состязательного процесса является механизм распределения бремени доказывания, который определяет процессуальные обязанности участников, то есть те действия, которые им надлежит совершить для достижения своих целей и решения задач. Принцип состязательности гражданского судопроизводства выступает движущим началом процесса.

По вопросу принадлежности института доказывания к материальному праву или процессуальному, долгое время идет бурная дискуссия. Одни авторы, причем известные ученые, утверждают о материально-правовом характере института распределения бремени доказывания [5, с. 8]. Безусловно, институт распределения бремени доказывания имеет как материально-правовое значение, так и процессуально-правовое. Сами участники материальных правоотношений до возникновения судебного процесса не могут взять на себя обязательства по распределению обязанностей доказывания юридических фактов, поскольку это нелогично и лишено смысла. Распределение обязанностей – функция суда, который отвечает на вопрос кто, что должен доказать, и осуществляется это в рамках юрисдикционной процедуры.

Основное значение имеет то, что суд распределяя обязанности по доказыванию фактов, возлагает бремя доказывания на то лицо, который имел возможность в процессе существования материально-правовых отношений обеспечить свои интересы необходимыми доказательствами. Роль института распределения бремени доказывания заключается не только в том, что суд распределяет обязанности по доказыванию фактов, но и предположений о наличии или отсутствии искомого факта, на которое ссылается одна из сторон. И если одна сторона не представить убедительных доказательств, опровергающих довод противной стороны, то это предположение превращается в утверждение о существовании либо отсутствии в действительности искомого факта. В этом смысле следует отметить, что институт распределения бремени доказывания используется как механизм, исключающий неопределенность в установлении фактов, имеющих правовое значение для рассмотрения спора. Участвовать в процессе доказывания может каждое лицо, участвующее в деле, но обязанность доказывать факты, которые имеют существенное значение для дела, обязан конкретный субъект.

Правила распределения бремени доказывания представляют собой сложную систему, в которую вместе с общими положениями входят и положения презумпции, фикции и т.д. Презумпция является правовым, но не фактическим предположением перераспределения обязанностей доказывания. В научной среде понятию категории «презумпция» даны различные определения. Если обратить внимание на определение который

дает профессор Нахова Е.А., то согласно ее позиции, доказательственная презумпция – предположение, вероятность существовании или отсутствии определенного факта, пока не доказано иное.

Нельзя не отметить позиции авторов, которых разделяют многие ученые, к примеру, позиция Бабаева В.К. заключается в том, что презумпцией считается предположение о существовании либо отсутствии юридических фактов в связи с установлением предшествующих возникновению их фактов. Иначе говоря, подтверждение наличия одних фактов, подразумевает существование других. Интересной кажется также взгляд на это профессора Баулина О.В., который считает, что презумпция с одной стороны является процессуальным правилом, с другой стороны подразумевает вероятное существование или отсутствие того необходимого для установления судом явления.

Подытоживая, можно сделать вывод, что презумпция – это неустановленный судом факт, предположение о вероятности его существования при условии доказывания связанного с ним факта-основания.

После закрепления в законе презумпций, в доктрине стали предлагать различные разделения презумпций на виды. Широко распространенной классификацией является: правовые и фактические презумпции. Правовые презумпции это те, которые, так или иначе прямо или косвенно прописаны в законе (п. 4 ст. 12 Закона «О защите прав потребителей» об отсутствии у потребителя специальных знаний о свойствах товара). Фактические презумпции – те, что распространены в обществе, но не закреплены в законе («молчание – знак согласия»). Еще презумпции принято делить на опровергимые и неопровергимые. Если с опровергимыми презумпциями вопросов не возникает, то по поводу неопровергимых существует дискуссия. Существует мнение, что неоспоримых презумпций не бывает. В частности, такой позиции придерживается профессор Треушников М.К., который писал, что непонятно почему предположение не может быть опровергнуто. Ну и основная классификация презумпций – это разделение на материально-правовые и процессуально-правовые. Материально-правовые презумпции регулируют материально-правовые отношения (юридические факты). Процессуально-правовые презумпции определяют процедуру перераспределения обязанностей доказывания. Очень важно, чтобы презумпция перераспределения времени доказывания была применена с самого начала судебного процесса, поскольку в ином случае установить искомые факты будет затруднительно.

Поскольку многие понятия института доказательственного права не имеют легально закрепленных в законе дефиниций, им даны различные определения в доктрине. Так скажем, бремя доказывания понимается как комплексная система по распределению процессуальных обязанностей выдвижения и доказывания требований сторон и деятельность суда по установлению фактов, имеющих значение, и как процессуальная обязанность проявления способности по отстаиванию правовой позиции субъектом доказывания, отказ от которой ведёт к получению отрицательных правовых последствий для данного субъекта. Понятие «обязанность доказывания» легко раскрывается, издревле известной фразой: «Доказывание возлагается на того, кто утверждает, а не на того, кто отрицает».

Процессуальным средством, при помощи которого доказывается обстоятельства, является – доказательство. Как отмечал Васьковский Е.В.: «Суд не может поверить сторонам на слово, полагая истца честным человеком, который не заявить требования, на удовлетворение которых не имеет право, также ответчик, похожий на высоконравственного человека, не будет в возражениях указывать суду неправдивые сведения. Суд принимает утверждения как доказательства лишь в той мере, в какой установлена их истинность» [6, с. 43]. Поскольку юридические факты, которые суд должен установить для того, чтобы понять имеет ли место нарушение субъективного права истца, состоит из фактических обстоятельств, возникших еще до обращения в суд. Это побуждает сторон к надлежащему оформлению правоотношений, что обеспечить в будущем наличии доказательств, для представления в случае возникновения конфликта. Все уходит в правовое поле [9, 10, 11].

Понятие доказательства закреплено в процессуальном кодексе и представляет собой сведения о фактах, полученных законным способом и на основании, которого суд устанавливает наличие либо отсутствие тех или иных обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела. В этом определении понятия категории «доказательства» содержится основные свойства: относимость, достоверность, допустимость.

Важно отметить, что сегодня существует необходимость внесения изменений в процессуальное законодательство в части признания новых видов доказательств, появляющихся из-за ускоренного развития цифровых технологий. В связи с тем, что в последнее время наблюдается рост увеличения объема дистанционных интернет-платформ торговли, возникает необходимость изменения правового регулирования материальных правоотношений в рамках применения норм материального права, адаптированных к современным условиям. Следует отметить, что появляются новые электронные средства доказывания, которых законодатель пытается включить в число существующих, подменяя каким-то, более или менее похожим видом доказательств. К примеру, к числу таких нетипичных доказательств относятся: скрины, электронные файлы,

смс-переписки в WhatsApp, Skype, и т.д., которых законодатель относит к письменным доказательствам, несмотря на их отличительные черты и различия.

Непосредственно по делам защите прав потребителей этот вопрос является актуальным, поскольку стремительно развивается рынок интернет-торговли, где основной проблемой на практике регулирования споров с участием потребителей, являются отсутствие необходимой информации о хозяйствующем субъекте на интернет-платформе торговли. Именно это вызывает определенные трудности у потребителей при обращении к продавцам товаров/исполнителям услуг. О том насколько защищены права потребителей в сфере интернет-торговли и какие меры по созданию равных условий для российских и зарубежных интернет-магазинов нужно предпринять обсуждалась на правовой платформе Гарант.ру президентом Ассоциации компаний интернет-торговли (далее – АКИТ). Подчеркивая безупречность закона о защите прав потребителей, президент АКИТ предлагает инкорпорирование национальной доменной зоны. На сегодняшний день в России действуют два национальных домена – это «.ru» и «.рф». Организациям торговли, вне зависимости от формы собственности, предлагаются в течение года после регистрации создать домен в национальной доменной зоне. Так как национальная зона контролируется местной российской властью. Если взять для сравнения к примеру, Германию, то там соответствующая обязанность, лежит на компании в течении года после регистрации. Причем даже такой крупный интернет-магазин, как Amazon.com, работает в Германии на домене Amazon.de [.de – национальный домен Германии], так как население Германии привыкли приобретать товары только на сайтах, зарегистрированных в национальной доменной зоне. Думается, что нам тоже нужно прийти к такой же практике. При чем учитывая тот факт, что в России в национальной доменной зоне зарегистрировано 6 млн доменных имен, а в Германии – 16 млн при сравнимом населении.

Среди зарегистрированных компаний, 70% российских интернет-магазинов являются зарегистрированными на частных лиц, в результате чего невозможно понять, кому принадлежит домен. Поэтому полагаем необходимым ввести правило о том, что интернет-магазин может быть зарегистрирован только на ИП или организацию. Это необходимо и с точки зрения защиты прав потребителей, поскольку сейчас непонятно, кому принадлежит магазин, как связаться с владельцем, так как в обычных магазинах вся эта информация размещается на информационном стенде «Уголке прав потребителя» и вопросов не возникают.

Следовательно, наличие знака качества АКИТ у интернет-магазина, вызывает у потребителя доверие, поскольку этот знак магазину выдается только по итогам результатов проведения проверки организации на соответствие законодательству Российской Федерации. Ну имеется ввиду, что организация зарегистрирована надлежащим образом, своевременно производит отчисление налогов, соответствует стандартам АКИТ и другие. В целях создания максимально благоприятных условий потребителям, большинство предприятий, имеющие знак качества АКИТ, повышают объем своих обязательств, ну к примеру, увеличивают срок возврата товара с 7 дней до 14 дней и т.д.

На наш взгляд, такое предложение имеет свою значимость и заслуживает внимания.

И возвращаясь к процессуальной стороне рассмотрения вопроса, следует отметить, что цифровизация гражданских правоотношений требует совершенствования российской судебной системы, в частности, в создании эффективных механизмов электронного судопроизводства. Это один из самых перспективных направлений реализации концепции электронного правосудия, предоставляющий возможность предъявления и исследования в судах электронных доказательств, т.е. доказательств, представленных в форме электронного документа или полученных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Сегодня процессуальный кодекс гражданского судопроизводства содержит упоминание о том, что информация, выполненная в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи либо иным позволяющим установить достоверность документа способом представляют разновидность письменных доказательств. В связи с этим, интересной является концепция, выработанная в науке процессуального права Австралии, где электронные доказательства также рассматриваются в качестве письменных доказательств [7, с. 4].

Но в Германии существует другой подход. Там этот вопрос решается по-иному. Согласно германскому законодательству любые сведения, полученные в электронной форме, содержание которых может быть прочитано многократно с использованием письменных знаков, относятся к электронному документу, а электронные документы приравниваются к вещественным доказательствам [8, с. 34].

Наше процессуальное законодательство относя электронные доказательства к письменным, в ч. 1 ст. 71 ГПК РФ указывает, что письменными доказательствами являются, в том числе и доказательства, полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети "Интернет". Исходя из этого, можно рассмотреть положение о том, что,

например, скриншоты электронной переписки с продавцом могут быть представлены как доказательства по делу, распространяя на них все те требования, которые предъявляются к типичным видам доказательств, в первую очередь – относимость (должен иметь значение для рассмотрения его доказательством) и допустимость. А сами скриншоты оформить и представлять в документированном виде.

На этот счет, в пункте 55 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 "О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации" сказано, что допустимыми доказательствами являются в том числе сделанные и заверенные лицами, участвующими в деле, распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот), с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения. Такие распечатки оцениваются судом при рассмотрении дела наравне с прочими доказательствами.

Исходя из буквального толкования п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N 57 "О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов" после принятия судом к производству заявления, к которому в качестве доказательств обоснованности заявленных требований приложены распечатанные копии страниц сайтов в сети Интернет, суд вправе в ходе подготовки дела к судебному разбирательству или в ходе судебного разбирательства по делу в целях собирания (обеспечения) доказательств незамедлительно провести осмотр данных страниц. Также в целях обеспечения доказательственной базы, к примеру, для подтверждения распространения определенной информации на конкретном интернет-сайте, лицо до обращения в суд может обратиться к нотариусу для проведения осмотра интернет-ресурса и заверения данного факта. При оценке таких доказательств суд не вправе признать недопустимым обеспеченное нотариусом доказательство только на основании того, что нотариус не известил о времени и месте его обеспечения владельца сайта или иное лицо, которое предположительно разместило в сети Интернет информацию, относящуюся к предмету спора.

Таким образом, простая распечатка скриншота без указания на дату, время, интернет-сайт, с которого она выполнена, без подписи и инициалов исполнителя не может рассматриваться в качестве надлежащего доказательства. Распечатанный скриншот должен отвечать следующим требованиям:

- 1) должен быть заверен подписью лица, осуществившего распечатку (с указанием фамилии и инициалов);
- 2) должен быть скреплен печатью (при ее наличии);
- 3) должен содержать сведения о дате, когда произведена распечатка, а также указание на соответствующий сайт.

На практике наибольшее предпочтение отдается скриншотам, оформленным нотариусами в виде протокола осмотра интернет-страниц.

Таким образом, полагаем, что данный вопрос нуждается в дальнейшей разработке, поскольку правильное определение правовой природы данного вида доказательств поможет создать универсальную теорию об электронных доказательствах, которая позволит глубоко изучить его и разобраться в проблемах применения этого феномена.

Актуальность данный вопрос имеет и еще по той причине, что на сегодняшний день суды переполнены делами о защите прав потребителей, их количество стремительно набирает обороты. Если говорить о темпах развития потребительских отношений и динамики количества дел, рассматриваемых судами, то нужно сказать, что их число ежегодно увеличиваются. Всего за 2019 год в защиту прав потребителей было подано 428 тыс. исков. Одновременно с количеством поданных исков, растет и число удовлетворенных исков.

Как показывает анализ статистических данных, подготовленный Роспотребнадзором за последние 4 года наблюдается неуклонный рост количества удовлетворенных исков в защиту, например, неопределенного круга лиц. Так, если в 2016 году количество удовлетворенных исков составляло 81.5%, то 2019 году доля удовлетворенных исков от общего количества рассмотренных составила 97% т.е. увеличилась на 48% (5208 исков). При этом число отказов в удовлетворении исковых требований сократилось на 9%. Более детально указано на рис. 1.

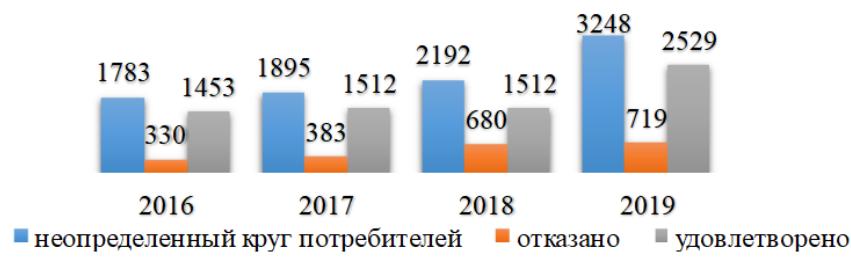

Рис. 1. Статистика рассмотрения споров в защиту неопределенного круга лиц, поданных Роспотребнадзором

Подытоживая вышесказанное и анализировав статистику данных, в заключение хотелось бы отметить, что изучение процессуальных особенностей рассмотрения споров о защите прав потребителей вызывают повышенный интерес, как у исследователей-теоретиков, так и у юристов-практиков. Развитие информационных технологий все больше притягивает правовое поле в информационную среду. Результатом этого феномена является появление электронных доказательств, развитие электронного правосудия. И тем не менее, исследование проблем гражданско-правового и процессуального регулирования в области охраны прав потребителей в России остается актуальной.

Литература

1. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. М.: Норма, 2008. С. 619 – 620.
2. Клейнман А.Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе // Избранные труды. Краснодар, 2008. Т. I. С. 141.
3. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса // Хрестоматия по гражданскому процессу: учебное пособие. М.: Юридическое бюро «Городец», 1996. С. 294.
4. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Юриздан, 1946. С. 243.
5. Попов Б.В. Распределение доказательств между сторонами в гражданском процессе: критико-догматическое исследование. Харьков, 1905. С.8
6. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса // Гарант: Версия 70.03.1.031 / ООО НПП «Гарант-Сервис». Тольятти, 2010, С. 43
7. Stanfield A.R. The authentication of electronic evidence: dissertation. Doctor of Philosophy Faculty of Law Queensland University of Technology. 2016. P. 4. Available at: URL: https://eprints.qut.edu.au/93021/1/Allison_Stanfield_Thesis.pdf
8. Мошков Е.В. Понятие электронного документа и его применение в качестве доказательства в гражданском и арбитражном судопроизводстве Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 9. С. 34.
9. Васяев А.А. Теория исследования доказательств в российском уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 472 с.
10. Чельшева О.В., Веренич И.В. Проблемы назначения судебной экспертизы и оценки ее результатов // Криминалистика. 2010. № 1 (6). С. 77 – 81.
11. Васяев А.А. Должен ли суд проявлять активность при исследовании доказательств? // Современное право. 2009. № 11. С. 96 – 101.

References

1. Osokina G.L. Grazhdanskij process. Obshchaya chast'. M.: Norma, 2008. S. 619 – 620.
2. Klejnman A.F. Osnovnye voprosy teorii dokazatel'stv v sovetskem grazhdanskom processe. Izbrannye trudy. Krasnodar, 2008. T. I. S. 141.
3. Vas'kovskij E.V. Uchebnik grazhdanskogo processa. Hrestomatiya po grazhdanskому processu: uchebnoe posobie. M.: YUridicheskoe byuro «Gorodec», 1996. S. 294.
4. Vyshinskij A.YA. Teoriya sudebnyh dokazatel'stv v sovetskem prave. M.: YUrizdat, 1946. S. 243.
5. Popov B.V. Raspredelenie dokazatel'stv mezhdu storonami v grazhdanskom processe: kritiko-dogmaticheskoe issledovanie. Har'kov, 1905. S.8
6. Vas'kovskij E.V. Uchebnik grazhdanskogo processa. Garant: Versiya 70.03.1.031. OOO NPP «Garant-Servis». Tol'yatti, 2010, S. 43

7. Stanfield A.R. The authentication of electronic evidence: dissertation. Doctor of Philosophy Faculty of Law Queensland University of Technology. 2016. P. 4. Available at: URL: https://eprints.qut.edu.au/93021/1/Allison_Stanfield_Thesis.pdf
8. Moshkov E.V. Pomyatie elektronnogo dokumenta i ego primenenie v kachestve dokazatel'stva v grazhdanskem i arbitrazhnom sudoproizvodstve Rossijskoj Federacii. Arbitrazhnyj i grazhdan-skiij process. 2016. № 9. S. 34.
9. Vasyaev A.A. Teoriya issledovaniya dokazatel'stv v rossijskom ugolovnom processe: monografiya. M.: YUrlitinform, 2016. 472 s.
10. Chelysheva O.V., Verenich I.V. Problemy naznacheniya sudebnoj ekspertizy i ocenki ee re-zul'tatov. Kriminalist". 2010. № 1 (6). S. 77 – 81.
11. Vasyaev A.A. Dolzhen li sud proyavlyat' aktivnost' pri issledovanii dokazatel'stv? Sovremennoe pravo. 2009. № 11. S. 96 – 101.

ОТКРЫТОЕ ХИЩЕНИЕ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА: ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Бадгаева В.Б.,
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова,
Помазанов В.В., кандидат технических наук, доцент,
Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

Аннотация: в статье рассматриваются объективные признаки такого уголовного преступления, как открытое хищение чужого имущества. Автор приходит к выводу, что объективную сторону рассматриваемого преступления, в первую очередь, характеризует открытый способ изъятия чужого имущества из чужого владения и последующее владение и распоряжение им против воли потерпевшего. Кроме того, необходимо также, при определении объективной стороны преступления, учесть ряд признаков, которые свойственны данному виду уголовного преступления.

Собственность, выступающая в качестве объекта посягательства на него, с позиции ряда исследователей в уголовном праве может быть определена в позиции ряда подходов. Структура открытого хищения включает в качестве непосредственных как основной, так дополнительный объекты. Если собственность имеет материальное выражение и, согласно закону, принадлежит лицу на правах пользования, владения или распоряжения, то здесь следует говорить о том, что речь идет об основном непосредственном объекте, поскольку выражение собственности здесь осуществляется через определенные вещи или предметы, хозяин которых определен.

В качестве предмета открытого хищения чужого имущества выступают только вещи, поскольку именно им присущ вещный признак, они доступны для восприятия посредством органов чувств и обладают экономической ценностью и являются чужедымыми непосредственно для преступника.

Особенностью совершения данного преступления выступает и определенная обстановка. В частности, частично беспомощное состояние жертвы (например, алкогольное опьянение) облегчает преступнику возможность совершения данного преступления.

В качестве последствий совершения открытого хищения чужого имущества выступает материальный ущерб. Следствием данного ущерба является реальное уменьшение объема имущества, принадлежащего потерпевшему.

Ключевые слова: чужое имущество, открытое хищение, уголовное преступление, объективные признаки

OPEN THEFT OF SOMEONE ELSE'S PROPERTY: OBJECTIVE SIGNS OF A CRIME

Badgaeva V.B.,
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
Pomazanov V.V., Candidate of Engineering Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

Abstract: the article considers the objective signs of such a criminal offense as open theft of someone else's property. The author comes to the conclusion that the objective side of the crime under consideration is primarily characterized by an open method of removing someone else's property from someone else's possession and subsequent possession and disposal of it against the will of the victim. In addition, it is also necessary, when determining the objective side of the crime, to take into account a number of signs that are characteristic of this type of criminal offense.

Property acting as an object of encroachment on it, from the position of a number of researchers in criminal law, can be defined in the position of a number of approaches. The structure of open theft includes both the main and additional objects as direct objects. If the property has a material expression and, according to the law, belongs to a person on the rights of use, possession or disposal, then it should be said that we are talking about the main direct object, since the expression of property here is carried out through certain things or objects whose owner is determined.

As an object of open theft of someone else's property, only things act, since they are inherent in the material attribute, they are accessible to perception through the senses and have economic value and are alien directly to the criminal.

A specific feature of the commission of this crime is a certain situation. In particular, the partially helpless state of the victim (for example, alcohol intoxication) makes it easier for the offender to commit this crime.

The consequences of committing an open theft of someone else's property are material damage. The consequence of this damage is a real decrease in the amount of property belonging to the victim.

Keywords: someone else's property, open theft, criminal offense, objective signs

В современных источниках указывается, что в качестве родовых объектов преступления против собственности выступают экономические отношения, представляющие собой совокупность производственных имущественных отношений. По мысли автора М.И. Прохоровой, «родовыми объектами преступления против собственности является экономические взаимоотношения, которые обеспечивают материальное благосостояние индивидуума, общества, а также государства» [4].

Вид объекта рассматриваемого преступления может быть определен на основе анализа состава преступления, который указан в главе 21 УК РФ «Преступления против собственности». Согласно данной статье, в качестве подобного объекта может выступать или непосредственно собственность, или же отношения собственности, на страже которых стоит уголовный закон.

Собственность, выступающая в качестве объекта посягательства на него, с позиции ряда исследователей в уголовном праве может быть определена в позиции ряда подходов. Согласно указанным подходам, собственность может позиционироваться как:

- непосредственно определенное экономическое отношение;
- правовая ценность (субъективное понимание собственности);
- собственность как право собственности и экономическое отношение.

Нельзя не сказать, что определение собственности с позиции экономического подхода чрезмерно «расширяет сферу уголовно-правовой охраны, поскольку в нее входит вся система экономических отношений собственности, включая те, что складываются в сфере экономики независимо от сознания и воли человека и не требуют правового познания и юридической защиты» [2]. Подобное мнение высказывает и автор А.Г. Безверхов, который высказывает опасения в отношении возможного отнесения к собственности, рассматриваемой с позиции науки уголовного права, различные экономические блага» [1].

Кроме того, в литературе можно встретить позиции, согласно которым нецелесообразно в уголовно-правовой науке трактовать только право собственности в качестве объекта преступления, поскольку тогда «исключается квалификация преступлений по всем иным правам на принадлежащее имущество, иными словами таким имущественным отношениям, содержанием которых не является право собственности в субъективном смысле» [3]. Также на необходимость разделения трактовок понятия «собственность» в социально-экономическом и уголовно-правовом смысле указывал С.А. Поляков, так как, по мнению исследователя, существуют отношения собственности, регулирование которых может быть осуществлено посредством норм других отраслей права, в частности, обязательственного [5].

Соответственно, если опираться на то, что в качестве объекта преступления всегда позиционируются общественные отношения, обеспеченные либо урегулированные правом, можно сказать, что объектом преступления, определенным в главе 21 УК РФ признаются общественные отношения собственности.

Также необходимо сказать, что структура открытого хищения включает в качестве непосредственных как основной, так дополнительный объекты. Если собственность имеет материальное выражение и, согласно закону, принадлежит лицу на правах пользования, владения или распоряжения, то здесь следует говорить о том, что речь идет об основном непосредственном объекте, поскольку выражение собственности здесь осуществляется через определенные вещи или предметы, хозяин которых определен.

В качестве дополнительного непосредственного объекта здесь выступает категория неприкосновенности жилища человека и его здоровье.

Также дискуссионным является понимание предмета преступления в науке уголовного права. Так, понимание вещи материального мира, на которую обращено хищение, чаще всего, например, в гражданском праве, позиционируется как предмет, так как его можно измерить, оценить с позиции влияния внешнего мира и пр. Однако в уголовном праве ведущей можно считать иную позицию. В частности, Ю.Н. Шаповалов указывает, что вещи и имущественные права и обязанности в уголовном праве связаны между собой, и если первые подлежат изъятию, то в отношении вторых это невозможно. Как считает автор, «указанное свидетельствует, что эта категория не может быть предметом хищения» [7].

В уголовно-правовой науке также присутствует точка зрения, в рамках которой предмет хищения обязательно должен иметь материальную форму. В качестве примера здесь приводится мошенничество в сфере недвижимости, когда преступник обманным путем присваивает себе жилое помещение собственника: здесь, по мнению автора, имеет место завладение правами на имущество без изъятия самого имущества.

Параллельно следует также указать на позицию Г.П. Новоселова, приводящего в пример факт посягательства на денежные средства организаций, которые находятся на банковских счетах в безналичной форме. Здесь у владельца счета в отношении указанных средств имеются права обязательственного характера, однако право собственности или вещное право в данном случае места иметь не может [3].

Если рассматривать особенности предмета открытого хищения, то необходимо сказать, что он может быть рассмотрен с трех позиций: физической, экономической и юридической. В рамках первой позиции, как считают авторы, указанный предмет должен быть частью материального мира и восприниматься любым субъектом на основе различных органов чувств.

Экономическая характеристика учитывает меновую стоимость предмета открытого хищения. Если предмет не может удовлетворить какой-либо потребности человека, то нельзя говорить о нем как о предмете хищения, поскольку никакого интереса для похитителя он представлять не будет за счет своей невостребованности. Однако данный вопрос является спорным. Здесь необходимо учесть, что указанный предмет, который, с позиции вышеуказанных ученых, является ненужным, может обладать имущественным правом. В частности, таким правом может обладать накладная на тот или иной товар: сам по себе данный документ не представляет никакого интереса для преступников, однако с помощью него можно получить право на завладение или распоряжение товаром, который может быть отпущен по такому документу, например, в торговой организации.

Но здесь также можно согласиться с некоторыми авторами, которые рассматривают подобные накладные на товар предметы как средство хищения, а не предмет. В такой ситуации необходимо определить, какова конечная цель преступника: в данном случае однозначно, что интерес преступника распространяется не на накладные как таковые, а на то право, которое он может приобрести, совершив их хищение.

Если хищение не обладает насильственным характером, то можно говорить, что в качестве предмета здесь выступает объект вещных прав, «который не изъят из цивилистического (гражданского) оборота и является чужим для преступника» [7]. Соответственно, можно утверждать, что в качестве предмета открытого хищения чужого имущества выступают только вещи, поскольку именно им присущ вещный признак, они доступны для восприятия посредством органов чувств и обладают экономической ценностью и являются чуждыми непосредственно для преступника.

Рассматривая объективную сторону открытого ненасильственного хищения чужого имущества, необходимо сказать о его материальном составе. В качестве определенных признаков данного преступления необходимо считать:

- активные действия, предпринимаемые преступником в процессе совершения данного деяния;
- наличие причинения материального вреда собственнику или владельцу, что представляет собой общественно-опасные последствия;
- наличие причинной связи между двумя выше указанными признаками.

Согласно диспозиции ч. 1 ст. 161 УК РФ, можно заключить, что объективная сторона данного преступления предполагает под собой наличие определенных действий, включающих открытое, не предполагающее насилия, или же связанное с насилием, не причинившим в момент хищения вреда жизни или здоровью собственника, действие, направленное на завладение имуществом собственника. Соответственно, налицо отличие основных признаков грабежа от кражи, которая предполагает тайное хищение чужого имущества [2].

Открытое хищение имущества – это противоправный акт, включающий открытое физическое воздействие на тот или иной объект, в результате которого происходит изъятие или перемещение данных объектов. Если при открытом хищении присутствует элемент насилия, то он находит проявление в психическом или физическом воздействии на личность потерпевшего. При этом, преступник может использовать угрызы, физическое воздействие на потерпевшего и т.д.

Данное преступление, как считают некоторые авторы, имеет высокую степень общественной опасности, поскольку преступление совершается на глазах у жертвы, и преступник, в процессе совершения открытого хищения чужого имущества, своим отношением к жертве проявляет определенную дерзость и неуважение к правилам и законам общественных отношений.

Особую опасность возможного насилия при совершении данного вида преступления отмечает и З.М. Челябова, по мнению которой данное насилие может быть опасным для физического и психического здоровья жертвы [6].

Особенностью совершения данного преступления выступает и определенная обстановка. В частности, частично беспомощное состояние жертвы (например, алкогольное опьянение) облегчает преступнику возможность совершения данного преступления.

В качестве последствий совершения открытого хищения чужого имущества выступает материальный ущерб. Следствием данного ущерба является реальное уменьшение объема имущества, принадлежащего потерпевшему.

В качестве обязательного элемента объективной стороны преступления выступает причинная связь между действиями преступника и наступившими последствиями. Оконченным данное преступление считается в том случае, если имеют место два признака:

- имеет место факт изъятия имущества из чужого владения, пользования либо распоряжения;
- имеет место переход указанного имущества в незаконное обладание преступником.

При этом, изъятие имущества у собственника и переход его во владение преступником должно быть открытым.

В качестве субъективного показателя совершения данного вида преступления следует считать уверенность преступника в том, что он завершил свои преступные действия и может в полной мере считать себя собственником чужого имущества.

Таким образом, изложенное позволяет заключить, что объективную сторону рассматриваемого преступления, в первую очередь, характеризует открытый способ изъятия чужого имущества из чужого владения и последующее владение и распоряжение им против воли потерпевшего. Кроме того, необходимо также, при определении объективной стороны преступления, учесть ряд признаков, которые свойственны данному виду уголовного преступления.

Литература

1. Безверхов А.Г. Собственность и имущественные отношения в уголовном праве // Законодательство. 2002. № 12. С. 52.
2. Бобрakov И.А. Уголовное право России. Особенная часть: краткий курс лекций. Саратов: Вузовское образование, 2016. 347 с.
3. Новоселов Г.П. Комментарий к уголовному кодексу РФ (научнопрактический) / под ред. А.И. Чучаевой. М.: Проспект, 2019. 1536 с.
4. Прохорова М.И. Место грабежей и разбоев в структуре корыстно-насильственной преступности // Российский следователь. 2012. № 19. С. 30 – 34.
5. Поляков С.А. Уголовное право России. Общая часть: учебное пособие. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2017. 76 с.
6. Челябова З.М. Вопросы разграничения насильственного грабежа и разбоя: проблемы квалификации // Мониторинг правоприменения. 2018. № 2 (27). С. 63 – 66.
7. Шаповалов Ю.Н. Учет детерминант преступлений корыстной направленности при разработке мер предупреждения // Приоритеты развития социогуманитарного знания, экономики и права: научная дискуссия и эксперименты. 2017. С. 266 – 269.

References

1. Bezverhov A.G. Sobstvennost' i imushchestvennye otnosheniya v ugolovnom prave. Zakonodatel'stvo. 2002. № 12. S. 52.
2. Bobrakov I.A. Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast': kratkij kurs lekciij. Saratov: Vuzovskoe obrazovanie, 2016. 347 c.
3. Novoselov G.P. Kommentarij k ugolovnomu kodeksu RF (nauchnoprakticheskij). pod red. A.I. CHuchaeva. M.: Prospekt, 2019. 1536 s.
4. Prohorova M.I. Mesto grabezhej i razboev v strukture korystno-nasil'stvennoj prestupnosti. Rossijskij sledovatel'. 2012. № 19. S. 30 – 34.
5. Polyakov S.A. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast': uchebnoe posobie. Novosibirsk: Novosibirskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet, 2017. 76 c.
6. Chelyabova Z.M. Voprosy razgranicheniya nasil'stvennogo grabezha i razboya: problemy kvalifikacii. Monitoring pravoprimeneniya. 2018. № 2 (27). S. 63 – 66.
7. Shapovalov YU.N. Uchet determinant prestuplenij korystnoj napravленности pri razrabotke mer preduprezhdeniya. Prioritetы razvitiya sociogumanitarnogo znaniya, ekonomiki i prava: nauchnaya diskussiya i eksperimenty. 2017. S. 266 – 269.

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕВОЗКИ ГРАЖДАН ПРИ ОКАЗАНИИ ИМ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Власова Н.В., аспирант,
Тольяттинский государственный университет

Аннотация: с 01.01.2012 в соответствии Федеральным законом от 29.11.2010 № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» к вопросам местного значения городских округов и муниципальных районов отнесено лишь создание условий для оказания медицинской помощи населению.

Вместе с тем, и в текущей ситуации органы местного самоуправления муниципальных образований в рамках установленной компетенции активно участвуют в решении вопросов, связанных с организацией оказания медицинской помощи населению.

Изложенное в том числе может быть обусловлено следующим.

Несмотря на то, что с момента принятия названного выше Федерального закона прошло более десяти лет, существуют вопросы, которые изначально, при наличии соответствующих полномочий, решались на территории муниципального образования самостоятельно, но в настоящее время они не урегулированы единообразно на территории всех субъектов Российской Федерации.

К одним из таких вопросов можно отнести транспортировку в медицинские организации пациентов (в том числе имеющих инвалидность) в целях проведения амбулаторного гемодиализа, поскольку не во всех субъектах Российской Федерации она решается в рамках единого подхода.

В связи со спецификой данной медицинской услуги и состоянием здоровья гражданина вопрос такой перевозки становится остро значимым, поскольку она требуется на регулярной основе (как правило, планово - три раза в неделю) с постоянным транспортным и финансовым обеспечением.

Ключевые слова: перевозка, оказание медицинской помощи населению, социальная поддержка, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, инвалиды, маломобильные граждане

LEGAL ISSUES OF TRANSPORTATION OF CITIZENS WHEN PROVIDING THEM WITH CERTAIN TYPES OF MEDICAL CARE

Vlasova N.V., Postgraduate,
Togliatti State University

Abstract: since 01.01.2012, in accordance with Federal Law No. 313-FZ of 29.11.2010 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with the adoption of the Federal Law "On Compulsory Medical Insurance in the Russian Federation", only the creation of conditions for providing medical care to the population has been attributed to issues of local significance of urban districts and municipal districts.

At the same time, even in the current situation, local self-government bodies of municipalities, within the established competence, actively participate in solving issues related to the organization of medical care to the population.

The above, among other things, may be due to the fact that despite the fact that more than ten years have passed since the adoption of Federal Law No. 313-FZ, there are issues that were initially resolved independently on the territory of the municipality, but at present they are not settled uniformly on the territory of all subjects of the Russian Federation.

One of such issues can be attributed to the transportation of patients (including those with disabilities) to medical organizations for the purpose of outpatient hemodialysis, as it is not solved in all subjects of the Russian Federation within the framework of a single approach.

Due to the specifics of this medical procedure and the state of health of a citizen, the issue of such transportation becomes acutely significant, as it is required on a regular basis (as a rule, planned - three times a week) with constant transport and financial support.

Keywords: transportation, provision of medical assistance to the population, social support, state authorities of the subjects of the Russian Federation, local self-government bodies, disabled people, low-mobility groups of the population

Вместе с тем, практика транспортировки в медицинские организации граждан в целях проведения амбулаторного гемодиализа на региональном уровне не является однородной, что в совокупности с социальным характером делает единобразность решения данного вопроса особо актуальной.

Имеет место мнение, что транспортировка пациентов с учетом состояния их здоровья для проведения необходимых медицинских процедур с установленной регулярностью (например при почечной недостаточности) от места их проживания до места лечения (в частности проведения амбулаторного гемодиализа) и обратно, является не медицинской, а транспортной услугой.

Следовательно, такая перевозка не является непосредственно оказанием гарантированной государством медицинской помощи с осуществлением соответствующего финансового обеспечения по данному направлению, но относится к мероприятиям по обеспечению доступности медицинской помощи для населения региона.

Так, транспортная доступность учреждений здравоохранения является одним из показателей качества и доступности медицинской помощи, установленных Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон №323-ФЗ).

При этом транспортная доступность должна быть обеспечена для всего населения, включая инвалидов и другие маломобильные категории граждан.

Необходимо отметить, что и вопросы обеспечения доступности медицинской помощи, и вопросы организации оказания основных видов медицинской помощи законодательно отнесены к полномочиям региональных органов государственной власти с финансовым обеспечением за счет соответствующих источников.

Также законодательно закреплено, что транспортная доступность учреждений здравоохранения учитывается при формировании территориальной программы соответствующих государственных гарантий.

При этом суды учитывают транспортировку граждан в учреждения здравоохранения, проводящие амбулаторный гемодиализ как специализированную медицинскую помощь, в составе мероприятий по оказанию данной медицинской помощи.

Таким образом, такая перевозка рассматривается как необходимость в связи особенностью заболевания и самой медицинской процедуры.

В настоящее время на территории Российской Федерации сформировалась достаточно обширная судебная практика по данному вопросу, подтверждающая изложенное.

При этом, решение вопроса транспортировки граждан в учреждения здравоохранения для проведения гемодиализа в субъектах Российской Федерации решается органами государственной власти двумя основными способами: либо путем непосредственно организации такой транспортировки, либо путем предоставления гражданам социальных выплат компенсирующего характера за соответствующий проезд.

Вместе с тем, предоставление гражданам таких социальных выплат, как правило, осуществляется уже не региональными органами в сфере здравоохранения, а органами социальной защиты, что также создает отдельные спорные моменты.

Также региональные власти могут привлечь к данной задаче и власти муниципальных образований через полномочия в части оказания медицинской помощи населению по совокупности норм Федеральных законов №323-ФЗ и №131-ФЗ через принятие закона субъекта Российской Федерации, которым возможна конкретизация компетенции органов местного самоуправления по данному направлению.

В отдельных муниципальных образованиях в соответствии с региональным законодательством организация транспортного обслуживания с учетом необходимости обеспечения доступности учреждений здравоохранения для населения, в том числе маломобильных граждан, является одним из способов содействия населению для оказания медицинской помощи.

Однако, данный способ следует из законодательно установленного вопроса местного значения - организации транспортного обслуживания населения, что, как правило, реализуется через соответствующую деятельность муниципальных автотранспортных предприятий.

В случае, если вопрос такой транспортировки не определен по всей территории региона, отдельные муниципальные образования решают его через установление за счет средств своего бюджета дополнительных мер социальной поддержки в рамках соответствующего права органов местного самоуправления, предусмотренного Федеральным законом №131-ФЗ, как путем предоставления денежных выплат на проезд гражданам, которым предоставляются соответствующие медицинские услуги, так и путем непосредственно осуществления их перевозки, например, с привлечением организаций – перевозчиков в рамках контрактной системы.

Однако, также учитывая судебную практику по рассматриваемому направлению, правомерен вывод, что у власти на местах отсутствует обязанность транспортировки граждан, нуждающихся в амбулаторном гемодиализе.

медиализе, в медицинские организации для его проведения и обратно.

Решение данного вопроса на местном уровне, по сути, является добной волей муниципалитета и может осуществляться только при допустимой финансовой нагрузке на бюджет муниципального образования.

Отдельно необходимо отметить, что в связи с отсутствием соответствующих полномочий органы местного самоуправления не могут гарантировать лицам, страдающим почечной недостаточностью, условия перевозки с учетом тяжести состояния их здоровья и возможных ограничений двигательной активности специализированным транспортом, приспособленным для транспортировки маломобильных граждан. Изложенное в том числе обуславливается недостаточно развитым и конкурентоспособным рынком поставщиков таких услуг, а также необходимостью соблюдения ими установленных конкурсных процедур в рамках контрактной системы.

Учитывая изложенное выше, возможным решением такого общественно значимого вопроса будет являться федеративное введение единого подхода к транспортировке в медицинские организации пациентов в целях оказания им специализированной медицинской помощи, включая проведение амбулаторного гемодиализа, поскольку необходимость организации транспортировки с учетом состояния здоровья пациента всегда будет существовать.

Отдельно также стоит остановиться на вопросе использования специализированных автомобилей при перевозке инвалидов с заболеваниями опорно-двигательного аппарата.

Несмотря на законодательно установленную необходимость обеспечения для инвалидов доступности объектов транспортной инфраструктуры и оказываемых услуг, даже при обычной перевозке, например, легковым такси не всегда такая доступность будет обеспечена, особенно если лицо использует вспомогательные приспособления и технические средства (ходунки, кресла-коляски и прочее).

С учетом установленной законом указанной необходимости, например, в рамках государственного или муниципального контракта не может быть закуплен общественный транспорт, не соответствующий установленным параметрам, и все чаще в городах оказываются услуги по перевозке низкопольными автобусами, троллейбусами.

В свою очередь, поскольку оказание услуг по перевозке через легковое такси осуществляется частными организациями – перевозчиками, решением вопроса доступности такого транспорта для инвалидов могло бы стать введение квотирования на вхождение в автопарк указанных организаций специализированных автомобилей, оборудованных для перевозки лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата (по аналогии с законодательно установленной квотой при трудоустройстве инвалидов).

Литература

1. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 27.11.1995. № 48. ст. 4563; Российская газета. № 234. 02.12.1995.
2. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 18.10.1999. № 42. ст. 5005; Российская газета. № 206. 19.10.1999.
3. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 06.10.2003. № 40. ст. 3822.
4. Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // Российская газета. № 274. 03.12.2010, «Российская газета. № 275. 06.12.2010 (уточнение); Собрание законодательства РФ. 06.12.2010. № 49. ст. 6422; Парламентская газета. № 64. 10-16.12.2010.
5. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 22.11.2011; Российская газета. № 263. 23.11.2011; Парламентская газета. № 50. 24.11-01.12.2011; Собрание законодательства РФ. 28.11.2011. № 48. ст. 6724.
6. Федеральный закон от 29.11.2010 № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации"» // Российская газета. № 274. 03.12.2010; Собрание законодательства РФ. 06.12.2010. № 49. ст. 6409; Парламентская газета. № 64. 10-16.12.2010.
7. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 08.04.2013; Собрание законодательства РФ. 08.04.2013. № 14. ст. 1652; Российская газета. № 80. 12.04.2013.

8. Закон Самарской области от 03.10.2014 № 82-ГД «Об отдельных вопросах в сфере охраны здоровья граждан в Самарской области» // Волжская коммуна. № 264(29116). 07.10.2014.

9. Приказ Минздрава РФ от 13.08.2002 № 254 «О совершенствовании организации оказания диализной помощи населению Российской Федерации» // Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

10. Приказ Минздрава России от 20.12.2012 № 1271н «Об утверждении стандарта специализированной медицинской помощи при почечной недостаточности. Проведение обмена перitoneального диализа» (Зарегистрировано в Минюсте России 04.02.2013 N 26797) // Российская газета (специальный выпуск). № 122/1. 07.06.2013.

11. Постановление администрации городского округа Самара от 14.11.2017 № 981 «Об утверждении муниципальной программы городского округа Самара «Социальная поддержка инвалидов, ветеранов и граждан пожилого возраста» на 2018 – 2022 годы» // Сайт администрации городского округа Самара <https://samadm.ru/docs/official-publication>. 18.11.2017.

12. Постановление администрации городского округа Тольятти от 13.09.2019 № 2488-п/1 «Об утверждении муниципальной программы «Создание условий для улучшения качества жизни жителей городского округа Тольятти» на 2020-2024 годы» // газета «Городские ведомости». №70. 20.09.2019.

13. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 14.07.2015 по делу № 33-2934/2015 // Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

14. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 08.06.2016 по делу № 33-8397/2016. // Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

15. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 03.05.2017 № 33-9176/2017. // Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

16. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 04.02.2020 № 88-1963/2020 // Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

17. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 04.03.2020 № 88-7311/2020 // Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

References

1. Federal'nyj zakon ot 24.11.1995 № 181-FZ «O social'noj zashchite invalidov v Rossijskoj Federacii». Sobranie zakonodatel'stva RF. 27.11.1995. № 48. st. 4563; Rossijskaya gazeta. № 234. 02.12.1995.

2. Federal'nyj zakon ot 06.10.1999 № 184-FZ «Ob obshchih principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti sub"ektov Rossijskoj Federacii». Sobranie zakonodatel'stva RF. 18.10.1999. № 42. st. 5005; Rossijskaya gazeta. № 206. 19.10.1999.

3. Federal'nyj zakon ot 06.10.2003 № 131-FZ «Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii». Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 06.10.2003. № 40. st. 3822.

4. Federal'nyj zakon ot 29.11.2010 № 326-FZ «Ob obyazatel'nom medicinskom strahovanii v Rossijskoj Federacii». Rossijskaya gazeta. № 274. 03.12.2010, «Rossijskaya gazeta. № 275. 06.12.2010 (utochnenie); Sobranie zakonodatel'stva RF. 06.12.2010. № 49. st. 6422; Parlamentskaya gazeta. № 64. 10-16.12.2010.

5. Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ «Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii». Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://pravo.gov.ru>. 22.11.2011; Rossijskaya gazeta. № 263. 23.11.2011; Parlamentskaya gazeta. № 50. 24.11-01.12.2011; So-branie zakonodatel'stva RF. 28.11.2011. № 48. st. 6724.

6. Federal'nyj zakon ot 29.11.2010 № 313-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'-nye akty Rossijskoj Federacii v svyazi s priyatiem Federal'nogo zakona "Ob obyazatel'nom medi-cinskom strahovanii v Rossijskoj Federacii"». Rossijskaya gazeta. № 274. 03.12.2010; Sobranie zakonodatel'stva RF. 06.12.2010. № 49. st. 6409; Parlamentskaya gazeta. № 64. 10-16.12.2010.

7. Federal'nyj zakon ot 05.04.2013 № 44-FZ «O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd». Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://pravo.gov.ru>. 08.04.2013; Sobranie zakonodatel'stva RF. 08.04.2013. № 14. st. 1652; Rossijskaya gazeta. № 80. 12.04.2013.

8. Zakon Samarskoj oblasti ot 03.10.2014 № 82-GD «Ob otdel'nyh voprosah v sfere ohrany zdorov'ya grazhdan v Samarskoj oblasti». Volzhskaya kommuna. № 264(29116). 07.10.2014.

9. Prikaz Minzdrava RF ot 13.08.2002 № 254 «O sovershenstvovanii organizacii okazaniya dializnoj pomoschi naseleniyu Rossijskoj Federacii». Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz spravochno-pravovoj sistemy «Konsul'tant-Plyus».

10. Prikaz Minzdrava Rossii ot 20.12.2012 № 1271n «Ob utverzhdennii standarta specializirovannoj medicinskoy pomoshchi pri pochechnoj nedostatochnosti. Provedenie obmena peritoneal'nogo dializa» (Zaregistrirовано в Minyuste Rossii 04.02.2013 N 26797). Rossijskaya gazeta (special'-nyj vypusk). № 122/1. 07.06.2013.

11. Postanovlenie administracii gorodskogo okruga Samara ot 14.11.2017 № 981 «Ob utverzhdennii municipal'noj programmy gorodskogo okruga Samara «Social'naya podderzhka invalidov, vete-ranov i grazhdan pozhilogo vozrasta» na 2018 – 2022 gody». Sajt administracii gorodskogo okruga Samara <https://samadm.ru/docs/official-publication>. 18.11.2017.

12. Postanovlenie administracii gorodskogo okruga Tol'yatti ot 13.09.2019 № 2488-p/1 «Ob utverzhdennii municipal'noj programmy «Sozdanie uslovij dlya uluchsheniya kachestva zhizni zhitelei gorodskogo okruga Tol'yatti» na 2020-2024 gody». gazeta «Gorodskie vedomosti». №70. 20.09.2019.

13. Apellyacionnoe opredelenie Ul'yanovskogo oblastnogo suda ot 14.07.2015 po delu № 33-2934/2015. Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz spravochno-pravovoij sistemy «Konsul'tant-Plyus».

14. Apellyacionnoe opredelenie Sverdlovskogo oblastnogo suda ot 08.06.2016 po delu № 33-8397/2016. Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz spravochno-pravovoij sistemy «Konsul'tant-Plyus».

15. Apellyacionnoe opredelenie Verhovnogo suda Respubliki Bashkortostan ot 03.05.2017 № 33-9176/2017. Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz spravochno-pravovoij sistemy «Konsul'tant-Plyus».

16. Opredelenie Sed'mogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 04.02.2020 № 88-1963/2020. Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz spravochno-pravovoij sistemy «Konsul'tant-Plyus».

17. Opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 04.03.2020 № 88-7311/2020. Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz spravochno-pravovoij sistemy «Konsul'tant-Plyus».

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ЭЛЕКТРОННОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ. ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМАЦИИ
ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ПРОЦЕССЕ**

**Гончаров Р.В., аспирант,
Саратовская государственная юридическая академия**

Аннотация: статья посвящена одной из наиболее актуальных на сегодняшний день проблем в электронной коммерции – вопросе использования электронных доказательств в судах. В статье производится анализ существующих точек зрения ученых о классификации электронных доказательств, их понимания и как средства доказывания, и как доказательства.

Автором приводится перечень вопросов, которые разрешаются судом при рассмотрении споров, связанных с предоставлением электронных доказательств, а именно: установления источника информации через понимание принадлежности электронного ресурса и презумпции автора, фиксации информации и предоставления ее в форме, доступной для восприятия участниками судопроизводства и судом, оценки электронных доказательств с учетом всех доступных средств доказывания.

В статье рассматриваются примеры судебной практики, констатируется наличие противоречий при рассмотрении вопросов использования в качестве электронных доказательств сведений, полученных из интернет-архивов, и подтверждения сложившихся отношений между субъектами через анализ электронной переписки. В работе изучаются вопросы признания электронных доказательств допустимыми, определяются способы их легитимации, указывается о невозможности предоставления электронных доказательств в оригинальном виде ввиду их существования в информационной среде.

Автором делается вывод о необходимости выработки при рассмотрении электронных доказательств единых правил и определенного порядка работы с ними, направленного на установление конкретного источника информации, идентификацию автора, фиксацию сведений и их оценку.

Ключевые слова: электронная коммерция, электронное доказательство

**PROCEDURAL ASPECTS OF USING ELECTRONIC DOCUMENTATION.
PROBLEMS OF LEGITIMIZING ELECTRONIC EVIDENCE IN THE PROCESS**

**Goncharov R.V., Postgraduate,
Saratov State Law Academy**

Abstract: the article is devoted to one of the most pressing problems in e-commerce today - the issue of using electronic evidence in courts. The article analyzes the existing points of view of scientists on the classification of electronic evidence, their understanding both as a means of proof and as evidence.

The author provides a list of issues that are resolved by the court when considering disputes related to the provision of electronic evidence, namely: establishing the source of information through understanding the ownership of the electronic resource and the presumption of the author, fixing the information and providing it in a form that can be perceived by the participants in the proceedings and the court, assessing electronic evidence, taking into account all available means of evidence.

The article examines examples of judicial practice, states the presence of contradictions when considering the use of information obtained from Internet archives as electronic evidence, and confirmation of the existing relationship between the subjects through the analysis of electronic correspondence. The work examines the issues of recognizing electronic evidence as admissible, determines the methods of their legitimization, indicates the impossibility of providing electronic evidence in its original form due to their existence in the information environment.

The author concludes that it is necessary to develop uniform rules and a certain procedure for working with them when considering electronic evidence, aimed at establishing a specific source of information, identifying the author, fixing information and evaluating it.

Keywords: e-commerce, electronic proof

Развитие информационных технологий, увеличение предложения и спроса на товары на Интернет-площадках, рост количества электронных сделок все это определяет увеличение споров между контрагентами, необходимости их разрешения.

В этой связи актуальными становятся вопросы защиты прав участников электронных сделок, процесса представления и оценки электронных доказательств.

Российское процессуальное законодательство не содержит понятия «электронное доказательство». Но в ходе судебных разбирательств стороны с целью защиты своих прав ссылаются на электронные доказательства, существующие в виде сведений, содержащихся в Интернете, переписках и т.п., предоставляют распечатки, акты осмотра, а суды дают им соответствующую оценку.

Следовательно, в таких случаях электронными доказательствами являются целые комплексы информации, выраженные в электронной форме: электронные документы, интернет-адреса, электронная почта, мессенджеры, хранилища и т.п. – все к чему применимо понятие «электронный».

Некоторыми учеными проводится работа по классификации электронных доказательств в зависимости от набора их сущностных черт и признаков.

Журкина О.В. указывает на понимание электронных доказательств в двух аспектах. В первом случае – электронное доказательство – цифровой носитель информации, который имеет материальную форму; во втором – информация, существующая в электронном виде и полученная с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [3, с. 45].

Следовательно, электронное доказательство может рассматриваться и как средство доказывания, и как доказательство.

Средства доказывания – это предусмотренные процессуальным законом способы получения фактических данных, подтверждающих или опровергающих существование фактов, интересующих суд [1].

Статья 55 ГПК РФ к ним относит объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключения экспертов.

Нахова Е.А. выделяет следующую классификацию электронных доказательств: электронные доказательства (документы, полученные посредством электронной связи); электронные документы (документы, подписанные электронной подписью); аудио- и видеозаписи на электронных носителях [6, с. 87].

Лаптев В.А. рассматривает электронные доказательства, как: электронные сообщения; электронные документы; аудио- и видеозапись, цифровое фотоизображение; информация официальных сайтов публичных органов и организаций в сети Интернет; СМС- и иные сообщения (мессенджеры) и т.д.

Исходя из процессуального законодательства письменные доказательства – документы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также документы, подписанные электронной подписью; при этом в ГПК РФ это не только документы, но и материалы с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (ст. 75 АПК РФ, ст. 71 ГПК РФ).

Голубцов В.Г. указывает, что понимание законодателем электронного доказательства как письменного доказательства весьма логично, поскольку такое отнесение основано на том, что сведения, которые содержатся в электронных документах, представляют собой человеческую мысль (понятия, суждения, умозаключения и т.д.) о существующей действительности. При этом в остальных случаях, когда документ представляет собой фотоснимок либо иное отражение реальной действительности, которое не содержит мысль, его никак нельзя признать письменным доказательством [2, с. 175].

Таким образом, электронные доказательства в понимании цифрового носителя информации, имеющего материальную форму, могут существовать и как письменные, и как вещественные, и как аудио-, видеозаписи.

Следующая проблема в процессуальном праве – перенос информации, существующей в электронно-цифровой форме, как доказательства в материальную форму, доступную для восприятия судом и последующей легитимации, то есть признания законности такого средства, реального понимания информации как существующей и объективной.

И здесь возникают следующие вопросы:

1. Как установить источник сведений, существующих в электронной среде, и отнести их к конкретному субъекту;
2. Как зафиксировать электронное доказательство, перенести его в форму, доступную для восприятия;
3. Как оценить электронное доказательство.

Поставленные вопросы не разделены по какому-либо критерию, они представляются основными в понимании электронных доказательств и возникают в ходе судебных разбирательств.

«Мы не должны ограничиваться лишь выяснением и описанием обстоятельств, подлежащих установлению по конкретной категории дел; мы должны сосредоточиться на изучении механизмов работы суда с фактами в процессе доказывания» [4, с. 201].

В зависимости от поведения стороны в ходе судебного разбирательства индивидуализация автора может происходить как в пассивной, так и в активной формах.

При пассивном поведении стороны соглашаются с принадлежностью сайтов, смс-сообщений, номеров телефонов, а суд признает данный никем неоспариваемый факт.

В случае активного поведения стороны оспаривают принадлежность владельцев сайтов, а судом проводится работа по установлению субъектов, к примеру, отправивших сообщения, то есть имеет место деятельность по идентификации авторов. Факт принадлежности электронной почты СНТ «Горняк-2», а также его председателю Д.Н.Н. материалами дела не подтвержден [20].

Высший Арбитражный суд РФ указал, что получение или отправка сообщения с использованием адреса электронной почты, известного как почта самого лица или служебная почта его компетентного сотрудника, свидетельствует о совершении этих действий самим лицом, пока им не доказано обратное [10].

Следовательно, процесс установления автора состоит из двух звеньев: доказывание факта принадлежности (сайта, адреса, номера) и установление презумпции автора (сообщения, владельца адреса, номера).

Суд при оценке нотариального протокола осмотра сведений в мессенджере «Viber» и судебной экспертизы по определению автора оспариваемых сообщений, установил, что абонентский номер сотовой связи оформлен на ответчика, который также является администратором группы в мессенджере, а также с учетом того, что ответчик не представил доказательств, свидетельствующих о том, что спорный аккаунт использовался не ответчиком, а кем-то иным, сделал вывод, что автором сообщений является именно ответчик [10].

В этой связи предполагается совпадение автора сообщения в одном лице вместе с владельцем почты, с которого направлено данного сообщение.

И если с принадлежностью интернет-адреса и отнесения владельцу такого адреса направленного сообщения все относительно понятно, то возникает другой вопрос: что может указывать на факт отправления/получения электронного сообщения.

Савельев А.И. в качестве доказывания данного факта называет использование лог-файлов, поскольку лог-файлы могут содержать системную информацию о работе сервера и информацию о действиях пользователей, включающую дату и время визита пользователя, IP-адрес компьютера пользователя, факт отправки сообщения с IP-адреса пользователя, факт получения сообщения с определенного IP-адреса с указанием времени [23, с. 518].

Но лог-файл это не документ, это метаданные, электронная информация находится в самом документе, сообщении [24, с. 62]. Каким образом установить содержание документа?

Учитывая специфику сети Интернет и возможность оперативного устранения информации с сайта, процедура обеспечения доказательственной информации, размещенной в сети Интернет, по объективным причинам должна осуществляться безотлагательно в целях ее незамедлительной фиксации [15].

В российской практике довольно распространенным способом фиксация информации является создание протокола осмотра сайта, интернет-страниц или мессенджера нотариусом.

Так, при вынесении решений суды ссылаются на протоколы осмотра нотариусом переписки в мессенджере «WhatsApp» [16], «Viber» [19], электронной почты [17].

Иванова С.В. считает, что интернет-переписку можно считать допустимым доказательством, если представляется возможным достоверно установить принадлежность электронного адреса соответствующему лицу, а заверение интернет-страниц осуществлено нотариусом и подтверждено соответствующим протоколом [5].

Но можно ли указывать о допустимости доказательств только в случае заверения переписки нотариусом.

Пленум Верховного Суда РФ указал, что допустимыми доказательствами являются в том числе сделанные и заверенные лицами, участвующими в деле, распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот), с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения. Такие распечатки подлежат оценке судом при рассмотрении дела наравне с прочими доказательствами (статья 67 ГПК РФ, статья 71 АПК РФ) [13].

Следовательно, стороны в гражданско-правовом споре свободны в выборе средств доказывания.

Так, Арбитражный суд Тульской области не только указал, что стороны могут самостоятельно фиксировать находящуюся в сети «Интернет» информацию с указанием даты ее фиксации, адреса нахождения информации в сети «Интернет» (сетевой адрес, доменное имя, IP-адрес и т.п.), но и сам проявил активную роль – лично произвел осмотр сайта nn.jurpark.ru, установив, что информация, представленная на сайте, соответствовала информации, находящейся на скриншотах страниц сайта в приложении к исковому заявлению.

Предложенный пример указывает на 2 момента: заверение интернет-страницы лицом, участвующим в деле, как одного из способов заверения, что соответствует позиции Верховного Суда РФ относительно допустимости доказательств, и активная роль суда в установлении обстоятельств.

Зачастую при активной роли суда возможно установление необходимых обстоятельств по делу.

Так, судом «в целях установления принадлежности электронных адресов судом был направлен запрос в ООО «Мэйл.ру», согласно ответа которого у провайдера имеется информация о пользователе электронного почтового ящика <данные изъяты>... Таким образом... ответчику принадлежит электронный почтовый адрес <данные изъяты>» [21].

Одним из способов доказывания факта размещения информации является представление данных из Интернет-архивов.

В самом общем виде деятельность интернет-архива можно свести к систематическому копированию при помощи специальных программных средств (поисковых роботов) содержания общедоступных интернет-страниц по состоянию на определенный момент времени, с последующим включением их в специальный архив в систематизированном виде [22].

В настоящее время существует множество ресурсов, существующих в качестве интернет-архивов.

Механизм использования интернет-архивов, следующий: в строке поиска вводится интересующий URL-адрес, потом в появившемся окне выбирается одна из дат, когда были сделаны снимки интернет-страницы; после чего сайт показывает веб-страницу в указанный момент времени.

Наибольшее распространение данный способ представления доказательств получил при рассмотрении споров по защите авторских прав, так как подобные споры напрямую связаны с установлением факта распространения спорной информации на сайте.

Однако интересен противоречивый вывод, который можно сделать исходя из анализа оценки интернет-архивов.

Так, Арбитражный суд Саратовской области в ходе оценки представленных сведений из интернет-архива «Internet Archive» указал, что поскольку согласно условиям пользования данного сервиса сервис не ручается за достоверность размещенных материалов, то такие сведения не могут учитываться в качестве доказательств [19].

В другом споре суд указал, что распечатки с ресурса «Веб-архив.ру» соотносятся с распечатками, приложенными к протоколу нотариального осмотра, ответчиком не представлены доказательства, ставящие под сомнение доказательства истца [12].

Указанный пример свидетельствует об отсутствии единого подхода к вопросам использования таких доказательств.

С учетом положений ч. 2 ст. 71 ГПК РФ о предоставлении письменных доказательств в подлиннике или в форме надлежащим возникает вполне логичный вопрос: что является оригиналом доказательства, представленного в виде электронного образа, допустим скриншота? [4, с. 119].

Приведем пример. Контрагенты в ходе своей деятельности ведут переписку путем отправления документов с использованием почтовой связи. В таком случае доказательство – сведения, содержащиеся в документе (носителе), средство доказывания – письменное доказательство, и подлинник данного письменного доказательства – сам документ (носитель).

Другой пример. Стороны ведут деловую переписку с использованием электронных документов либо в мессенджере. Доказательствами также являются сведения, содержащиеся в электронных документах либо мессенджере. Средство доказывания – это письменное доказательство (распечатка, протоколы осмотра страниц и т.д.), аудио-, видео- и т.п. Но что в таком случае будет являться подлинником? Распечатка? Заверенная распечатка? Но распечатка – это лишь выражение, фиксация информации на материальном носителе.

Полагаем, что применительно к электронным доказательствам не представляется возможным говорить о предоставлении подлинника, поскольку подлинник существует в информационной среде. Стороны спора и суд могут лишь зафиксировать, перенести на материальный носитель саму информацию. Иными словами, отобразить сведения, существующие на экране, в материальные предметы.

Поэтому и существуют определенные сложности в процессе доказывания и оценки доказательств, так как информация на подобных носителях существует как отображение, то есть по своей природе является вторичной к информации на электронном ресурсе.

Следующий вопрос состоит в процессуальном праве относительно электронных доказательств является их оценка.

Суд делает вывод о наличии каких-либо обстоятельств с учетом всех доказательств, которые взаимосвязаны и дополняют друг друга. Без учета механизма взаимной оценки невозможно принятие незаконного и необоснованного акта.

Товарными накладными, актами, частичной оплатой полученного товара, а также электронной перепиской сторон подтверждается характер сложившихся между сторонами правоотношений по поставке [14].

Так, признавая представленные ответчиком документы недопустимыми доказательствами в силу ст. 64 АПК РФ, суды не учили, что существование и содержание электронной переписки сторонами не оспаривалось. Кроме того, содержание электронной переписки согласуется с замечаниями водителя перевозчика, отраженными в накладной на внутреннее перемещение объектов основных средств, которая судами также оставлена без внимания. Выводы судов не соответствуют фактическим обстоятельствам дела и имеющимся в деле доказательствам [9].

Но необходима выработка единого подхода к оценке тех или иных доказательств, недопустимости диаметрально противоположных мнений.

Приведем следующие примеры.

«Поскольку договором аренды не предусмотрена возможность ведения сторонами электронной переписки, представленная истцом в качестве доказательства согласования технической и иной документации электронная переписка не признан судом допустимым доказательством. Суд апелляционной инстанции выводы суда первой инстанции поддержал. Оснований не согласиться с выводами судом кассационная коллегия не усматривает [7].

Истец в обоснование своей позиции предоставил суду доказательства переписки с использование электронной почты и электронных адресов. Ответчик считает корреспонденцию, предоставленную судом в виде скриншот страниц электронной почты недопустимым доказательством, поскольку договором стороны не определили электронные адреса, на которые могут направляться юридически значимые сообщения. Суд указал, что отсутствие соглашения об обмене электронными документами между сторонами не является нарушением требований закона. Несмотря на то, что в договоре сторонами не определены электронные адреса, электронная почта указана на сайте ответчика. В связи с чем довод ответчика о признании корреспонденции недопустимым доказательством является несостоятельным.

Подобная судебная оценка навряд ли может сказаться на устойчивости хозяйственного оборота, привести к стабильности отношений.

Следовательно, электронные доказательства с учетом своей природы – существования в информационной среде, нуждаются в комплексном анализе, изучении их взаимосвязи с иными письменными и вещественными доказательствами, выработке единых правил и определенного порядка работы с ними, направленного на установление конкретного источника информации, возможности его идентификации, фиксации сведений, и даче им целостной оценки.

Литература

1. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М.: Инфра-М. 2003. 624 с.
2. Голубцов В.Г. Электронные доказательства в контексте электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. 477 с.
3. Журкина О.В. Электронные доказательства: понятие и признаки // Российская юстиция. 2020. № 9. 78 с.
4. Зайцева Л.В., Сухова Н.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве: вопросы процессуального доказывания // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. 477 с.
5. Иванова С.В. Роль нотариуса в обеспечении доказательств // СПС КонсультантПлюс. 2020.
6. Нахова Е.А. Проблемы применения электронных доказательств в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве // Закон. 2018. № 4. 199 с.
7. Постановление Арбитражного суда Оренбургской области от 2 ноября 2020 по делу А47-11798/2018. Доступ из Справ. правовой системы «Картотека арбитражных дел» (дата обращения: 07.01.2021)
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 9 октября 2018 по делу № А40-205953/2017. Доступ из Справ. правовой системы «Картотека арбитражных дел» (дата обращения: 08.01.2021)
9. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 17 декабря 2020 по делу № А65-1008/2020 Доступ из Справ. правовой системы «Картотека арбитражных дел» (дата обращения: 08.01.2021).
10. Постановление Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.11.2012 № 18002/12 по делу № А47-7950/2011. Доступ из Справ. правовой системы «Картотека арбитражных дел» (дата обращения: 07.01.2021)
11. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 июня 2018 по делу № А57-3084/2017. Доступ из Справ. правовой системы «Картотека арбитражных дел» (дата обращения: 08.01.2021)
12. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда РФ от 22 декабря 2020 по делу № А65-6320/2020. Доступ из Справ. правовой системы «Картотека арбитражных дел» (дата обращения: 08.01.2021)

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета, 2019. № 96.
14. Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 22 декабря 2020 по делу № А59-534/2020. Доступ из Справ. правовой системы «Картотека арбитражных дел» (дата обращения: 08.01.2021).
15. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29 марта 2017 по делу N A43-4569/2016. Доступ из Справ. правовой системы «Картотека арбитражных дел» (дата обращения: 07.01.2021)
16. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 08 сентября 2020 по делу № А26-10342/2019. Доступ из Справ. правовой системы «Картотека арбитражных дел» (дата обращения: 07.01.2021)
17. Решение Арбитражного суда Курской области от 31 декабря 2021 по делу № А35-10825/2018. Доступ из Справ. правовой системы «Картотека арбитражных дел» (дата обращения: 08.01.2021)
18. Решение Арбитражного суда Саратовской области от 21 августа 2020 по делу № А57-28279/2019. Доступ из Справ. правовой системы «Картотека арбитражных дел» (дата обращения: 08.01.2021)
19. Решение Арбитражного суда Саратовской области от 11 сентября 2020 по делу № А57-4777/2020. Доступ из Справ. правовой системы «Картотека арбитражных дел» (дата обращения: 07.01.2021)
20. Решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 18 января 2019 по делу № 12-311/2019. Доступ из Справ. правовой системы «СудАкт» (дата обращения: 07.02.2021)
21. Решение Советского районного суда г. Брянска от 9 сентября 2019 по делу № 2-4143/2019. Доступ из Справ. правовой системы «СудАкт» (дата обращения: 13.02.2021)
22. Савельев А.И. Использование материалов интернет-архива Wayback Machine в качестве доказательства в арбитражном процессе // Вестник ВАС РФ. 2013. N 12. 320 с.
23. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд. М.: Статут, 2016. 640 с.
24. Самолысов П.В. Электронные доказательства в делах о нарушении антимонопольного законодательства // Право и экономика. 2016. № 5. 79 с.
25. Васяев А.А. Представление доказательств без их собирания – право защитника // Современное право. 2011. № 1. С. 117 – 119.

References

1. Bol'shoj yuridicheskij slovar'. pod red. A.YA. Suhareva, V.E. Krutskih. M.: Infra-M. 2003. 624 s.
2. Golubcov V.G. Elektronnje dokazatel'stva v kontekste elektronnogo pravosudiya. Vestnik grazhdanskogo processa. 2019. № 1. 477 s.
3. ZHurkina O.V. Elektronnje dokazatel'stva: ponyatie i priznaki. Rossijskaya yusticiya. 2020. № 9. 78 s.
4. Zajceva L.V., Suhova N.V. Elektronnje dokazatel'stva v grazhdanskom sudoproizvodstve: voprosy processual'nogo dokazyvaniya. Vestnik grazhdanskogo processa. 2019. № 1. 477 s.
5. Ivanova S.V. Rol' notariusa v obespechenii dokazatel'stv. SPS Konsul'tantPlyus. 2020.
6. Nahova E.A. Problemy primeneniya elektronnih dokazatel'stv v civilisticheskem processe i administrativnom sudoproizvodstve. Zakon. 2018. № 4. 199 s.
7. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Orenburgskoj oblasti ot 2 noyabrya 2020 po delu A47-11798/2018. Dostup iz Sprav. pravovoij sistemy «Kartoteka arbitrazhnyh del» (data obrashcheniya: 07.01.2021)
8. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 9 oktyabrya 2018 po delu № A40-205953/2017. Dostup iz Sprav. pravovoij sistemy «Kartoteka arbitrazhnyh del» (data obrashcheniya: 08.01.2021)
9. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Povolzhskogo okruga ot 17 dekabrya 2020 po delu № A65-1008/2020 Dostup iz Sprav. pravovoij sistemy «Kartoteka arbitrazhnyh del» (data obrashcheniya: 08.01.2021).
10. Postanovlenie Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 12.11.2012 № 18002/12 po delu № A47-7950/2011. Dostup iz Sprav. pravovoij sistemy «Kartoteka arbitrazhnyh del» (data obrashcheniya: 07.01.2021)
11. Postanovlenie Dvenadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo cuda ot 19 iyunya 2018 po delu № A57-3084/2017. Dostup iz Sprav. pravovoij sistemy «Kartoteka arbitrazhnyh del» (data obrashcheniya: 08.01.2021)
12. Postanovlenie Odinnadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda RF ot 22 dekabrya 2020 po delu № A65-6320/2020. Dostup iz Sprav. pravovoij sistemy «Kartoteka arbitrazhnyh del» (data obrashcheniya: 08.01.2021)
13. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23.04.2019 N 10 «O primenenii chasti chet-vertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii». Rossijskaya gazeta, 2019. № 96.
14. Postanovlenie Pyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 22 dekabrya 2020 po delu № A59-534/2020. Dostup iz Sprav. pravovoij sistemy «Kartoteka arbitrazhnyh del» (data obrashcheniya: 08.01.2021).
15. Postanovlenie Suda po intellektual'nym pravam ot 29 marta 2017 po delu N A43-4569/2016. Dostup iz Sprav. pravovoij sistemy «Kartoteka arbitrazhnyh del» (data obrashcheniya: 07.01.2021)

16. Postanovlenie Trinadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 08 sentyabrya 2020 po delu № A26-10342/2019. Dostup iz Sprav. pravovoj sistemy «Kartoteka arbitrazhnyh del» (data obra-shcheniya: 07.01.2021)
17. Reshenie Arbitrazhnogo suda Kurskoj oblasti ot 31 dekabrya 2021 po delu № A35-10825/2018. Dostup iz Sprav. pravovoj sistemy «Kartoteka arbitrazhnyh del» (data obrashcheniya: 08.01.2021)
18. Reshenie Arbitrazhnogo suda Saratovskoj oblasti ot 21 avgusta 2020 po delu № A57-28279/2019. Dostup iz Sprav. pravovoj sistemy «Kartoteka arbitrazhnyh del» (data obrashcheniya: 08.01.2021)
19. Reshenie Arbitrazhnogo suda Saratovskoj oblasti ot 11 sentyabrya 2020 po delu № A57-4777/2020. Dostup iz Sprav. pravovoj sistemy «Kartoteka arbitrazhnyh del» (data obrashcheniya: 07.01.2021)
20. Reshenie Verh-Ietskogo rajonnogo suda g. Ekaterinburga ot 18 yanvarya 2019 po delu № 12-311/2019. Dostup iz Sprav. pravovoj sistemy «SudAkt» (data obrashcheniya: 07.02.2021)
21. Reshenie Sovetskogo rajonnogo suda g. Bryanska ot 9 sentyabrya 2019 po delu № 2-4143/2019. Do-stup iz Sprav. pravovoj sistemy «SudAkt» (data obrashcheniya: 13.02.2021)
22. Savel'ev A.I. Ispol'zovanie materialov internet-archiva Wayback Machine v kachestve dokazatel'stva v arbitrazhnom processe. Vestnik VAS RF. 2013. N 12. 320 s.
23. Savel'ev A.I. Elektronnaya kommerciya v Rossii i za rubezhom: pravovoe regulirovanie. 2-e izd. M.: Statut, 2016. 640 s.
24. Samolysov P.V. Elektronnye dokazatel'stva v delah o narushenii antimonopol'nogo zakonodatel'stva. Pravo i ekonomika. 2016. № 5. 79 s.
25. Vasyaev A.A. Predstavlenie dokazatel'stv bez ih sobiraniya – pravo zashchitnika. Sovremennoe pravo. 2011. № 1. S. 117 – 119.

МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ, РЕАЛИЗАЦИИ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Дашкова А.С., аспирант,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Аннотация: проблема хищения и эксплуатации транспортных средств путем мошенничества. Проведение краткого правового анализа уголовного законодательства Российской Федерации о мошенничестве. Обнаружение основных причин выявления смежности норм уголовного и гражданского права в аспектах хищения имущества (транспортного средства) путем обмана или злоупотребления доверием. Сделан вывод о необходимости закрепления отдельной нормы хищения транспортного средства путем обмана или злоупотребления доверием на законодательном уровне ввиду актуальности проблемы в связи с появлением в товарном обороте большого количества транспортных единиц; приоритетным предметом преступления выступают легковые автомобили ввиду их распространенности. Рассмотрение специфики данного правового явления. Выявление наиболее распространенных способов совершения противоправных действий в части хищения автомобилей путем мошенничества.

Цель: обосновать необходимость введения в российское законодательство новой статьи Уголовного кодекса, посвященной мошенничеству в сфере купли-продажи и эксплуатации транспортных средств.

Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики.

Результаты: на основе анализа философских и юридических подходов обоснована необходимость введения в Особенную часть Уголовного Кодекса Российской Федерации (место расположения: раздел VIII «Преступления в сфере экономики», глава 21 «Преступления против собственности») новой правовой нормы под названием «Мошенничество в сфере приобретения, реализации и эксплуатации транспортных средств», номерованной 159 номером с примечанием «7».

Выводы: для оптимизации легального оборота подержанных транспортных средств в Российской Федерации, и правильного функционирования смежных процедур, связанных с эксплуатацией автомобилей (в т.ч. рынок аренды), требуется внедрение нового правового регламента, что возможно к обеспечению в том числе посредством введения в Уголовный кодекс Российской Федерации новой статьи, посвященной мошенничеству в сфере купли-продажи и эксплуатации транспортных средств. Внедрение данной правовой нормы будет способствовать декриминализации этой ниши, как на коммерческом уровне, так и на уровне взаимодействия между физическими лицами прежде всего, в связи с обретением четкой уголовно-правовой диспозиции явления на законодательном уровне.

Ключевые слова: транспортное средство, автомобиль, мошенничество, уголовное дело, правовая норма, хищение, обман, приобретение, реализация, эксплуатация

FRAUDLENCE IN THE FIELD OF PURCHASING, REALIZATION AND USAGE OF VEHICLES

Dashkova A.S., Postgraduate,
A.I. Herzen Russian State Pedagogical University of Russia

Abstract: the problem of embezzlement and usage of vehicles by fraud activities. Conducting a brief legal analysis of the criminal legislation of the Russian Federation concerning of fraudulence. Detection of the main reasons of the adjacency of penal and civil law norms in the aspects of embezzlement of property (vehicle) by deception or abuse of trust. The necessity to fix a separate norm of embezzlement of a vehicle by deception or abuse of trust at the legislative level due to the urgency of the problem in connection with the emergence of a large number of transport units in the commodity turnover; passenger cars are the priority subject of the crime due to their prevalence is concluded. Consideration of the specifics of this legal phenomenon. Identification of the most common ways of committing illegal acts concerning to car embezzlement by fraudulent way.

Object: justification of the need of introducing a new article of the Criminal Code devoted to fraudulent activities in the field of purchase and sale and operation of vehicles into Russian legislation.

Methods: empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic.

Findings: the necessity of introducing a new legal norm called "Fraudulence in the field of purchasing, realization and usage of vehicles" numbered 159 with the note "7" into the Special part of the Criminal Code of the Rus-

sian Federation (location: section VIII "Crimes in the sphere of economy", chapter 21 "Crimes against property") is based on the analysis of philosophical and legal approaches and justified.

Conclusions: to optimize the legal turnover of used vehicles in the Russian Federation, and the normal functioning of related procedures related to cars usage (including rent procedures), it is necessary to introduce a new legal mechanism, which will be possible to provide, including through the introduction of a new article in the Criminal Code of the Russian Federation devoted to fraudulence of purchase, sale and usage of vehicles. The establishment of this legal act will foster to decriminalize this sphere, at the commercial level and also at the level of interaction between individuals due to the acquisition of a clear criminal-legal disposition of the phenomenon at the legislative level.

Keywords: vehicle, car, fraudulence, penal case, legal norm, embezzlement, deception, purchasing, realization, usage

Введение

Случаи хищения транспортных средств путем мошенничества в Российской Федерации крайне распространены на данный момент; вместе с тем предлагаемый на сегодня ряд решений данного вопроса не обладает никакой конструктивной конкретикой, тогда как число подобных преступлений только растет день от дня. Увеличение числа преступлений в данной сфере обусловлено прежде всего отсутствием четкого юридического механизма нейтрализации данного явления, а также его правового регулирования, что указывает на острую актуальность проблемы. В данной статье предлагается ввести отдельную правовую норму для выделения специфики, что позволит правоохранительным органам выявлять подобные ситуации и идентифицировать таковые действия как преступные без расхождения по смежности норм гражданско-правовых и уголовных, что в наши дни часто происходит на практике при обращении заявителей о хищении транспортных средств описанным выше путем.

На сегодняшний день в Российской Федерации существует ряд проблем и обозначенных нашим Правительством приоритетных аспектов для скорейшего разрешения.

Одной из актуальных проблем является внушительное количество мошеннических действий, совершаемых в отношении граждан. И если брать совокупное количество уголовных дел, возбужденных по факту мошенничества, то есть по ст. 159 УК РФ «Мошенничество», а также ст. 159 прим. 1, 2, 3, 5, 6 [11], то, согласно данным статистики по России за 2020 год их количество составило 69 862 единицы, из которых 26,7 процентов относится к сфере продажи/покупки легковых автомобилей: как новых, так и с пробегом; статистические данные за 2021 год носят более оптимистичный характер лишь визуально, так как к обзору представлен период с января 2021 года по июль 2021: показатель составляет 32 661 случаев, где к сфере продажи/покупки легковых автомобилей (как новых, так и с пробегом) относится 23,1 процента [10].

Краткий анализ статистических данных позволяет отметить факт роста популяризации специфичных преступлений, касаемых хищений автомобилей путем обмана или злоупотребления доверием: в данном случае, речь идет только об автомобилях, уже бывших в употреблении у физического или юридического лица – подержанных.

Как следствие, можно увидеть закономерность: большинство мошеннических действий, связанных с автомобильной тематикой, представляют собой в основной массе форму хищения именно самого имущества – транспортного средства (наиболее популярный вид – легковой автомобиль); остальной процент (вариирующийся от 27 до 43 процентов в период с 2016 по июль 2021 года) приходится на обманное получение денежных средств от подложного увеличения комиссии при проведении сделок на основании агентских договоров (договоров комиссии), завышении стоимости продажи финансовых услуг, дополнительного оборудования автосалонами. Схожая картина наблюдается и при исследовании статистики за 2016-2019 годы: из общего числа уголовных дел за 2016 год показатель составил 36,7 процентов; за 2017 – 32,9 процентов; за 2018 – 34,8 процентов; за 2019 – 37,8 процентов; из которых касаемые именно хищений: 38,9 процентов; за 2017 год – 27,8 процентов; за 2018 год – 27,8 процентов; за 2019 год – 30,5 процентов [10].

Такие данные подтверждают факт того, что подавляющее большинство мошеннических действий в сфере автомобильного бизнеса относятся именно к хищениям непосредственно имущества путем обмана или злоупотребления доверием. Предметами преступлений в основном выступают автомобили легковые – транспортное средство категории «В», подкатегория «М1», не предназначенные для специфического использования и не имеющие отдельного технического оснащения для осуществления функций, направленных на выполнение смежных технических задач помимо передвижения людей и транспортировки малогабаритных грузов. Вместе с тем, мотоциклы, прицепы, грузовая техника и иные виды транспорта также могут выступить предметом хищения, следовательно, наиболее оптимальной правоприменительной формулировкой будет выступать термин «транспортное средство», являющееся имуществом собственника, которо-

му. Согласно ст. 209 Гражданского кодекса Российской Федерации принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом [3].

Точки зрения на рассмотрение связь объекта и предмета мошенничества различны: так, по мнению Л.Д. Гаухмана объект и предмет мошенничества полностью соответствуют объекту и предмету любого хищения; в такой разновидности мошенничества как приобретение права на имущество, предмет отсутствует [2, с. 65], тогда как А.И. Бойцов придерживается противоположного мнения, выделяя мошенничество в отдельный сектор, придавая огромное значение специфики деяния [1, с. 445].

Одной из причин совершения достаточно большого количества преступлений в данной области выступает достаточно внушительное число единиц легковых автомобилей, приходящихся на душу населения, постоянный спрос на автомобили, относительно высокая стоимость предмета преступления и возможность быстрой реализации предмета преступления [9, с. 365] (в отличие, например, имущества недвижимого, или ценных бумаг, где сроки даже легальной реализации могут исчисляться несколькими днями минимум вси-лу различности процедур по отчуждению и приобретению прав собственности); также детерминантой является и правовая неграмотность населения в целом, помноженная на проблематику правоприменения норм о мошенничестве, вызванная относительной смежностью с гражданско-правовыми отношениями: на сегодняшний день практически любой представитель инстанции предварительного следствия (т.е. оперативные работники и следователи) при принятии заявления по факту мошеннических действий старается избежать факта возбуждения уголовного дела, материалы проверок КУСП содержат фразы, содержащие отсылку на гражданско-правовые отношения. В данном случае российское законодательство негласно практически поощряет данную тенденцию вместо того, чтобы решительно пресечь обрисованное глумление над основополагающими принципами уголовного права [8, с. 31], собственоручно разрушая принципы и конституционные в части демократизма, ранжируя характер наказания посредством «клонирования» составов мошенничества [7, с. 71]. Сегодняшние условия социализации, развития и реализации личностного потенциала можно охарактеризовать существенной дисфункцией системы обеспечения безопасности граждан в различных проявлениях и ситуациях жизнедеятельности: это касается общей несформированности правового мышления граждан [5, с. 83].

По мнению И.И. Евтушенко, главный и основной критерий разграничения мошенничеств и деликтов состоит в наличии умысла на обман или введение в заблуждение [4, с. 28]. Данная мысль акцентирует внимание на необходимости проведения тщательнейшей, доскональной проверки органами предварительного следствия субъективной стороны состава преступления лица, привлекаемого к уголовной ответственности, и обнаружения умысла у неустановленных лиц – изначально, что на практике бывает трудно осуществимо, выступая своеобразным катализатором вынесения постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и отнесения их к гражданско-правовому механизму урегулирования. Вместе с тем, данное утверждение логично и позволяет достаточно четко идентифицировать специфику деяния.

Наличие субъективного мнения за или против присутствия специфичных составов статьи 159 с примечаниями в действующей редакции Уголовного кодекса не играет роли, так как на данный момент они введены [11], и к упразднению не будут подвергнуты в ближайшее время, ввиду наличия приведенных законодателем тезисов: необходимости учета в уголовной ответственности за мошенничество новых преступных схем обманного получения имущества, дальнейшая дифференциация уголовной ответственности за мошенничество и способствованию обеспечения на должном уровне защиты интересов пострадавших от мошенничества граждан. Особенно спорным можно выделить третью причину, которая якобы побудила законодателя ввести специальные составы мошенничества – заботу о потерпевшем [6, с. 510], ввиду сложности ее применения, однако, в нынешних реалиях обстоятельствах необходимо принять этот факт как данность и выявить положительные моменты от осуществления данной правовой реформы. В связи с чем предлагаются введение в Уголовный кодекс Российской Федерации новой специфичной статьи с индексом.

Данную статью предлагается интерпретировать с учетом указания двух квалифицирующих признаков.

Изначально предлагалось ввести в УК РФ статью 159 прим. 7, назвав ее «Мошенничество в сфере купли-продажи транспортных средств», в диспозиции указав «хищение транспортного средства путем обмана или злоупотребления доверием или реализация транспортного средства заведомо известного как отчужденное путем обмана или злоупотребления доверием». Вместе с тем, стоит указать еще один квалифицирующий признак, так как из названия статьи выходит постановка ситуативного вопроса: транспортное средство похищено описанным выше способом, однако отношений, связанных с продажей или приобретением имущества между преступником и потерпевшим не было: допустим, автомобиль был отчужден, но желающий им завладеть оставил его себе в качестве применения по личным нуждам: в итоге, реализация третьему лицу осуществлена не была; или же намерений продать автомобиль у потерпевшего не было - к примеру, транспортное средство находилось в аренде. В таком случае употребления словосочетания «купля-

продажа» может привести к правовой коллизии, так как в первом варианте не было умысла дальнейшей продажи, а во втором случае имущество было похищено не при обстоятельствах купли-продажи. Ввиду данных правовых аспектов предложено внести корректизы в первоначальное название, и применить формулировку «Мошенничество в сфере приобретения, реализации и эксплуатации транспортных средств».

Возникает вопрос: если охват предлагаемой статьи столь широк, почему бы не оставить применение данной правовой ситуации в рамках статьи 159 УК РФ «Мошенничество»? Ответ прост: ввиду крайней актуальности проблематики хищения автомобилей путем обмана требуется привлечение правоохранительных органов к данной проблеме.

Так как дела по статье 159 УК РФ возбуждаются крайне неохотно ввиду частоту трудной их доказуемости и туманной перспективы привлечения виновника к уголовной ответственности, органы полиции и предварительного следствия крайне неохотно принимают заявление, а, в случае его принятия и дальнейшего присвоения номера КУСП, правоохранительные органы при проведении проверки формируют постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, ссылаясь на смежность с гражданско-правовыми отношениями. Грань эта достаточно тонка, если идет речь о мошенничестве; самое близкое тождество из области цивилистики есть понятие неосновательного обогащения, что и выступает основным камнем преткновения.

В случае создания отдельной правовой нормы под конкретное явление (независимо от характера) идентификация преступного деяния по признакам будет проходить проще, вместе с тем, аргументированее, так как будет в данном случае будет четко обозначен объект и предмет преступления, прозрачно отображаться объективная сторона; что касается субъекта – предлагается ввести уголовную ответственность с 18 лет как для специфичного состава все же; субъективная сторона будет идентична составу мошенничества.

Литература

1. Бойцов А.И. Преступления против собственности // СПб «Юридический центр Пресс». 2002. С. 445 – 452.
2. Гаухман Л.Д. Ответственность за преступления против собственности. 2-е изд., исправленное. М. 2001. С. 65.
3. Гражданский Кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 29.08.2021)
4. Евтушенко И.И. Отдельные вопросы теории и практики квалификации мошенничества // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 27 – 31.
5. Игнатов А.Н. Свобода виктимности // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 3 (40). С. 79 – 85.
6. Лопашенко Н.А. Проблемы противодействия отдельным видам преступлений // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 3. С. 504 – 513.
7. Милюков С.Ф. Лжедемократизм российской уголовно-правовой политики // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1 (32). С. 64 – 74.
8. Милюков С.Ф. Правовое невежество как злокачественная угроза национальной безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 4 (43). С. 29 – 32.
9. Рудик М.В., Юшина Ю.В., Деревянская Т.П. «Берегись автомобиля», или как не стать жертвой автомошенника // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 359 – 369.
10. Сайт Министерства Внутренних дел Российской Федерации. Состояние преступности. [Электронный ресурс]: сайт. URL: <https://mvd.ru/folder/101762>
11. Уголовный Кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 30.08. 2021)
12. Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]: сайт. URL: <https://rg.ru/2012/12/03/moshennichestvo-dok.html> (дата обращения: 21.08.2021)

References

1. Bojcov A.I. Prestupleniya protiv sobstvennosti. SPb «YUridicheskij centr Press». 2002. S. 445 – 452.
2. Gauhman L.D. Otvetstvennost' za prestupleniya protiv sobstvennosti. 2-e izd., ispravленное. M. 2001. S. 65.
3. Grazhdanskij Kodeks Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: sajt. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (data obrashcheniya: 29.08.2021)
4. Evtushenko I.I. Otdel'nye voprosy teorii i praktiki kvalifikacii moshennichestv. Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 2 (36). S. 27 – 31.

5. Ignatov A.N. Svoboda viktimnosti. *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2017. № 3 (40). S. 79 – 85.
6. Lopashenko N.A. Problemy protivodejstviya otdel'nym vidam prestuplenij. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. 2015. T. 9. № 3. C. 504 – 513.
7. Milyukov S.F. Lzhedemokratizm rossiskoj ugolovno-pravovoj politiki. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*. 2014. № 1 (32). S. 64 – 74.
8. Milyukov S.F. Pravovoe nevezhestvo kak zlokachestvennaya ugroza nacional'noj bezopasnosti. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*. 2016. №4 (43). S. 29 – 32.
9. Rudik M.V., YUshina YU.V., Derevyanskaya T.P. «Beregis' avtomobilya», ili kak ne stat' zhertvoj avtomoshennika». *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo YUridicheskie nauki*. 2019. T. 5 (71). № 3. S. 359 – 369.
10. Sajt Ministerstva Vnutrennih del Rossijskoj Federacii. *Sostoyanie prestupnosti*. [Elektronnyj resurs]: sajt. URL: <https://mvd.rf/folder/101762>
11. Ugolovnyj Kodeks Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: sajt. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (data obrashcheniya: 30.08.2021)
12. Federal'nyj zakon ot 29 noyabrya 2012 g. № 207-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs]: sajt. URL: <https://rg.ru/2012/12/03/moshennichestvo-dok.html> (data obrashcheniya: 21.08.2021)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мифтяхов Р.Х., аспирант,
Московский финансово-юридический университет (МФЮА),
Мифтяхова Э.Р., судебный пристав – исполнитель,
Главное управление федеральной службы
судебных приставов России по г. Москва

Аннотация: в работе раскрыты актуальные проблемы в деятельности правоохранительных органов Российской Федерации. В активно развивающемся мире все больше развиваются научно-технические технологии. Однако появляются и новые угрозы для человечества, которые имеют глобальные масштабы. Таким основным угрозам относятся терроризм, наркоторговля, работоторговля, незаконная миграция, коррупция, преступления в области компьютерной коммуникации, распространения поддельных документов, контрафактной продукции и незаконный оборот различного вида оружия, есть и угроза незаконного оборота бактериологического, химического и даже ядерного оружия. В будущем есть и вероятность совершения преступлений путём использования высоко технологичных летательных и иных средств.

В Российской Федерации на правоохранительные органы возложены задачи по обеспечению безопасности РФ от различного вида угроз, борьба с преступностью в различных направлениях, общественной безопасности и т.д.

Наряду с глобальной опасностью в РФ появились разные виды преступлений в сфере экономики и налоговым правонарушениям.

С такой глобальной опасностью правоохранительным органам невозможно бороться без усовершенствования нормативных правовых актов, подзаконных и иных актов. Особую роль в этом играет также материально-техническое оснащение правоохранительных органов современными видами оружия, аппаратурой и иными видами средств.

На мой взгляд, наряду со всеми, самым актуальным сейчас в правоохранительных органах является профессиональное обучение специалистов для различных ведомств и служб. Ведь подготовка высококвалифицированного специалиста невозможно без внедрения новых образовательных технологий в правоохранительной сфере.

В правоохранительных органах наиболее остро стоит вопрос подготовки кадров первоначальной, дополнительной профессиональной подготовки и профессиональной подготовки кадров в учебных заведениях различного вида государственной службы, которые по своей деятельности относятся к правоохранительным органам.

В различных ведомствах и службах, которые относятся правоохранительным органам, для подготовки специалистов есть свои средне-специальные и высшие учебные заведения, а также есть курсы повышения квалификации.

Не секрет, что в правоохранительных органах значительная часть должностей укомплектуются из числа граждан, которые окончили гражданские или военные учебные заведения непрофильные к правоохранительной деятельности.

В правоохранительных органах в настоящее время нет единой образовательной базы, что бы полностью укомплектовать кадрами свои структуры из числа выпускников образовательных учреждений правоохранительных органов.

Не редко встречаются такие моменты, когда высокие должностные лица в правоохранительных органах имеют непрофильное образование.

Ведь даже лица, имеющие юридическое образование по специализации гражданское право, уголовное право и т.д., поступив на службу в правоохранительные органы не могут сразу приступить к выполнению возложенных на них задач, не имея дополнительной профессиональной подготовки.

Нам необходимо изучить нормативные правовые акты, регулирующие государственную службу, службу в правоохранительных органах и нормативные правовые акты, регулирующие образовательную систему в Российской Федерации.

Ключевые слова: правоохранительные органы, образование, подготовка кадров, проблемы, учебные заведения

ACTUAL PROBLEMS IN THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Miftyakhov R.H., Postgraduate,
Moscow University of Finance and Law (MFUA),
Miftyakhova E.R., Bailiff,
The Main Directorate of the Federal Bailiff Service of Russia in Moscow

Abstract: the work reveals topical problems in the activities of law enforcement agencies of the Russian Federation. In the actively developing world, scientific and technical technologies are developing more and more. However, there are also new threats to humanity that have a global scale. These main threats include terrorism, drug trafficking, slave trade, illegal migration, corruption, crimes in the field of computer communication, distribution of forged documents, counterfeit products and illegal circulation of various types of weapons, there is also a threat of illegal circulation of bacteriological, chemical and even nuclear weapons. In the future, there is also the likelihood of committing crimes through the use of high-tech aircraft and other means.

In the Russian Federation, law enforcement agencies are entrusted with the tasks of ensuring the security of the Russian Federation against various types of threats, combating crime in various directions, public safety, etc.

Along with the global danger, various types of crimes in the economic sphere and tax offenses have appeared in the Russian Federation.

It is impossible for law enforcement agencies to deal with such a global threat without improving regulatory legal acts, bylaws and other acts. A special role in this is also played by the material and technical equipment of law enforcement agencies with modern weapons, equipment and other types of means.

In my opinion, along with everyone else, the most important thing now in law enforcement agencies is the professional training of specialists for various departments and services. After all, the training of a highly qualified specialist is impossible without the introduction of new educational technologies in the law enforcement sphere.

In law enforcement agencies, the most acute issue is the training of initial, additional professional training and professional training of personnel in educational institutions of various types of public service, which in their activities are related to law enforcement agencies.

Various departments and services that belong to law enforcement agencies have their own secondary and specialized and higher educational institutions for training specialists, and there are also advanced training courses.

It is no secret that a significant part of the positions in law enforcement agencies will be recruited from among citizens who graduated from civil or military educational institutions that are non-core to law enforcement.

Law enforcement agencies currently do not have a unified educational base to fully staff their structures from among the graduates of educational institutions of law enforcement agencies.

It is not uncommon to encounter such moments when high officials in law enforcement agencies have a non-core education.

After all, even persons with a legal education specializing in civil law, criminal law, etc. etc., having entered the service of law enforcement agencies, they cannot immediately begin to perform the tasks assigned to them without additional professional training.

We need to study the normative legal acts governing the civil service, service in law enforcement agencies and the normative legal acts regulating the educational system in the Russian Federation.

Keywords: law enforcement agencies, education, training, problems, educational institutions

Целью настоящей работы является исследование актуальных проблем подготовке кадров для укомплексования личного состава только из числа выпускников учебных заведений правоохранительных органов. Сделать соответствующие выводы и найти способы и методы их решения.

В связи с проходящими административными реформами в последние десятилетия в Российской Федерации постоянно меняются структуры органов государственной власти, исходя из сложивших ситуаций, формируются или расформируются службы, которые относятся государственным правоохранительным органам Российской Федерации. На правоохранительные и судебные органы РФ возлагаются задачи по защите прав и интересов граждан.

Необходимо создать правоохранительные – учетные специальности, подготовить кадров для правоохранительной системы только по данным учебным специальностям в ведомственных учебных заведениях.

Новизной в данной научной работе является ведение правоохранительной учётной специальности в правоохранительных органах Российской Федерации.

Ведение правоохранительной – учётной специальностей в правоохранительных органах Российской Федерации

Обучать сотрудников по конкретным правоохранительным – учётным специальностям, особенно в средне - специальных и высших учебных заведениях правоохранительных органов. Например, в военной службе, все военные специальности имеют свой номер военно-учётной специальности (ВУС). Офицерский состав и другие военные специалисты в военной службе почти полностью укомплектуются из числа выпускников военных учебных заведений. Подготовка специалистов в правоохранительных органах намного отличаются от подготовки военных специалистов. В учебных заведениях по подготовке специалистов в правоохранительные органы, применяется технологии обучения, по которым основной акцент делается на изучение правоведения, криминастики, судебной медицины, юридической психологии, а в военных учебных заведениях на строевую подготовку, огневую подготовку и тактической подготовке. В гражданских учебных заведениях также, лица, окончив гражданские учебные заведения, не имеют достаточных навыков и умений в службе правоохранительных органах.

В Российской Федерации общественные отношения, возникающие в сфере образования регулирует Федеральный закон от 29.12.2012 №273 ФЗ «Об образовании в РФ» [2].

Федеральные ведомства правоохранительных органов для подготовки профессиональных кадров первоначальной, дополнительной профессиональной подготовке, подготовке кадров в средне - профессиональных и высших учебных заведениях издают свои подзаконные нормативные правовые акты, регулирующие общественные отношения в сфере образования.

Согласно со статьей 74 Федерального закона №328-ФЗ от 01.10.2019 г. «О службе в органах принудительного исполнения РФ» [4] подготовка кадров для органов принудительного исполнения осуществляется путём обучения по основным образовательным программам:

- профессионального обучения граждан, впервые принятых на службу в органы принудительного исполнения, по программам профессиональной подготовки в целях приобретения ими основных профессиональных знаний, умений, навыков и компетенции, необходимых для исполнения служебных обязанностей, а также сотрудников по программам переподготовки в целях приобретения ими компетенции, необходимой для осуществления нового вида служебной деятельности и получения новой квалификации, и по программам повышения квалификации в целях совершенствования имеющейся и приобретения новой компетенции, необходимой для осуществления служебной деятельности и повышения профессионального уровня в рамках имеющейся квалификации по замещаемой должности;

- среднего профессионального образования;
- высшего образования;
- обучения по дополнительным профессиональным программам;
- профессиональной служебной и физической подготовки.

Дополнительное профессиональное образование сотрудников органов принудительного исполнения осуществляется в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, но не относящихся к правоохранительным органам.

В настоящее время в Федеральной службе судебных приставов отсутствуют ведомственные учебные заведения средне-профессионального и высшего образования для подготовки профессиональных кадров соответствующей специальности для службы в органы принудительного исполнения.

Так же в статье 75 данного закона следует, что государственный заказ на подготовку кадров для органов принудительного исполнения может осуществляться в профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования, не входящих в органы принудительного исполнения, на основе государственного заказа. Тут законодатель подчеркивает, что подготовку специалистов для органов принудительного исполнения могут подготовить любые учебные заведения, что не характерно для подготовки профессионального специалиста по узкой специализации.

Согласно со статьей 76 Федерального закона от 30.11.2011 №342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» [5] подготовка кадров в учебных заведениях органов внутренних дел осуществляется путем профессионального обучения граждан, впервые принятых на службу в органы внутренних дел, по программам профессиональной подготовки в целях приобретения ими основных профессиональных знаний, умений, навыков и компетенции, необходимых для выполнения служебных обязанностей, а также сотрудников по программам переподготовки в целях приобретения ими компетенции, необходимой для осуществления нового вида оперативно-служебной деятельности и получения новой квалификации, и по программам повышения квалификации в целях совершенствования имеющейся и приобретения новой компетенции, необходимой для осуществления оперативно-служебной деятельности и повышения профессионального уровня в рамках имеющейся квалификации по замещаемой должности. Тут законодатель чет-

ко указывает, что подготовка будущих кадров для органов внутренних дел осуществляется только в учебных заведениях органов внутренних дел, по конкретным специализациям.

Законодатель также подчеркивает, что подготовка кадров для замещения должностей среднего, старшего и высшего начальствующего состава осуществляется преимущественно в образовательных организациях высшего образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, то есть, только в учебных заведениях правоохранительных органов.

Выводы

Изучив нормативные правовые акты Российской Федерации, ведомственные подзаконные акты в области правоохранительной, государственной службы и образовательной системы Российской Федерации пришли к выводу:

Необходимо:

1. Разработать и вести правоохранительную учётную специальность (ПУС). Правоохранительные учётные специальности разделить по основным видам и категориям.

По видам:

- правоохранительный командный
- правоохранительный юридический
- правоохранительный технический
- правоохранительный медицинский
- правоохранительный образовательный

По категориям:

- командный состав (МВД РФ, Росгвардия, ФСИН, ФССП).

- инспекторский состав (МВД РФ, Росгвардия), (ФСИН), (ФССП) за исключением должностей выполняющих задачи по уголовно – исполнительной направленности, (ФССП), инспектор службы, участковый уполномоченный, инспектор по делам несовершеннолетних, инспектор по кадровой работе, инспектор штаба.

- инспектор, выполняющий задачи по уголовно – исполнительной направленности.

- преподавательский. (ФСБ, МВД, ФСИН, ФССП, Прокуратура)

- судебный пристав – исполнитель.

- эксперты (ФСБ, МВД, ФСИН, ФССП)

- специалисты (ФСБ, МВД, ФСИН, ФССП, СКР, Прокуратура)

- оперативно – розыскной. (ФСБ, МВД, ФСИН, ФССП)

- дознаватель. (ФСБ, МВД, ФСИН, ФССП) и т.д.

- следственный. (СКР, ФСБ, МВД).

- прокурорский.

Ведение правоохранительные – учетные специальности (ПУС) в правоохранительных органах, для того, что бы предотвратить появления в правоохранительных органах кадровых военных в запасе и в отставке имеющих только военной – учетной специальности, которые не соответствуют к правоохранительным – учебным специальностям.

2. В элементы прохождения государственной службы, внести элемент образования.

3. Необходимо создать межведомственное учебное заведение правоохранительных органов, для профессиональной подготовки специалистов узкой специализации.

Литература

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» СЗ РФ // 2012. № 53 (часть I) ст. 7598.

3. Федеральный закон № 58-ФЗ от 27.05.2003 г. «О системе государственной службы Российской Федерации» (ред. от 31.05.2003 г.) // СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.

4. Федеральный закон № 328-ФЗ от 01.10.2019 г. «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 223. 04.10.2019 (вступил в силу с 1 января 2020 г.)

5. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

6. Федеральный закон № 53-ФЗ от 28.03.1998 г. «О воинской обязанности и военной службе» // СЗ РФ . 1998. № 13. Ст. 1475.
7. Федеральный закон от 27.05.1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // СЗ 1998. № 22 ст. 2331.
8. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре» // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
9. Федеральный закон от 21.07.1997 № 118 «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3590.
10. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 05.12.2017) // СЗ. 2011. № 7. Ст. 900.
11. Административное право и Административный процесс: Мазурин С.Ф., Прокофьев К.Г. Учебно-методическое пособие / Под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», 2018. 175 с. (Серия: «Учебники, учебно-методические и учебные пособия»).

References

1. Konstituciya RF (prinyata vserosyjskym gosudarstvennym sovetom 12.12.1993 g.) (s uchetom popravok, vnesennyh Zakanami RF o popravkakh k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FKZ). SZ RF. 2014. № 31. St. 4398.
2. Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossiijskoj Federacii» SZ RF. 2012. № 53 (chast' I) st. 7598.
3. Federal'nyj zakon № 58-FZ ot 27.05.2003 g. «O sisteme gosudarstvennoj sluzhby Rossiijskoj Federacii» (red. ot 31.05.2003 g.). SZ RF. 2003. № 22. St. 2063.
4. Federal'nyj zakon № 328-FZ ot 01.10.2019 g. «O sluzhbe v organah prinuditel'nogo ispolneniya Rossiijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiijskoj Federacii». Rossijskaya gazeta. № 223. 04.10.2019 (vstupil v silu s 1 yanvarya 2020 g.)
5. Federal'nyj zakon ot 30.11.2011 № 342-FZ «O sluzhbe v organah vnutrennih del Rossiijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiijskoj Federacii». SZ RF. 2011. № 49 (ch. 1). St. 7020.
6. Federal'nyj zakon № 53-FZ ot 28.03.1998 g. «O voinskoj obyazannosti i voennoj sluzhbe». SZ RF . 1998. № 13. St. 1475.
7. Federal'nyj zakon ot 27.05.1998 g. № 76-FZ «O statuse voennosluzhashchih». SZ 1998. № 22 st. 2331.
8. Federal'nyj zakon от 17.01.1992 № 2202-1 «O prokurature». SZ RF. 1995. № 47. St. 4472.
9. Federal'nyj zakon от 21.07.1997 № 118 «Ob organah prinuditel'nogo ispolneniya Rossiijskoj Federacii». SZ RF. 1997. № 30. St. 3590.
10. Federal'nyj zakon от 07.02.2011 № 3-FZ «O policii» (red. от 05.12.2017). SZ. 2011. № 7. St. 900.
11. Administrativnoe pravo i Administrativnyj process: Mazurin S.F., Prokof'ev K.G. Uchebno-metodicheskoe posobie. Pod obshch. red. V.P. Sal'nikova. SPb.: Fond «Universitet», 2018. 175 s. (Seriya: «Uchebniki, uchebno-metodicheskie i uchebnye posobiya»).

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАВЕНСТВА ПРИ ПОСТУПЛЕНИИ НА МУНИЦИПАЛЬНУЮ СЛУЖБУ

Саломатин А.А., преподаватель,
Пензенский государственный университет

Аннотация: обеспечение равенства при поступлении на службу является важным вопросом ввиду того, что проблемам права и свобод граждана Российской Федерации уделяется большое внимание в обществе. Права и свободы человека – основополагающие нормы Конституции, без соблюдения данных норм и гарантии их защиты нельзя быть уверенным в реализации демократического общества в России, что само по себе ставит под угрозу национальное благополучие страны. Равный доступ к муниципальной службе не закреплен напрямую в Конституции РФ, на конституционном уровне есть закрепление равных прав при поступлении на государственную службу. Муниципальная служба на основании Конституции не является тождественной государственной, но между ними есть схожие моменты, например требования к соискателям во многом идентичны. Доступ на муниципальную службу в свою очередь отражен в Федеральном законе. Автор в статье рассматривает условия и конституционно-правовые механизмы обеспечения равенства для поступления на муниципальную службу.

Ключевые слова: Конституция РФ; муниципальная служба; соискатель; права и свободы гражданина; равенство; равные права

CONSTITUTIONAL AND LEGAL MECHANISMS FOR ENSURING EQUALITY WHEN ENTERING THE MUNICIPAL SERVICE

Salomatin A.A., Lecturer,
Penza State University

Abstract: ensuring equality when entering the service is an important issue, as the problems of the rights and freedoms of a citizen of the Russian Federation are given great attention in society. Human rights and freedoms are the fundamental norms of the Constitution, without observing these norms and guaranteeing their protection, one cannot be sure of the implementation of a democratic society in Russia, which in itself threatens the national well-being of the country. Equal access to municipal service is not directly enshrined in the Constitution of the Russian Federation, at the constitutional level there is a consolidation of equal rights when entering the civil service. The municipal service on the basis of the Constitution is not identical to the state service, but there are similar points between them, for example, the requirements for applicants are largely identical. Access to municipal services, in turn, is reflected in the Federal Law. The author considers the conditions and constitutional and legal mechanisms in the article.

Keywords: the Constitution of the Russian Federation; municipal service; applicant; rights and freedoms of a citizen; equality; equal rights

Права и свободы человека – основополагающие нормы Конституции, без соблюдения данных норм и гарантии их защиты нельзя быть уверенным в реализации демократического общества в России, что само по себе ставит под угрозу национальное благополучие страны.

Основным принципом муниципальной службы является предоставление равного доступа в поступлении на эту службу. Равенство в ключе муниципальной службы представляет собой равный доступ граждан Российской Федерации, владеющих государственным языком, к муниципальной службе и ее прохождению на одинаковых условиях, не зависимых от каких-либо обстоятельств, возрастом от 18 до 65 лет, главным условием является соответствие квалификационным требованиям и отсутствие ограничивающих факторов.

В Федеральном законе установлены требования, предъявляемые соискателям на муниципальную службу [1], в частности владение русским языком, соответствие квалификационным требованиям. Данные требования не являются объективными, ввиду того, что на данный момент нет определенной методики и механизма оценки знаний русского языка у соискателя, а также квалификационные требования не являются едиными для всей страны и по факту отличаются в разных субъектах страны. По аналогии с методикой оценки языка, тут также нет определенного механизма оценки квалификационных требований у соискателя должности. Считаем правильным, дополнить данный закон предложением, что уровень знания государственного языка должен быть определен согласно историческому развитию и особенностей того или иного региона, также в отношении квалификационных требований – считаем правильным, что именно субъект

РФ будет сам устанавливать нормы этих требований в зависимости от уровня развития региона. Кроме вышеобозначенных требований к соискателю предъявляются обязательное требование – отсутствие судимости. Другие требования могут отличаться в субъектах РФ, в частности: уровень образования, стаж работы, стаж работы по специальности и т.д.

Равенство при поступлении на муниципальную службу основывается на ст. 19 Конституции РФ [2], в которой говорится, что:

- все равны перед судом и законом;
- граждане имеют равные конституционные права и свободы;
- мужчины и женщины обладают равными правами.

Законодательно в Конституции закреплено равенство для поступления только на государственную службу. Муниципальная служба не является тождественной государственной согласно ст. 12 ч. 1 Конституции РФ, условия для поступления на муниципальную службу прописаны в Федеральном законе [1].

С принятием закона «О муниципальной службе» принцип равенства на муниципальной службе претерпел изменения:

1. так в новом законе устранено возможное неравенство в процессе прохождения муниципальной службы;

2. новый закон указал на отсутствие дискриминации при поступлении на муниципальную службу, а также принципе равенства вне зависимости от принадлежности человека к определенному полу, национальности, расе, положения в обществе, религиозным убеждениям, места жительства и пр., то есть закон стал соответствовать конституционным нормам равенства прав и свобод гражданина.

Документы, подаваемые соискателем при поступлении на службу: заявление о поступлении и замещении должности; анкету установленного образца, заполненную собственноручно; паспорт; трудовая книжка, если трудовой договор заключается не впервые; образовательные документы; СНИЛС; ИНН; для мужчин – военный билет; справка об отсутствие противопоказаний для поступления на муниципальную службу. Согласно Федерального закона при поступлении на муниципальную службу соискатель должен предоставить сведения о доходе за год до поступления на муниципальную службу, об имеющемся у гражданина имуществе и имущественных обязательствах [1].

В законе «О муниципальной службе» отмечена возможность назначения муниципальных рабочих путем проведения конкурса, но такая возможность не является обязательной, в некоторых случаях на муниципальную должность соискатель может быть просто назначен по приказу, что в определенной мере не является верной, так как нарушает принцип равенства. Именно конкурсная основа для поступления на муниципальную службу может в полной мере обеспечить принцип равенства. Наличие в законе упоминания о диспозитивном характере конкурсной основы ставит под сомнение конституционный принцип равенства при приеме на работу. По мнению автора правильная формулировка в законе должна звучать следующим образом: поступление на муниципальную службу происходит только на конкурсной основе в целях обеспечения равенства граждан при поступлению на муниципальную службу».

В целях обеспечения равенства при поступлении на муниципальную службу считаем правильным предоставить возможность участвовать в конкурсе на замещение должности граждан, зачисленных в резерв, в свою очередь зачисление в резерв тоже сделать на конкурсной основе.

Конкурсная комиссия должна быть сформирована на постоянной платной основе с участием независимых экспертов.

В некоторых случаях закон предусматривает отказ в поступлении на муниципальную службу, перечень причин прописана в ст. 13 Федерального закона «О муниципальной службе» [1]. Основные причины отказа:

1. гражданин признан недееспособным или частично недееспособным;
2. наличие судимости;
3. отказ в прохождение оформления допуска к сведениям, составляющим тайну, в случае, если должность, на которую претендует соискатель, подразумевает работу с такими документами;
4. отсутствие медицинского заключение, а равно и наличие заболеваний, с которыми невозможно поступление и прохождение муниципальной службы;
5. наличие близких родственников в администрации, под чьим началом соискателю придется тесно работать;
6. отсутствие гражданства РФ; наличие гражданства другого государства;
7. предоставление заведомо ложных сведений при устройстве на службу или непредоставление сведений, необходимых для приема на работу;
8. 65 лет – предельно допустимый возврат муниципального служащего;

9. непрохождение военной службы без веских оснований.

Выше перечислены основания для отказа при поступлении на муниципальную службу, во всех остальных случаях при поступлении должен быть обеспечен принцип равенства. Муниципальные служащие наделены равными основными правами согласно федеральному закону. Муниципальные служащие, имеющие равные обязанности, несут ответственность за свою работу наравне с другими работниками. Все прописанные в федеральном законе ограничения и запреты одинаково обязательны к исполнению для любого муниципального служащего РФ. На принцип равенства при поступлении на муниципальную работу основополагающее значение получил принятый в 2007 году Федеральный закон № 25 «О муниципальной службе в РФ».

В статье автором рассмотрены основные конституционно-правовые механизмы обеспечения равенства при поступлении на муниципальную службу, рассмотрены причины отказа в поступлении на муниципальную службу. Представлено несколько предложений по недопущению неравенства при поступлении на муниципальную службу, в частности большое акцент делается на установлении конкурсной основы для поступления, на данный момент конкурс не является обязательной процедурой, замещение должностей возможно по приказу, что противоречит принципу равенства. Конкурсная основа и конкурсная комиссия на платной постоянной основе – даст гарантию реализации принципа равенства при поступлении на муниципальную службу.

Литература

1. Федеральный закон от 02.03.2007 N 25-ФЗ (ред. от 26.05.2021) "О муниципальной службе в Российской Федерации" [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66530/
2. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Ст. 19. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/a4d26fe6022253f9f9e396e9ca6f63c80946702f/
3. Антонова Н.М. Проблемы реализации конституционного принципа равного доступа к государственной службе в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 3. С. 63 – 65.
4. Санеев В.А. Принцип равного доступа граждан к муниципальной службе // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия: «Юриспруденция». Тольятти: Изд-во ВУИТ, 2009.
5. Саломатин А.А. Равный доступ при поступлении на муниципальную службу: конституционно-правовой аспект // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3. С. 56 – 65.

References

1. Federal'nyj zakon ot 02.03.2007 N 25-FZ (red. ot 26.05.2021) "O municipal'noj sluzhbe v Rossijskoj Federacii" [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66530/
2. "Konstituciya Rossijskoj Federacii" (prinyata vserodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odbrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020). St. 19. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/a4d26fe6022253f9f9e396e9ca6f63c80946702f/
3. Antonova N.M. Problemy realizacii konstitucionnogo principa ravnogo dostupa k gosudarstvennoj sluzhbe v Rossijskoj Federacii. Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2012. № 3. S. 63 – 65.
4. Saneev V.A. Princip ravnogo dostupa grazhdan k municipal'noj sluzhbe. Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. Seriya: «YUrisprudenciya». Tol'yatti: Izd-vo VUiT, 2009.
5. Salomatin A.A. Ravnyj dostup pri postuplenii na municipal'nyu sluzhbu: konstitucionno-pravovoij aspect. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2017. № 3. S. 56 – 65.

ВОЗМОЖНОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ АДЕКВАТНОГО ПОНИМАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ У ЛИЦ С ДЕВИАНТНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

Цветикова Т.В., аспирант,
Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского

Аннотация: девиантное поведение представляет собой отклонение в поведении отдельных индивидов или групп лиц от норм, установленных в обществе и государстве. Как отмечают исследователи, подобные проявления могут иметь как положительный, так и отрицательный характер. В частности, к позитивным примерам девиантного поведения можно отнести случаи трудоголизма, аскетизма, героизма, самоожертвований и т.д. [1].

Особое беспокойство у общественных структур и органов власти и управления вызывают ситуации отклонения от нормального поведения в сторону негативных реакций. Именно в этих случаях требуется воздействие как на внешнюю обстановку, так и наличие правонарушителя со стороны различных агентов: семьи, близкого окружения, образовательных организаций, трудовых коллективов, сотрудников социальных служб и правоохранительных органов.

В рамках данной публикации будет прослежен весь путь зарождения и развития девиантного поведения личности в современных условиях и предложены наиболее эффективные способы регулирования ситуации через формирование адекватного представления правовой культуры у данных категорий граждан.

Ключевые слова: «девиантное поведение», «асоциальное поведение», «антисоциальное поведение», «правовой нигилизм», «правовая культура», методы коррекции девиантного поведения в современных условиях, роль социальных институтов в исправлении лиц с асоциальным и антисоциальным поведением

THE POSSIBILITY OF FORMING AN ADEQUATE UNDERSTANDING OF THE LEGAL CULTURE BY PERSONS WITH DEVIANT BEHAVIOR

Цветикова Т.В., Postgraduate,
Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky

Abstract: deviant behavior is a deviation in the behavior of individuals or groups of individuals from the norms established in society and the state. As the researchers note, such manifestations can have both a positive and a negative character. In particular, positive examples of deviant behavior include cases of workaholism, asceticism, heroism, self-sacrifice, etc. [1]

Situations of deviation from normal behavior in the direction of negative reactions cause particular concern among public structures and authorities and management bodies. It is in these cases that it is necessary to influence both the external situation and the presence of the offender from various agents: family, close environment, educational organizations, labor collectives, employees of social services and law enforcement agencies.

Within the framework of this publication, the entire path of the origin and development of deviant behavior of the individual in modern conditions will be traced and the most effective ways of regulating the situation through the formation of an adequate representation of the legal culture of these categories of citizens will be proposed.

Keywords: "deviant behavior", "antisocial behavior", "antisocial behavior", "legal nihilism", "legal culture", methods of correction of deviant behavior in modern conditions, the role of social institutions in the correction of persons with antisocial and antisocial behavior

Введение

Лица с девиантным поведением традиционно заставляют обращать на себя повышенное внимание не только рядовых граждан, но и представителей уполномоченных властных структур и правоохранительных органов, особенно, если речь идет о негативных поведенческих реакциях, представляющих опасность не только для отдельных субъектов, но также для общества и государства. Не случайно на протяжении ряда десятилетий не только в Российской Федерации, но и в других странах мира созданы специальные службы и функционируют органы безопасности, представители которых не только выявляют случаи подобных эксцессов, но стараются их предупредить или предотвратить.

Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью создания действенного механизма исправления указанных субъектов, поскольку существующая пенитенциарная система в большей степени ориентирована на наказание правонарушителей, а не на их реальную коррекцию их личности, которая затрагивает правосознание как элемент, способствующий формированию правовой культуры.

Целью проводимого исследования является предложение мер по формированию адекватного представления о правовой культуре у лиц с девиантным поведением.

Она раскрывается через постановку следующих **задач**: отражение факторов и обстоятельств, способствующих зарождению и развитию разных форм девиаций; рассмотрение механизмов воздействия на подобные явления; описание конкретных мер по нейтрализации девиантного поведения и порядка их внедрения.

Объектом предлагаемого исследования является специфика интерпретации правовой культуры у лиц, склонных к совершению правонарушений. **Предметом** изучения являются приемы, направленные на формирование корректного восприятия соответствующими субъектами вышеуказанной категории юридической природы, выраженное не только на уровне сознания, но также в реальных действиях.

Работа построена на нормативно-правовом материале, регулирующем отношения в области действия уголовного, гражданского, административного и трудового права Российской Федерации. Кроме того, представлены иные документы, учитывающие и контролирующие поведение лиц, склонных к девиациям.

Сведения, содержащиеся в документированных источниках дополняются специальной литературой и публикациями по заданной тематике, в частности, разделами из учебных пособий Т.Н. Ратько, Н.А. Власенко, В.В. Оксамытного и т.д.

Методологическая основа исследования включает анализ, синтез, дедуктивный и индуктивный подходы, сравнение и моделирование.

Начать рассмотрение выбранной темы целесообразно с выявления причин и факторов, способствующих формированию девиантного поведения. Прежде всего, стоит отметить, что подобные реакции свойственны для подростков от 12 до 18 лет, т.е., налицо возрастной аспект в формировании и проявлении соответствующих негативных реакций на окружающую действительность.

Этот возрастной рубеж характеризуется следующими чертами: дисбаланс между психическим и физическим развитием личности; потребность в завоевании лидерских позиций в обучении, семье, кругу друзей; имеют место первые случаи влюбленности; противоречивость чувственного фона: так, нежность может смениться жестокостью; целеустремленность апатией; активная деятельность застоеем и т.д.; часто лица указанного возраста проявляют развязность сочетающуюся с застенчивостью; решимость в достижении какой-либо цели может смениться неуверенностью в себе и т.д.

Со стороны поведение лиц подросткового возраста напоминает реакции психически нездорового человека. Однако при переходе на следующую стадию развития подобные черты могут исчезнуть. Неслучайно медики-психиатры весьма осторожно дают прогнозы о состоянии внутреннего мира лиц соответствующего возраста и не спешат ставить их на учет в специализированные учреждения.

Вторым фактором, способствующим проявлению девиаций у несовершеннолетних субъектов можно назвать социальную и психологическую запущенности, особенно характерные для начала 90-х гг. XXв. – 2000-х гг. Для реализации потребности в самовыражении многие подростки в подобных условиях объединяются в группы и объединения, многие из которых оказываются на деле преступными сообществами. Так, анализируя судебную статистику последних лет, специалисты отмечают следующую тенденцию: до 78% преступных посягательств несовершеннолетних лиц совершаются ими в составе организованных преступных группировок (ОПГ) [2]. В подобных объединениях внедряются элементы субкультурных ценностей, сущность которых отличается в зависимости от специфики группировки. У подрастающего поколения в подобных объединениях формируется правовой нигилизм.

Взаимодействие подростков со взрослыми преступниками отражает преемственность «детской» преступности с противоправными действиями, характерными для зрелых людей. Часто подростки совершают преступные посягательства в состоянии алкогольного или наркотического опьянения.

В новых условиях государственные и общественные институты оказались неспособными реально воздействовать на подрастающее поколение. Отсутствуют отдельные законы, регулирующие положение несовершеннолетних лиц не только в семье, но и в образовательных учреждениях, трудовых коллективах, неформальных объединениях кружкового или клубного типов. Между семьей и образовательными организациями начального, среднего, среднего профессионального и высшего уровня возникают многочисленные официальные и кулаарные дискуссии по поводу приоритетности формирования личности подростков.

Больше того, само понятие «девиантное поведение» применяется уже не только в отношении несовершеннолетних, то также и вполне зрелых людей, причем в последнем случае также имеется своя специфика.

Так, М.В. Феоктистов отмечает в своей работе рост числа девиаций, связанных с совершением и регистрацией сделок с недвижимым имуществом в среде специалистов в областях землеустроительной деятельности и земельно-имущественных отношений [3].

Понятно, что основным последствием подобного положения станет занижение земельного налога или налога на имущество юридического или физического лица, что наносит ущерб интересам государства в целом и отдельной его территории, находящейся в ведении региона или муниципального образования. При этом заказчик кадастровых работ может быть не причастен к данному правонарушению, но пострадать в итоге через наложение на него штрафных санкций или конфискацию объекта недвижимости. Скорее всего, подобные правонарушения совершаются лицами, которые в раннем возрасте занимались мелкими кражами или мошенничествами в отношении своих сверстников.

Наследственность также играет определенную роль в формировании девиантного поведения. Врожденный преступник, по мнению Ч. Ломброзо, совершает противоправные действия в силу внутреннего чувства удовлетворения результатами посягательства [4, с. 99 и далее].

Несмотря на тот факт, что сведения, приведенные вышеизанным исследователем относятся к концу XIX – началу XXвв., они во многом актуальны и для начала XXI в., причем материал, основанный на западноевропейском опыте вполне может быть использован и в российской традиции.

Преемственность преступности несовершеннолетних с взрослыми «коллегами» особенно наглядно отражается в уголовной статистике. Прежде всего, обратимся к состоянию рецидивной преступности. На 2016г. она выросла в сравнении с предыдущим периодом на 16% – с 583 тыс. случаев до 675 тыс. [5]. За январь-сентябрь 2017г. негативная тенденция продолжилась, поскольку более половины всех совершенных преступных деяний (57,6%) пришлось на людей, которые ранее уже были осуждены за преступные посягательства. При этом общее число преступлений возросло на 13% в сравнении с 2012 г. [6]. Многие преступные посягательства совершаются повторно теми лицами, которые впервые встали на незаконный путь в период несовершеннолетия.

За 2019 г. также было выявлено значительное число преступлений тяжкой и особо тяжкой категории [7]. Так, по статье 105 (ч. 1) Уголовного кодекса РФ «Убийство» было осуждено 4 891 человек, из которых впоследствии было оправдано только 26; что касается случаев лишения жизни с квалифицирующими признаками, то подобные дела составили 1306 случаев; впоследствии из осужденных за их совершение было оправдано 36 человек. Следует подразумевать, что совершение подобных преступных посягательств группой лиц и группой лиц по предварительному сговору предполагает участие лиц от 12 до 18 лет, которых выгодно привлекать к участию в подобных операциях поскольку им назначаются более мягкие наказания, чем взрослым преступникам, либо они вообще освобождаются от юридической ответственности.

Только за прошлый год лицами соответствующей возрастной группы было совершено каждое 38 преступление. Несмотря на тот факт, что в целом наблюдалось снижение на 16,2% (с 111 до 93) тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними, а также уменьшилось число преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии в сфере незаконного оборота наркотиков – на 4,5% (с 22 до 21) картина продолжает оставаться ужасающей, поскольку не свидетельствует о внутреннем перерождении современных представителей молодежи [8].

Зачастую участию представителей подрастающего поколения в уголовных противоправных деяниях предшествуют случаи совершения ими дисциплинарных, гражданских или административных проступков.

Когда родители или лица, их заменяющие, систематически уклоняются от выполнения ими семейных обязанностей, это может привести к лишению родительских прав по инициативе не только органов опеки и попечительства, но также и правоохранительных структур.

Следует отметить в приведенных примерах, что низкий уровень правовой культуры взрослого населения явно демонстрирует подобный изъян и у представителей подрастающего поколения, для которых поведение окружающих их родителей, педагогов, воспитателей, представителей ведомственных структур становится тем образцом, на основании которого строится их собственная модель взаимодействия с социумом.

Выявлены следующие недостатки профилактической работы с подростками, склонных к девиантному поведению [9]:

- отмечена слабая профилактика правонарушений среди подростков в образовательных организациях, на что уже ранее указывалось в рамках социальной и психолого-педагогической запущенности этой категории населения РФ, в частности, на в каждой школе, профессиональном училище или высшем профессиональном учреждении имеются штатные психологи или социальные педагоги, которые призваны выявлять личностные проблемы обучающихся и пытаться их разрешить конструктивными способами;

- наблюдается плохая организация общественной работы с несовершеннолетними: систематически они не привлекаются к видам общественно-полезной деятельности, в частности, волонтерскому движению, редко организуются встречи с представителями правоохранительных органов, которые могут разъяснить последствия совершения противоправных деяний гражданами, независимо от их возраста и т.д.;

- образовательные организации в последнее время не обращают должного внимания на воспитательную функцию в обучении, стараясь только напичкать школьников и студентов огромным объемом информации по учебным дисциплинам и профессиональным модулям;

- недостаточная система безопасности, существующая в образовательных организациях, способствует зачастую проникновению на их территорию преступников, что имело место, в частности, весной 2021г. в Казани, когда в среднее профессиональное образовательное учреждение проник бывший выпускник и расстрелял обучающихся и преподавателей [10];

- излишняя мягкость за совершение преступлений, как в отношении взрослых представителей преступных сообществ, так и к несовершеннолетним правонарушителям. Неслучайно, в последние годы в Российской Федерации неоднократно поднимается вопрос о возвращении смертной казни как меры воздействия на лиц за особо тяжкие преступления;

- в то же время в полной мере не действует система аprobации (условного осуждения) к несовершеннолетним правонарушителям, что, с одной стороны, позволяет некоторым из них вообще избежать реального наказания путем замены его воспитательными или медицинскими принудительными мерами, с другой, за малозначительные правонарушения способствует помещению их в одни места содержания с взрослыми лицами, совершившими преступления различной степени тяжести;

- склонность представителей подрастающего поколения к девиациям негативной направленности также вызвана неопределенностью правового статуса несовершеннолетних лиц.

Нельзя не указать и такую причину роста девиаций в среде подростков, как неопределенность их правового положения при том, что специалисты отмечают непременное участие несовершеннолетних граждан в правоотношениях, относящимся к четырем группам [11]:

- рождение ребенка порождает у него права на заботу со стороны родителей или лиц, их заменяющих; на бесплатную медицинскую помощь; на предоставление ему социальных и воспитательных услуг со стороны уполномоченных ведомств;

- далее идут правомочия лица соответствующей возрастной категории на получение начального, среднего или общего образования; получение услуг в сфере культуры; реализация права на отдых;

- со временем социализация представителей подрастающего поколения начинает ассоциироваться с их включением в трудовые коллективы; средние профессиональные и высшие образовательные организации;

- наконец, нельзя не коснуться ситуаций, связанных с нарушением несовершеннолетними гражданами различного рода запретов, установленных законодательными нормами.

Несмотря на тот факт, что главной фигурой в этих взаимодействиях являются не только подростки, но и малолетние граждане, в силу своего возраста они не могут в полной мере реализовывать свои интересы. Для того, чтобы несовершеннолетний гражданин почувствовал себя полноправным членом общества, необходимо установить сущность его правового статуса, включающего как элементы дозволенного, так и обязанного поведения.

Подведем итоги по выявлению тех факторов, которые способствуют существованию и развитию девиаций в российском обществе как в среде несовершеннолетних лиц, так и среди взрослого населения, мужчин и женщин: слабость профилактической работы на разных уровнях и с различными категориями «групп риска»; отсутствие специалистов в области организации деятельности по реабилитации лиц с девиантным поведением; окружающая обстановка, характеризующаяся, с одной стороны общей нестабильностью социально-экономического устройства и несовершенством законодательной базы; с другой, с отсутствием положительных образцов поведения в среде, где находятся лица с девиантным поведением; наконец, физические и психические аномалии, сопровождающие развитие негативных наклонностей личности.

Если коснуться также правонарушений с участием специальных субъектов, то здесь можно отметить, прежде всего, недостаточное понимание ими значимости выполняемых профессиональных функций для общества и государства; постановка личных потребностей на первую позицию в сравнении с общественными или государственными интересами.

Установив проблему и факторы, способствующие ее возникновению и развитию, можно разработать мероприятия по ее нейтрализации. Начальной стадией формирования правовой культуры личности является становление ее правосознания.

Для этого необходимо, во-первых, подготовить качественную нормативно-правовую базу различных сфер регулирования, что зависит от профессионализма должностных лиц законодательной ветви власти в государстве. Следовательно, нужно уделять повышенное внимание уровню образования и культуры соответствующих граждан.

В отношении самих лиц с девиантным поведением рекомендовано введение учетных карточек, в которых будет отражаться информация о конкретном человеке, начиная от его имени, отчества и фамилии и заканчивая видом девиации и формой ее проявления.

Для создания штата сотрудников, которые непосредственно будут работать с указанным контингентом, следует разработать и утвердить учебные планы и рабочие программы соответствующих специальностей, что уже имеет место [12].

В.В. Оксамытный в своей диссертации по формированию правомерного поведения личности, приводит идею, что в рамках юридической науки следует создать дисциплину комплексного характера, которая, с одной стороны будет анализировать типы противоправных поведенческих реакций, с другой – представлять стандарт правомерного поведения личности. Курсы по ней предлагаются создавать и читать специалистам широкого профиля: психологам, криминалистам, представителям правоохранительных структур. В ходе освоения соответствующей дисциплины обучающийся формирует правомерное поведение на личном примере, осознавая при этом необходимость существования не только благоприятной внешней среды, но и внутренних стимулов, о чем говорилось ранее [13, с. 1-13].

Человек должен понимать ценность правомерного поведения для себя, а не являться только конформистом, желающим избежать санкций за уклонение от установленных норм поведения.

В воспитательных целях лицам с девиантным поведением нужно демонстрировать на конкретных примерах, что возможная выгода от реализации преступных желаний может оказаться значительно скромнее, чем затраченные усилия, и привести к прямо противоположному результату. Лицо, желающее получить огромные деньги путем ограбления финансово-кредитного учреждения, в конечном итоге может оказаться в местах лишения свободы с конфискацией всего добытого преступным путем.

Если подросток склонен к совершению тяжких и особо тяжких преступных посягательств, то к нему стоит применить прием моделирования его поведения с другим лицом, возможно, таким же правонарушителем. Действенной мерой в данном случае может оказаться вовлечение подростка в среду, которую он считает для себя идеальной и проследить, как он будет себя чувствовать и вести в обстановке «войны всех против всех», когда его ценности, жизнь и здоровье будут ничтожны в восприятии новых знакомых.

Что касается ужесточения наказаний за преступления, совершаемые несовершеннолетними, то данная мера, зачастую, приводит к развитию рецидивной преступности.

Не нужно также игнорировать разъяснительную и консультационную работу, организуемую правоохранительными органами, педагогами, психологами, представителями социальных учреждений.

Необходимо активизировать работу с семьями, поскольку именно на этом уровне закладываются основы поведенческих реакций, которые со временем реализуются подростками и уже взрослыми людьми в повседневной жизни.

В воспитательных целях у подростков нужно формировать основы толерантности по разным направлениям, что способствует их личностному совершенствованию [14, с. 316-371].

Поскольку, как было отмечено ранее, девиантное поведение часто сопровождается злоупотреблениями алкоголем, наркотическими или психотропными средствами, следует установить суровые меры юридической ответственности в сравнении с действующим законодательством РФ за сбыт соответствующих изделий лицам, не достигшим 18-летнего возраста, вплоть до уголовной ответственности.

Со стороны Министерства образования и науки Российской Федерации для подъема качества образовательных и воспитательных функций подведомственных учреждений, включая профилактику случаев девиантного поведения, традиционно предлагается оценивать эффективность выделенных на реализацию программ обучения финансовых средств; в случаях снижения положительной динамики или застоя, пересматривать долю материального стимулирования подобных структур в сторону ее снижения.

Из всех приведенных рекомендаций по предупреждению и предотвращению девиантного поведения подрастающего поколения можно сделать вывод, что основной мерой в этой связи является правильная организация правового воспитания, затрагивающая законотворческую и правоприменительную деятельности [15]. Для реализации указанного направления необходимо грамотно, полно и обоснованно организовывать подготовку кадров в образовательных учреждениях юридической специализации разных уровней.

При внедрении воспитательных элементов в формирование правовой культуры у лиц с девиантным поведением ответственные субъекты должны понимать опасность такого явления, как «правовой романтизм», для которого свойственен абсолютизм внедрения правового регулирования вплоть до потребления пищи в определенное время суток или правил ношения женщиными одежды в государственных учреждениях. Не все законодательные инициативы, относящиеся к проявлению правового романтизма, не реализуемы на практике в силу их несущественности для государственного или общественного устройства. Некоторые мероприятия не могут быть осуществлены по объективным обстоятельствам, в частности, из-за нехватки

финансовых средств: так, невозможно предоставить индивидуальным домом всех желающих многодетных семей [16, с. 254].

Т.И. Колесниченко, рассматривая работу с лицами, находящимися в образовательном учреждении закрытого типа для несовершеннолетних правонарушителей с целью формирования у них правовой культуры, принимаемой в обществе, предлагает следующий алгоритм [17].

На первой ступени социализации соответствующих лиц необходимо провести их ознакомление с теми социальными ролями и статусами, которые поощряются обществом и государством, в частности, связанными с их местом в семье и будущей профессией. Далее необходимо обеспечить деятельность соответствующих индивидов в работе социальных структур, где они смогут в наибольшей мере реализовать свои социально значимые потребности (в обучении, выполнении трудовой функции, общении, создании семьи и т.д.).

На третьей стадии уже непосредственно нужно приобщать на уровне сознания индивида к тем ценностям, которые позволяют ему реализовать соответствующие социальные роли. После оформления идеологической основы правовой культуры в сознании представителя подрастающего поколения следует вовлекать его в соответствующую работу, например, участвовать в уборке территории учреждения к праздничным или знаменательным датам; посещать места боевой славы; участвовать в культурных мероприятиях. По-степенно следует создавать условия, чтобы сам подросток был уже инициатором разработки и реализации тех или иных мероприятий. Успешность их проведения как ничто другое будет способствовать закреплению положительного опыта и формированию адекватного понимания правовой культуры.

Наконец, наиболее зрелой стадией перевоспитания индивида с девиантным поведением является полная социальная адаптация личности, в рамках которой происходит согласованное взаимодействие индивида с окружающими его лицами в различных жизненных ситуациях, что уже показывает степень укрепления им позитивных тенденций в развитии собственных поведенческих реакций.

А.А Узейиров рассматривает профилактику девиантного поведения в зависимости от принадлежности лица к группе субъектов с девиантным, деликвентным или аддиктивным поведением [18, с. 1-26].

Коронавирусная инфекция COVID-19 внесла свои корректизы в работу с лицами с девиантным поведением [19]. В рамках реализации противоэпидемиологических мер необходимо проводить разъяснительную работу с включением элементов наглядности в форме видеофильмов и мини-спектаклей, фиксирующих случаи заражения и раскрывающих особенности развития заболевания. Тем самым у граждан необходимо выработать естественный механизм самосохранения, базирующийся на соблюдении масочного режима и иных профилактических процедур.

Малолетним гражданам их родители или лица, их заменяющие, должны разъяснять с применением наглядности необходимость соблюдения ограничительных мер, вызванных новым заболеванием:

- установление социальной дистанции в общественных местах не менее 1,5 м;
- ношение средств индивидуальной защиты: масок и перчаток;
- в продовольственных и магазинах, реализующих промышленные товары, касаться только тех продуктов и изделий, которые планируется приобрести;
- в организациях бытового обслуживания и досуговых учреждениях следовать графику посещения, установленного их администрацией на период чрезвычайной ситуации.

В то же время из-за неординарности ситуации, связанной с преодолением последствий коронавирусной инфекции COVID -19 педагогам, психологам, медицинским работникам, а также представителям властных структур следует больше внимания уделять консультативной и разъяснительной работе с населением в целом и отдельными его группами, а не пропагандировать повсеместное применение санкций за нарушение масочного режима и иных ограничительных мер, вызванных сложившейся эпидемиологической ситуацией.

Выводы и рекомендации

По поводу формирования правовой культуры у лиц с девиантным поведением можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в связи с тем, что в данную категорию попадают лица от 12 до 18 лет, следует особое внимание обращать на особенности их психического и физического развития.

Во-вторых, к соответствующей деятельности должны привлекаться все социальные институты, которые занимаются лицами указанной категории: семья, трудовой коллектив, образовательные организации, правоохранительные структуры, органы опеки и попечительства, социальные учреждения, защищающие интересы лиц с ограниченными возможностями здоровья (с ОВЗ).

В-третьих, необходимо совершенствовать законодательную базу в Российской Федерации и на мировом уровне, чтобы подросток реально чувствовал себя субъектом общественных отношений и мог самостоя-

тельно или через представителей отстаивать свои законные интересы не только в случаях их нарушения, но также и при необходимости признания.

В-четвертых, на факультетах юридического, психологического и педагогического профилей необходимо устанавливать и утверждать федеральные образовательные стандарты по подготовке специалистов по работе с субъектами, отличающимися девиантным поведением.

В-пятых, для лиц с патологиями развития необходимо предусматривать меры общественно-полезного характера, которые позволяют им в посильной степени участвовать в создании благ для государства и общества и ощущать свою значимость как личности.

Наконец, в отношении несовершеннолетних граждан, склонных к повышенной жестокости и агрессии, нужно разрабатывать программы погружения в криминогенную среду, которую они считают для себя идеальной, при этом отвести для них роль жертвы.

Литература

1. Девиантное поведение [Электронный ресурс]: URL: ru.wikipedia.org/wiki/Девиантное_поведение (дата обращения: 16.07.2021г.)
2. Вилкова А.В. Причины, условия, предпосылки, факторы возникновения и развития девиантного поведения несовершеннолетних [Электронный ресурс]: URL: «Консультант-Плюс» (дата обращения: 13.07.2021 г.)
3. Феоктистов М.В. Девиантное поведение в сфере государственного кадастрового учета и последующей регистрации недвижимости: комментарий законодательных новелл с позиции доктрины и практики [Электронный ресурс]: URL: «Консультант-плюс» (дата обращения: 13.07.2021 г.)
4. Ломброзо Ч. Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты. / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. М.: «ИНФРА-М», 2011. 320 с.; С. 99 – 131; 159 – 173; 183 – 195.
5. Состояние преступности за январь-декабрь 2016 г. [Электронный ресурс]: URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/9338947/> (дата обращения 13.05.2021г.)
6. Состояние преступности за январь-сентябрь 2017г. [Электронный ресурс]: URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/11341800/> (дата обращения: 13.05.2021 г.)
7. Судебная статистика РФ. Уголовное судопроизводство [Электронный ресурс]: URL: <http://stat.api-press.ru/stats/ug/t/14/s/17/> (дата обращения: 13.05.2021 г.)
8. Радько Т.Н. Теория государства и права: учеб. 2-е изд. М.: Проспект, 2010. 752 с.; С. 626 – 639.
9. Типичные ошибки в организации профилактической работы [Электронный ресурс]: URL: <http://studylib.ru> (дата обращения: 16.07.2021г.)
10. Ничишина Т.В. Профилактика девиантного поведения несовершеннолетних в школе и семье: пособие для педагогов учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования с белорусским и русским языками обучения, учреждений дополнительного образования детей и молодежи. Минск: Национальный институт образования, 2018. 248 с.; С. 17.
11. Стрельба в казанской школе: подробности трагедии [Электронный ресурс]: URL: <https://74.ru/text/incidents/2021/05/11/69908288/> (дата обращения: 17.05.2021 г.)
12. Рабочая программа учебной дисциплины «Технология социальной работы с лицами из группы риска» [Электронный ресурс]: URL: <https://infourok.ru/rabochaya-programma-uchebnoy-disciplini-tehnologii-socialnoy-raboti-s-licami-iz-gruppi-riska-2011243.html> (дата обращения: 16.07.2021 г.)
13. Оксамытный В.В. Общая теория государства и права: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021.
14. Медушевский Н.А. Основы толерантности и правовой культуры. 2-е. изд. М.: ЛЕНАНД, 2015. 408 с.; С. 316 – 371.
15. Федеральный закон РФ «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29.12.2012г. (в ред. от 02.07.2021г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.07.2021г.) ст. 99;
16. Власенко Н.А. Теория государства и права: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и испр. Москва: Проспект, 2014. 416 с.; С. 254.
17. Т.И. Колесниченко (Следственный комитет Российской Федерации по Кемеровской области, г. Осинники, Россия) Воспитание правовой культуры подростков с девиантным поведением [Электронный ресурс]: URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 16.07.2021 г.)
18. Узеиров А.А. Девиантные формы поведения личности: учебно-методическое пособие / ФГБОУ ВО РостГМУ Минздрава России, колледж. Ростов-на-Дону: Изд-во РостГМУ, 2017. 30 с.
19. Перечень мер в связи с коронавирусом (COVID-19) (по состоянию на 15.07.2021 г.) [Электронный ресурс]: URL: «Консультант-Плюс» (дата обращения: 13.07.2021 г.)

References

1. Deviantnoe povedenie [Elektronnyj resurs]: URL: ru.wikipedia.org/wiki/Deviantnoe_povedenie (data obrashcheniya: 16.07.2021g.)
2. Vilkova A.V. Prichiny, usloviya, predposylki, faktory vozniknoveniya i razvitiya deviantnogo povedeniya nesovershennoletnih [Elektronnyj resurs]: URL: «Konsul'tant-Plyus» (data obrashche-niya: 13.07.2021 g.)
3. Feoktistov M.V. Deviantnoe povedenie v sfere gosudarstvennogo kadastrovogo ucheta i posleduyushchej registracii nedvizhimosti: kommentarij zakonodatel'nyh novell s pozicii doktriny i praktiki [Elektronnyj resurs]: URL: «Konsul'tant-lyus» (data obrashcheniya: 13.07.2021 g.)
4. Lombrozo CH. Prestuplenie. Novejshie uspekhi nauki o prestupnike. Anarhisty. Sost. i predisl. V.S. Ovchinskogo. M.: «INFRA-M», 2011. 320 s.; S. 99 – 131; 159 – 173; 183 – 195.
5. Sostoyanie prestupnosti za yanvar'-dekabr' 2016 g. [Elektronnyj resurs]: URL: :<https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/9338947/> (data obrashcheniya 13.05.2021g.)
6. Sostoyanie prestupnosti za yanvar'-sentyabr' 2017g. [Elektronnyj resurs]: URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/11341800/> (data obrashcheniya: 13.05.2021 g.)
7. Sudebnaya statistika RF. Ugolovnoe sudoproizvodstvo [Elektronnyj resurs]: URL: <http://stat.api-press.rf/stats/ug/t/14/s/17/> (data obrashcheniya: 13.05.2021 g.)
8. Rad'ko T.N. Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. 2-e izd. M.: Prospekt, 2010. 752 s.; S. 626 – 639.
9. Tipichnye oshibki v organizacii profilakticheskoy raboty [Elektronnyj resurs]: URL: <http://studylib.ru> (data obrashcheniya: 16.07.2021g.)
10. Nichishina T.V. Profilaktika deviantnogo povedeniya nesovershennoletnih v shkole i sem'e: posobie dlya pedagogov uchrezhdenij obrazovaniya, realizuyushchih obrazovatel'nye programmy obshchego srednego obrazovaniya s belorusskim i russkim yazykami obucheniya, uchrezhdenij dopolnitel'nogo ob-razovaniya detej i molodezhi. Minsk: Nacional'nyj institut obrazovaniya, 2018. 248 s.; S. 17.
11. Strel'ba v kazanskoj shkole: podrobnosti tragedii [Elektronnyj resurs]: URL: <https://74.ru/text/incidents/2021/05/11/69908288/> (data obrashcheniya: 17.05.2021 g.)
12. Rabochaya programma uchebnoj discipliny «Tekhnologiya social'noj raboty s licami iz gruppy riska» [Elektronnyj resurs]: URL: <https://infourok.ru/rabochaya-programma-uchebnoy-disciplini-tehnologii-socialnoy-rabotis-licami-iz-gruppi-riska-2011243.html> (data obrashcheniya: 16.07.2021 g.)
13. Oksamitnyj V.V. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. 3-e izd., pererab. i dop. M.: YUNITI-DANA, 2021.
14. Medushevskij N.A. Osnovy tolerantnosti i pravovoij kul'tury. 2-e. izd. M.: LENAND, 2015. 408 s.; S. 316 – 371.
15. Federal'nyj zakon RF «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» № 273-FZ ot 29.12.2012g. (v red. ot 02.07.2021g.) (s izm. i dop., vstup. v silu s 13.07.2021g.) st. 99;
16. Vlasenko N.A. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnoe posobie. 2-e izd., pererab. i ispr. Moskva: Prospekt, 2014. 416 s.; S. 254.
17. T.I. Kolesnichenko (Sledstvennyj komitet Rossijskoj Federacii po Kemerovskoj oblasti, g. Osinniki, Rossiya) Vospitanie pravovoij kul'tury podrostkov s deviantnym povedeniem [Elektronnyj resurs]: URL: cyberleninka.ru (data obrashcheniya: 16.07.2021 g.)
18. Uzeirov A.A. Deviantnye formy povedeniya lichnosti: uchebno-metodicheskoe posobie. FGBOU VO RostGMU Minzdrava Rossii, kolledzh. Rostov-na-Donu: Izd-vo RostGMU, 2017. 30 s.
19. Perechen' mer v svyazi s koronavirusom (COVID-19) (po sostoyaniyu na 15.07.2021 g.) [Elektronnyj resurs]: URL: «Konsul'tant-Plyus» (data obrashcheniya: 13.07.2021 g.)

ХИЩЕНИЕ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ, КВАЛИФИКАЦИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Веселов В.В., аспирант,
Забайкальский государственный университет

Аннотация: *растраты или присвоение бюджетных средств, как правило совершаются должностными лицами которым вверены данные средства в силу их полномочий. В силу злоупотреблением служебными полномочиями для личного обогащения они приносят огромный вред гражданам РФ и государству в целом.*

Хищение бюджетных средств является грубым преступлением против государства, за которое предусмотрена уголовная ответственность. В зависимости от обстоятельств дела и размера похищенного, назначается соразмерный справедливый приговор. Высокий уровень коррупции наблюдается в странах постсоветского пространства (Украина, Беларусь, РФ).

В данной статье рассмотрено значение степени увеличения уголовной ответственности за хищение бюджетных средств в аспекте соразмерности объема похищенного, возможность предусмотреть в уголовном законодательстве предупредительные и воспитательные функции. Рассмотрены противоречия между провозглашенной Конституцией Российской Федерации идеей равной защиты всех форм собственности и повышенной охраны уголовным законом бюджетных средств, являющихся государственной и муниципальной собственностью, от хищений [1].

Ключевые слова: хищение, бюджетные средства, растата, квалификация преступлений, мошенничество, халатность

EMBEZZLEMENT OF BUDGET FUNDS, QUALIFICATION AND RESPONSIBILITY

Veselov V.V., Postgraduate,
Trans-Baikal State University

Abstract: *embezzlement or appropriation of budget funds, as a rule, is committed by officials who are entrusted with these funds by virtue of their powers. Due to the abuse of official powers for personal enrichment, they bring great harm to the citizens of the Russian Federation and the state as a whole.*

Embezzlement of budget funds is a gross crime against the state, for which criminal liability is provided. Depending on the circumstances of the case and the size of the stolen, a proportionate fair sentence is imposed. A high level of corruption is observed in the countries of the post-Soviet space (Ukraine, Belarus, the Russian Federation).

This article considers the significance of the degree of increase in criminal liability for embezzlement of budget funds in the aspect of proportionality of the amount of stolen goods, the possibility of providing preventive and educational functions in criminal legislation. The contradictions between the idea of equal protection of all forms of property proclaimed by the Constitution of the Russian Federation and increased protection by criminal law of budgetary funds that are state and municipal property from theft are considered [1].

Keywords: embezzlement, budget funds, embezzlement, qualification of crimes, fraud, negligence

Хищение бюджетных средств, как правило осуществляется в крупном и особо крупном размерах. Чаще всего в качестве преступника выступает высокопоставленное должностное лицо, которому в силу его полномочий доверены бюджетные средства. Как правило данный вид преступлений заключается в искусственноном увеличении стоимости государственного контракта. Заказчик с предварительном сговоре с исполнителем завышают цену спецификации каких-либо работ или услуг в соответствии с государственным контрактом, чтобы позже часть бюджетных средств забрать себе. Такие преступления могут совершаться, как группой лиц, так и одним должностным лицом. Из-за таких неправомерных действий серьезным образом страдает основной бюджет РФ, так как потери могут достигать десятков миллиардов рублей. От этого страдает реализация региональных и федеральных целевых программ.

Казнокрадство может назначаться по двум статьям: 160 УК РФ (присвоение и растрата) или же статья 159 УК РФ (мошенничество) [2]. В большинстве случаев преступление имеет коррупционную составляющую. Для распоряжения бюджетными средствами, необходимо обладать особыми должностными полномочиями. Поэтому в своем большинстве такие преступления имеют коррупционную составляющую [3].

Рассмотрим наиболее часто встречающиеся варианты правонарушений, которые встречаются при заключении государственных контрактов [4].

Товары или услуги могут:

- Не поставляться или не оказываться.
- Поставляться, но в меньшем объеме, чем указано в документах.
- Поставляться, однако, с завышением стоимости.

При расследовании данных преступлений, необходимо точно определить была ли корыстная цель в завладении чужим имуществом для получения какой-либо пользы себе или третьего лица. Также важно знать, денежные средства были потрачены или просто присвоены себе [5].

Важно знать, что в качестве предмета преступления всегда будут выступать бюджетные средства, при чем предоставляться они могут совершенно в разных формах, вплоть до предоставления государственного целевого займа.

Присвоение – это хищение имущества, которое было доверено преступнику. Юридическое или физическое лицо может осуществлять незаконное распоряжение собственностью, которая по факту ему не принадлежит. Когда объект хищения очень высоко оценен, то речь может идти о присвоение в особо крупном размере [6].

Растрата – это расходование чужого имущества, его потребление или отчуждение в своих корыстных целях. В таком случае преступник может обогащаться за чужой счет. Растрата характеризуется наличием чужой собственности у обвиняемого во время судебного разбирательства, и является одним из самых частых видов преступлений должностных лиц.

Мошенничество – это получение денежных средств путем обмана. Как правило данное преступление происходит за счет заранее продуманных мошеннических схем.

К квалифицирующим признакам относятся отягчающие обстоятельства, инкриминируемого преступления согласно уголовных статей. Они могут определять предмет преступления, относиться к субъекту деяния, объективной стороне и соучастию в преступлении. Необходимо также учитывать размер предмета преступления, определить произошло ли хищение в крупном или особо крупном размере.

Следственным органам также необходимо определить злоупотребляло ли должностное лицо своими полномочиями, действовал он один или в составе группы. Последствия, которые повлекло за собой преступление, тоже имеет большую роль, так они могли повлечь за собой причинение вреда для здоровья и жизни людей [7].

Суд выносит приговор в зависимости от обстоятельств уголовного дела и естественно хищение в особо крупном размере с другими отягчающими обстоятельствами всегда будет наказываться строже, чем любое другое мелкое воровство.

Почти всегда под хищением денежных средств из бюджета подразумеваются злоупотребление полномочиями. Ведь для хищения бюджетных средств преступнику необходимы полномочия, связанные с распоряжением финансовыми средствами в рамках государственных контрактов [8].

При злоупотреблении полномочиями подозреваемый должен одновременно:

- Использовать служебные полномочия для личной выгоды;
- Нарушать права или законные интересы физических и юридических лиц;
- Занимать пост государственного служащего.

Из совокупности вышеуказанных факторов можно сделать выводы о превышении должностным лицом своих служебных полномочий с целью получить выгоду, а, следовательно, в злоупотреблении полномочиями.

Из этого можно сделать вывод, что если человек превысил свои полномочия с целью получить выгоду, то его ожидает более строгое наказание. Следовательно, если должностное лицо намеренно превысило стоимость услуги или товара, чтобы часть денег забрать себе, то его можно обвинить в злоупотреблении полномочиями.

Наказание виновному должностному лицу суд назначает всегда соразмерно совершенному преступлению [9].

В соответствии с ч. 3 статьи 160 УК РФ назначается следующее наказание:

- Штраф от 100 – 500 тыс. рублей
- Лишение права занимать руководящие должности сроком до 5 лет.
- Принудительные работы сроком до 5 лет.
- Тюремное заключение до 6 лет.

Санкции статьи 160 УК РФ по части 4 подразумеваются под собой более серьезное наказание, тюремное заключение до 10 лет и штраф до 1 млн. рублей. Подобные санкции грозят обвиняемым, которым инкриминируют преступления по статье 159 УК РФ [10].

Литература

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ». 26.01.2009. № 4.
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.03.2013) // «Собрание законодательства РФ». 17.06.1996. № 25. ч. 1 ст.2, ч. 2 ст. 8.
3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 14.06.2012) // «Собрание законодательства РФ». 29.01.1996. № 5. п. 4 ст. 212.
4. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ (ред. от 18.03.2019 N 34-ФЗ).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018)
6. <http://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html>
7. Сведения о результатах работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации за период с 2018 по 2020 г. Форма «5БЭП».
8. Сведения о результатах работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации за период с января по сентябрь 2015 г. Форма «5БЭП».
9. Пункт 1.3.4 Обзора судебной практики по применению Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии», утвержденного Президиумом ВС РФ 4 декабря 2013 г.; п. 4.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П.
10. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 20 июня 2018 г. № 57П18.

References

1. «Konstituciya Rossijskoj Federacii» (prinyata vserodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uche-tom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ). «Sobranie zakonodatel'stva RF». 26.01.2009. № 4.
2. «Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii» ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 04.03.2013). «Sobranie zakonodatel'stva RF». 17.06.1996. № 25. ch. 1 st.2, ch. 2 st. 8.
3. «Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya)» ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 14.06.2012). «Sobranie zakonodatel'stva RF». 29.01.1996. № 5. p. 4 st. 212.
4. Grazhdanskij Kodeks Rossijskoj Federacii ot 30 noyabrya 1994 goda N 51-FZ (red. ot 18.03.2019 N 34-FZ).
5. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. от 12.11.2018)
6. <http://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html>
7. Svedeniya o rezul'tatah raboty podrazdelenij ekonomiceskoy bezopasnosti i protivodejstviya korrupcii organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii za period s 2018 po 2020 g. Forma «5BEP».
8. Svedeniya o rezul'tatah raboty podrazdelenij ekonomiceskoy bezopasnosti i protivodejstviya korrupcii organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii za period s yanvarya po sentyabr' 2015 g. Forma «5BEP».
9. Punkt 1.3.4 Obzora sudebnoj praktiki po primenenuy Federal'nogo zakona ot 29 noyabrya 2012 g. № 207-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» i Postanovleniya Gosudarstvennoj Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii ot 2 iyulya 2013 g. № 2559-6 GD «Ob ob"yavlenii amnistii», utverzhdennogo Prezidiumom VS RF 4 dekabrya 2013 g.; p. 4.1 Postanovleniya Konstitucionnogo Suda RF ot 11 dekabrya 2014 g. № 32-P.
10. Postanovlenie Prezidiuma Verhovnogo Suda RF ot 20 iyunya 2018 g. № 57P18.

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ
СОХРАНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА РЕСПУБЛИКИ
АБХАЗИЯ КАК ЧАСТИЧНО ПРИЗНАННОГО ГОСУДАРСТВА

Габуния Г.Б., пресс-секретарь, аспирант,
Министерство по налогам и сборам Республики Абхазия,
Дипломатическая Академия МИД России

Аннотация: статус Республики Абхазия как частично признанного государства, в значительной мере, влияет на направленность и масштабы ее возможного сотрудничества с другими государствами. В связи со статусом де-факто наиболее разностороннее и масштабное сотрудничество возможно с Российской Федерацией, как государством которое первым признало ее независимость и финансово поддерживает Республику Абхазия на всем протяжении ее развития. В данной статье описаны основные проблемы связанные со статусом Абхазии, оказывающие негативное влияние на экономическое развитие. Даже при отсутствии производственной базы представляется возможным найти решение для возрождения экономики Республики Абхазия до достаточно высоких позиций при условии разработки ряда документов, позволяющих регулировать экономическую деятельность. В период становления утраченных связей между сторонами были заключены многочисленные соглашения, которые, однако, не регулируют весь спектр возникающих современных общественно-правовых отношений в сфере экономики и инвестиций.

Ключевые слова: Абхазия, Россия, инвестиции, экономика, институты соглашение, сотрудничество

DEVELOPMENT OF ECONOMIC COOPERATION BETWEEN THE
REPUBLIC OF ABKHAZIA AND THE RUSSIAN FEDERATION IN THE
CONDITIONS OF PRESERVING THE INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF
THE REPUBLIC OF ABKHAZIA AS A PARTIALLY RECOGNIZED STATE

Gabunia G.B., Press Secretary, Postgraduate,
Ministry of Taxes and Duties of the Republic of Abkhazia,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Abstract: the status of the Republic of Abkhazia as a partially recognized State significantly affects the direction and scope of its possible cooperation with other States. Due to the de facto status, the most diverse and large-scale cooperation is possible with the Russian Federation, as the state that was the first to recognize its independence and financially supports the Republic of Abkhazia throughout its development. This article describes the main problems related to the status of Abkhazia, which have a negative impact on economic development. Even in the absence of a production base, it is possible to find a solution for reviving the economy of the Republic of Abkhazia to a sufficiently high position, provided that a number of documents are developed that allow regulating economic activity. During the formation of the lost ties, numerous agreements were concluded between the parties, which, however, do not regulate the entire range of emerging modern social and legal relations in the field of economy and investment.

Keywords: Abkhazia, Russia, investment, economy, institutions, agreement, cooperation

Совместное предпринимательство, осуществляемое на инновационной основе представителями бизнес-структур Республики Абхазия и Российской Федерации, способствует технико-технологической модернизации экономики Республики Абхазия, выпуску определенных видов конкурентоспособной продукции, которая может быть поставлена и на зарубежные рынки [6]. Однако следует признать ограниченность, несовершенство и несогласованность правовой базы Республики Абхазии с аналогичными правовыми документами Российской Федерации, что препятствует динамичному расширению торгово-экономических связей. В рамках рассмотрения торгово-экономического сотрудничества обеих стран допустимо в случае отсутствия двойного налогообложения рассматривать схемы реимпорта, поставок продукции из Абхазии через Российскую Федерацию.

Современные внешнеэкономические и политические условия, сохраняющийся статус частично признанного государства ставят перед Республикой Абхазия новые вызовы и требуют выработки более конструктивных механизмов их решения, основанных на понимании руководством республики и ее гражданами необходимости интенсивной интеграции в мировое экономическое сообщество путем

разработки унифицированной законодательной базы, защищающей предпринимателей и иностранных инвесторов, которые решили вложить средства в развитие экономики республики.

Необходимо отметить ряд детерминант, которые замедляют развитие Абхазии. К ним относят:

- 1) Частичная признанность Республики Абхазия другими государствами;
- 2) Устаревшая транспортная инфраструктура (железнодорожный, морской и автомобильный транспорт);
- 3) Зависимость Абхазии от цен на энергоносители;
- 4) Недостаточно развитые действия со стороны властных структур относительно регулирования деятельности производителей продукции;
- 5) Высокие риски потери клиентов туристического сектора вследствие его низкой конкурентоспособности;
- 6) Сохраняющаяся финансовая зависимость от Российской Федерации.

Положительным моментом, оказывающим позитивное воздействие на развитие Республики Абхазия, является ее участие в различных форматах сотрудничества в виде заключения международных договоров и соглашений с Российской Федерацией. В рамках сотрудничества рассматриваемых стран выработаны и приняты многочисленные соглашения на межгосударственном, межправительственном, межведомственном уровнях, достигнут ряд соглашений с субъектами РФ в социально-экономической, культурной, научно-технической, оборонной, правоохранительной сферах.

Уже происходит взаимодействие с различными регионами Российской Федерации путем поставки различной продукции, произведенной в Республике Абхазия, в основном, в агропромышленном секторе. Особенностью РА является то, что в советской планово-распределительной системе Абхазии отводилось место здравницы, рекреационного комплекса, поставщика некоторых видов сельскохозяйственной продукции, и не уделялось внимания развитию промышленности в данном регионе. Хозяйственные связи, существовавшие между республиками СССР, позволяли минимально восполнять отсутствие промышленности в регионе, однако и в тот период существовал дефицит товаров различных групп.

Впоследствии, по достижении ею независимости Республика, не в состоянии обеспечить свои внутренние потребности и не может производить те группы товаров, которые необходимы для внутреннего потребления. В экономическом секторе имеет место дисбаланс, который необходимо ликвидировать путем создания гармонизированного законодательства, позволяющего в короткие сроки улучшить инвестиционный климат в РА и привлечь большой объем инвестиций, способствующий развитию всех сфер жизнедеятельности республики [5].

Осуществляемое сотрудничество имеет прочную основу для последующего развития при условии формирования режима наибольшего благоприятствования и разработки полного комплекса нормативных правовых документов, обеспечивающих правовую базу для взаимодействия во всех сферах, включая экономику, в целом, а также туристический сектор и агропромышленный комплекс [16]. Данные экономические сектора являются издавна наиболее сильными в Республике Абхазия, и ее население традиционно в них занято [4].

В период с 1992-2008 г. был принят ряд документов международного уровня, регулирующих сотрудничество рассматриваемых стран, однако они носят обобщенный характер, многие использованные понятия были устаревшими. Имело место несогласование с другими документами, упоминание утративших свое обозначение или ликвидированных ведомств и подведомственных организаций.

Инвестиционному климату присуща определенная динамика, а направленность ее трансформации обусловлена экономическими, геополитическими, конъюнктурными факторами. Залогом результативности АПК является благоприятная экономическая среда и климатические условия. Особо благоприятные природно-климатические условия Республики Абхазия способствуют продуктивному развитию АПК и смежных отраслей экономики. Для их слаженной деятельности необходимы институциональные условия.

Стагнация в развитии экономики Республики Абхазия приводит к тому, что значительная часть молодого поколения уезжает в Россию, не видя перспектив в проживании в Абхазии. В связи с этим, для сохранения трудовых ресурсов РА необходима интенсификация социально-экономических и инвестиционных процессов, основывающихся на актуальных законах, подкрепленных продуманными подзаконными актами.

Для повышения инвестиционной привлекательности Республике Абхазия необходимо усовершенствовать институциональное обеспечение:

- 1) Требуется правовая интеграция Республики Абхазия и Российской Федерации;
- 2) Для соответствующего развития инвестиционной среды необходимо осуществить унификацию абхазского законодательства с международным, в первую очередь, российским;
- 3) Создать идентичный формат функционирования экономических субъектов;

4) Республика Абхазия как частично признанное государство может принимать участие, преимущественно, в двусторонних международных соглашениях об инвестициях и выступать в качестве инициатора заключения новых международных договоров, расширяя, тем самым, правовое поле для эффективной инвестиционной деятельности.

Подводя итоги, допустимо констатировать, что между Республикой Абхазия и Российской Федерацией возможно усиление торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества по различным направлениям. Российская Федерация осуществляет значительную материальную, финансовую поддержку Республике Абхазия в ее развитии. В настоящее время особенно актуальным и важным является дополнение и развитие инвестиционного законодательства. Это позволит перейти сотрудничеству между двумя государствами на качественно новый этап.

Литература

1. Закон Республики Абхазия О Национальном банке Республики Абхазия (Банке Абхазии) (с изменением и дополнением от 15 июня 2011 г. № 2942-с-IV) [Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://www.nbra.org/ru/pdfdoc/Legal/2858-C-IV.pdf>
2. Комплексный подход к развитию независимой РА – изд. ОАО «Российский институт градостроительства и инвестиционного развития «ГипроГор», 2013
3. Конституционный Закон Республики Абхазия [Электронный ресурс]. Режим:http://embabkhazia.ru/respublika_abhaziya/konstituciya_respubliki_abhazia/
4. Шатипа Х.К. Организационно-экономический механизм послевоенного восстановления сельского хозяйства республики Абхазия: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Нальчик, 2011. 28 с.
5. Авцинова Г.И., Новицкая А.А. Особенности функционирования непризнанных государств // Наука и современность. 2015. № 3. С. 65 – 76.
6. Габуния Г.Б. Анализ институционального обеспечения абхазо-российских отношений // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 12А. С. 118 – 125.
7. «Концепция социально-экономического развития Республики Абхазия», 12/08/2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://www.abkhaziagov.org/ru/president/activities/programms/detail.php>
8. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М: Фонд экономической книги «Начала», 2013. 180 с.
9. Непризнанные государства: возможности и вызовы XXI века // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 12. С. 64 – 81.
10. «Регулирование внешней торговли Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС»: Учебное пособие / под общей ред. С.Ю. Глазьева и Т.А. Мансурова, Москва, 2011.
11. Сборник материалов V Российско-Абхазского делового форума, 2017.
12. Социально-экономическая стратегия развития республики Абхазия: от территориальной ограниченности к новым возможностям, Москва 2009 г., Ардзинба А.А., Джинджолия А.А.
13. Официальный сайт Таможенного комитета Республики Абхазия. <http://customsra.org/>
14. Официальный сайт Посольства Российской Федерации в Республике Абхазия. <http://www.abkhazia.mid.ru/>
15. Официальный сайт Президента Республики Абхазия. <http://www.abkhaziagov.org/ru/>
16. Справка о социально-экономическом состоянии Республики Абхазия [Электронный ресурс]. URL: <https://apsadgil.info/information/economy/> (дата обращения: 10.06.2021)

References

1. Zakon Respubliki Abhaziya O Nacional'nom banke Respubliki Abhaziya (Banke Abhazii) (s izmeneniem i dopolneniem ot 15 iyunya 2011 g. № 2942-s-IV) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa:<http://www.nbra.org/ru/pdfdoc/Legal/2858-C-IV.pdf>
2. Kompleksnyj podhod k razvitiyu nezavisimoj RA – izd. OAO «Rossijskij institut gradostroitel'stva i investicionnogo razvitiya «Giprogor», 2013
3. Konstitucionnyj Zakon Respubliki Abhaziya [Elektronnyj resurs]. Rezhim:http://embabkhazia.ru/respublika_abhaziya/konstituciya_respubliki_abhazia/
4. SHatipa H.K. Organizacionno-ekonomicheskij mekhanizm poslevoennogo vosstanovleniya sel'skogo hozyaistva respubliki Abhaziya: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk. Nal'chik, 2011. 28 s.
5. Avcinova G.I., Novickaya A.A. Osobennosti funkcionirovaniya nepriznannyh gosudarstv. Nauka i sovremennost'. 2015. № 3. S. 65 – 76.

6. Gabuniya G.B. Analiz institucional'nogo obespecheniya abhazo-rossijskih otnoshenij. Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2019. T. 9. № 12A. S. 118 – 125.
7. «Koncepciya social'no-ekonomiceskogo razvitiya Respubliki Abhaziya», 12/08/2006. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa:<http://www.abkhaziagov.org/ru/president/activities/programms/detail.php>
8. Nort D. Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki. M: Fond ekonomiceskoy knigi «Nachala», 2013. 180 s.
9. Nepriznannyye gosudarstva: vozmozhnosti i vyzovy XXI veka. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2006. № 12. S. 64 – 81.
10. «Regulirovanie vneshnej torgovli Tamozhennogo soyuza v ramkah EvrAzES»: Uchebnoe posobie. pod obshchej red. S.YU. Glaz'eva i T.A. Mansurova, Moskva, 2011.
11. Sbornik materialov V Rossijsko-Abhazkogo delovogo foruma, 2017.
12. Social'no-ekonomiceskaya strategiya razvitiya respubliki Abhaziya: ot territorial'noj ogranicennosti k novym vozmozhnostyam, Moskva 2009 g., Ardzinba A.A., Dzhindzholiya A.A.
13. Oficial'nyj sajt Tamozhennogo komiteta Respubliki Abhaziya. <http://customsra.org/>
14. Oficial'nyj sajt Posol'stva Rossijskoj Federacii v Respublike Abhaziya. <http://www.abkhazia.mid.ru/>
15. Oficial'nyj sajt Prezidenta Respubliki Abhaziya. <http://www.abkhaziagov.org/ru/>
16. Spravka o social'no-ekonomiceskem sostoyanii Respubliki Abhaziya [Elektronnyj resurs]. URL: [https://apsadgil.info/information/economy/\(data obrashcheniya: 10.06.2021\)](https://apsadgil.info/information/economy/(data obrashcheniya: 10.06.2021))

ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ КОНСТРУКЦИИ ДОГОВОРА УСЛОВНОГО ДЕПОНИРОВАНИЯ (ЭСКРОУ) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Гунашвили Т.Т.,
Иркутский государственный университет

Аннотация: в представленном исследовании на основании индивидуальных особенностей системы условного депонирования проанализированы главные возможности последующего развития договора эскроу в России. В данной статье на основании особенностей построения договора условного депонирования установлены направления развития данного вида договора в России. На данный момент времени сделки в интернете приобретают все большую популярность, в результате этого возможности для использования договоров условного депонирования (эскроу) с каждым годом расширяются. Но, не смотря на это, существуют правоприменимые недостатки и проблемы, что обуславливает актуальность дальнейших разработок в этой области. Целью данной статьи состоит в анализе перспектив развития условного депонирования в России. Научная новизна состоит в том, что автором были проанализированы теоретические основы конструкции договора условного депонирования (эскроу) в Российской Федерации и выявлены перспективы развития конструкции договора условного депонирования (эскроу) в Российской Федерации. В статье проводится анализ особенностей нового договора – а именно договора условного депонирования (эскроу), выявлены особенности конструкции данного договора, определены недостатки и проблемы правового регулирования, представлены перспективные направления развития исследуемого договора в России.

Ключевые слова: бенефициар, депонент, договор эскроу, эскроу-агент

PROSPECTS FOR DEVELOPMENT OF CONSTRUCTION OF CONDITIONAL DEPOSITION AGREEMENT (ESCROW) IN THE RUSSIAN FEDERATION

Gunashvili T.T.,
Irkutsk State University

Abstract: in the presented study, based on the individual characteristics of the escrow system, the main possibilities for the further development of the escrow agreement in Russia are analyzed. In this article, on the basis of the peculiarities of the construction of an escrow agreement, the directions of development of this type of agreement in Russia are established. At this point in time, transactions on the Internet are becoming more and more popular, as a result of this, the possibilities for using escrow agreements are expanding every year. But, despite this, there are law enforcement shortcomings and problems, which determines the relevance of further developments in this area. The purpose of this article is to analyze the prospects for the development of escrow in Russia. The scientific novelty lies in the fact that the author analyzed the theoretical foundations of the construction of an escrow agreement in the Russian Federation and identified the prospects for the development of the construction of an escrow agreement in the Russian Federation. The article analyzes the features of the new agreement – namely, the escrow agreement, identifies the design features of this agreement, identifies the shortcomings and problems of legal regulation, presents promising directions for the development of the studied agreement in Russia.

Keywords: beneficiary, depositor, escrow agreement, escrow agent

Введение

Актуальность выбранной автором темы не вызывает сомнения, поскольку условное депонирование в форме договора привлекает внимание в связи с вероятно широким использованием в гражданских правоотношениях. Он обладает возможностью выступать в качестве залогом того, каждая из сторон сделки выполнит свои обещания должным образом. К примеру, поставщик поставит продукцию в установленные сроки и в полном объеме, а заказчик за него расплачивается на основании критерии договора. Договор при этом является гарантией защиты выполнения соглашения о поставке, лицензионного соглашения, купли-продажи недвижимости, потому что на основании п. 2 ст. 926.3 Гражданского кодекса РФ агент по договору эскроу должен выяснить присутствие причин, по которым передается продукция бенефициару. Когда каждая из сторон признает, собственно что сделка осуществлена, средства будут перечислены кредитору.

Не обращая внимания на то, что условное депонирование в форме договора не было поименовано в ГК РФ, на практике его применяли довольно часто. На данный момент времени сделки в интернете приобретают все большую популярность, в результате этого возможности для использования договоров условного депонирования (эскроу) с каждым годом расширяются. Но, несмотря на это, существуют правоприменимые недостатки и проблемы, что обуславливает актуальность дальнейших разработок в этой области.

тают все большую популярность, в результате этого возможности для использования договоров условного депонирования (эскроу) с каждым годом расширяются.

Целью данной статьи состоит в анализе перспектив развития конструкции договора условного депонирования (эскроу) в Российской Федерации.

Научная новизна состоит в том, что автором были проанализированы теоретические основы условного депонирования в России и определены основные направления развития данного договора в России.

Участники финансовых отношений, в собственном влечении отстоять свои интересы пользуются вспомогательными методами, дабы гарантировать надлежащее выполнение условий договора. Условное депонирование – выступает в качестве такого дополнительного помощника.

Понятие «Эскроу» является французским словом «escrowe» которое появилось во второй половине XVI в. Первоначальный смысл – обрезок, лоскуток, кусок чего-нибудь. Позднее понятие получает смысл правоустанавливающей документации.

Суть эскроу состоит в том, что каждая из сторон дает согласие на привлечение третьей стороны – эскроу, то есть агента, который будет контролировать за выполнением обещаний по соглашению, при помощи сохранности продукции, до этапа выполнения обязательств. Следовательно, агент отдает продукцию лишь только тогда, когда обязательства указанные в соглашении исполнено [10, с. 427-435].

В российской цивилистической доктрине можно выделить следующие точки зрения касаемо особенностей условного депонирования в форме договора, а также появляющиеся в результате его заключения определенные обязательства.

Так, исходя из одного мнения условное депонирование в форме договора – это один из достоверных механизмов расчетов, при помощи которого происходит исполнение обеспечительной функции. Иные же научные работники, относя договор условного депонирования к методикам расчетов, указывают на то, что существует аккредитивная составляющая образованных отношений [12, с. 174].

В рамках второго подхода договор эскроу рассматривается как обеспечительное многостороннее обязательство [7, с. 9].

По мнению В.В. Батина договор эскроу выступает в качестве доверительного гражданского правового обязательства, в котором принимает участие много лиц, исполняющих как обеспечительные, так и гарантирующие обязанности в период взаимных отношений с контрагентами. Помимо этого В.В. Батин представляет счет эскроу в форме договора и условное депонирование в форме договора, как частное и общее, основываясь на их общей правовой природе [4, с. 129].

В качестве особенностей условного депонирования можно указать то, что это трудные, многоуровневые правовые отношения, на основании того, что появляются в результате иных существующих правовых отношений, которые первоначально возникают как отношения кредитор-должник [12, с. 174].

Также ученые отмечают, что эскроу присущи черты условного обязательства, поскольку депонирование осуществляется с целью передачи права на имущество только после выполнения определенного условия. Представляется, что договор эскроу действительно можно отнести к условному обязательству, поскольку до момента наступления условия у депонента остаются права на депонированные товары, а в момент выполнения условий права депонированные товары будут переданы бенефициару. То есть, право собственности переходит при наступлении установленного договором эскроу условия [9, с. 20].

Таким образом, в результате анализа приведенных подходов к правовой природе договора эскроу можно сделать вывод, что отнесение договора эскроу к способам обеспечения исполнения обязательств представляется не вполне обоснованным ввиду следующего. Так, способы обеспечения исполнения обязательств обладают свойством акцессорности, проявляющимся, в частности, в том, что признание недействительным основного обязательства влечет признание недействительным акцессорного обязательства. В рассматриваемом же случае признание недействительным договора, который повлек заключение договора эскроу, не влечет недействительность договора эскроу, так как здесь имеет место иное последствие: эскроу-агент обязан вернуть имущество депоненту, и при этом он имеет право на вознаграждение. Поэтому можно сделать вывод, что поскольку договор эскроу не обладает свойством акцессорности, присущим обеспечительным обязательствам, по своей правовой природе его нельзя отнести к способам обеспечения исполнения обязательств. А указание в статье 926.1 ГК РФ по поводу формирования дополнительных гарантий, но не порождения обеспечительных обязательств [6, с. 55].

В качестве основных признаков договора условного депонирования выделяют:

- присутствие условного депонирования в форме договора, памятки агента, главного договора;
- обособление имущества с поддержкой эскроу договора;
- неотъемлемая возмездность работы агента;
- неотъемлемое присутствие агента;

- недоступность отзыва имущества депонентом;
- отсутствие надобности остановки главного договора во время отмены эскроу договора;
- предоставление прав получателю только во время исполнения критериев эскроу договора [13, с. 235].

Условное депонирование в форме договора состоит из определенных условий:

- контактных данных поставщика, заказчика, агента;
- контактных данных того, кому выплачивается фонд эскроу;
- оплата работы агента;
- данные счета для зачисления денежных средств;
- условия, которые нужно исполнить до того, как агентом будут реализованы эскроу резервы;
- прямые обязанности агента тогда, когда обязательства исполнены;
- время исполнения условий;
- необходимый размер перечислений;
- процентная ставка по счету и как именно нужно подразделять данную процентную ставку.

В законодательстве напрямую не указываются субъекты, которые имеют возможности для работы в качестве эскроу-агента на основании условного депонирования в форме договора. Впрочем, на основании ч. 1 ст. 926.8 ГК РФ можно сказать о том, что в качестве эскроу-агент можно выбрать любых граждан, которые обладают полной правоспособностью, а также дееспособностью, нотариусов либо юридических лиц.

На основании ч. 4 ст. 327 ГК РФ при передаче нотариусам движимого имущества в качестве депонирования, безналичной денежной суммы либо ценных бумаг в бездокументарной форме исходя из общего заявления кредитора с должником к этим отношениям будут использованы критерии по поводу условного депонирования в форме договора, в результате того, что иные требования не указаны в нормативно-правовых актах в сфере правового регулирования нотариальной деятельности. В результате изучения указанной нормы права, следует вывод о том, что раз правила эскроу договора будут только подлежать использованию, но при этом нотариусы стороной быть не могут и данное правило закреплено в Письме ФНП от 20.06.2018 №3041/03-16-3[2], на основании которой выполняя роль агента, нотариус выступит в качестве гаранта выполнения обязательств, а помимо этого выполнения расчетов между участниками, но в это же время в качестве стороны договора не выступает». В это же время, в случаях, если нотариус, это полноправный участник во время заключения договора, и он выполняет обязанности депонента и бенефициара, способствуя разработке определенных правил договора, то обозначенный запрет будет нарушен прямым образом.

Нужно обозначить то, что нотариус в качестве участника условного депонирования имеет широкое распространение за рубежом. Например, когда происходит купля-продажа недвижимого имущества в Швейцарии, в результате того, что в законах Швейцарии нормы по поводу обязательной нотариальной формы такой сделки и дальнейшей регистрации, определение в качестве агента нотариуса, будет почти неизбежным [3, с. 20].

Для исправления имеющихся коллизий Е.Д. Самсонов представил ч. 1 ст. 926.8 ГК РФ со следующими изменениями: эскроу в форме договора будет прекращен в результате гибели агента, если его признали в качестве недееспособного, в качестве ограниченно дееспособного либо он безвестно отсутствующий, если произошла ликвидация агента, который выступал в качестве юридического лица, если вышли временные рамки договора, а помимо этого в других случаях, которые указаны в ГК РФ и иных нормативно-правовых актах [12, с. 174].

Исходя из вышесказанного следует, что нотариус не может выступать в качестве стороны по договору условного депонирования.

Рассматривая гарантии сохранности депонированного имущества, А. Елисеенко отмечает, что независимо от наличия в нормативно-правовых актах России определенных мер, которые способствуют обеспечить сохранность эскроу имущества, стоит или убрать из договора права агентов на применение и распоряжение эскроу имуществом, или привести наиболее подробное описание правил данного применения и распоряжения, а помимо этого различные последствия нарушения определенных правил применения и распоряжения данным имуществом [8, с. 17].

Особое внимание следует уделить такой проблеме как отсутствие механизма возврата депонированного имущества при прекращении договора (п. 2 ст. 926.8 ГК РФ). Во-первых, возникает ряд вопросов в части закрепления перечня субъектов, осуществляющих возврат такого имущества, особенно в случае смерти эскроу-агента. Во-вторых, в гражданском законодательстве необходимо закрепить условия исполнения данного действия, к которым, по нашему мнению, следует отнести:

- соблюдение режима депонированного имущества, которое заключается в том, что данное имущество будет обособленным от иного имущества депонента, что даст возможности для удовлетворения интересов

бенефициара не смотря на то, поменяется ли во время действия договора имущественное положение депонента, а помимо этого в присутствии «имущественного иммунитета» данного имущества;

- осуществление проверки наличия оснований для передачи депонированного имущества и т.д. [13, с. 235].

Следовательно, в ГК РФ содержатся различные диспозитивные правила, которые призваны урегулировать условное депонирование в форме договора, что, в первую очередь способствует гибкости составляющих данного договора, а во-вторую – диспозитивность порой приводит к неурегулированности правоотношений, в том случае если сторонами не очень точно указаны определенные правила и как результат появляются различные спорные моменты. На данный момент времени на законодательном уровне можно отметить некоторые проблемные моменты, которые связаны с правовым регулированием работы нотариусов в роли агентов, процедуре возврата эскроу имущества во время прекращения договорных обязательств, воздействием судьбы основных обязательств на развитие всего договора.

Выводы

Таким образом, рассмотренные в работе особенности конструкции договора условного депонирования (эскроу) в Российской Федерации и представленные перспективы развития конструкции договора условного депонирования (эскроу) в Российской Федерации призваны способствовать повышению эффективности всей существующей системы договора условного депонирования (эскроу) в Российской Федерации.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // "Собрание законодательства РФ", 05.12.1994, N 32, ст. 3301.
2. Письмо Федеральной нотариальной палаты от 20.06.2018 №3041/03-16-3 «О договоре условного депонирования (эскроу) и договоре публичного депозитного счета» // Документ опубликован не был.
3. Белокопытова Н.Ю., Колесникова В.В. Договор эскроу как новый способ обеспечения исполнения обязательств // Вестник Омской юридической Академии. 2019. Т. 16. № 1. С. 20 – 25.
4. Батин В.В. Договор условного депонирования (эскроу) // Юридические науки. 2019. № 5. С. 129 – 133.
5. Белокопытова Н.Ю., Колесникова В.В. Договор эскроу как новый способ обеспечения исполнения обязательств // Вестник Омской юридической академии. 2019. № 1. С. 20 – 24.
6. Богданов Д.Е. Правовая природа договора условного депонирования (эскроу) // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 10. С. 55 – 66.
7. Дубнова Д.К. Правовая природа договора счета эскроу // Юрист. 2018. № 2. С. 9.
8. Елисеенко А. Договор эскроу: условия, режим имущества, права и обязанности эскроу-агента // Юридическая работа в кредитной организации. 2018. № 3. С. 17 – 30.
9. Михайлов С.В., Пономарева Н.В. К вопросу о правовом регулировании эскроу в России // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 3 (86). С. 20 – 25.
10. Муравьева С.Н. Институт условного депонирования // Вестник современных исследований. 2018. № 6.4. (21) С. 427 – 435.
11. Поваров Ю.С. Основания прекращения договора условного депонирования (эскроу) // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 2 (55). С. 80 – 84.
12. Самсонов Е.Д. Условное депонирование (эскроу) // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 4 (38). С. 174 – 176.
13. Юдина А.А. Правовая природа и практика применения договора условного депонирования (эскроу) // Научные достижения и открытия современной молодёжи: сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. 2019. С. 235 – 238.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 28.06.2021, s izm. ot 08.07.2021). "Sobranie zakonodatel'stva RF", 05.12.1994, N 32, st. 3301.
2. Pis'mo Federal'noj notarial'noj palaty ot 20.06.2018 №3041/03-16-3 «O dogovore uslovnogo deponirovaniya (eskrou) i dogovore publichnogo depozitnogo scheta». Dokument opublikovan ne byl.
3. Belokopytova N.YU., Kolesnikova V.V. Dogovor eskrou kak novyj sposob obespecheniya ispolneniya obyazatel'stv. Vestnik Omskoj yuridicheskoy Akademii. 2019. T. 16. № 1. S. 20 – 25.
4. Batin V.V. Dogovor uslovnogo deponirovaniya (eskrou). YUridicheskie nauki. 2019. № 5. S. 129 – 133.
5. Belokopytova N.YU., Kolesnikova V.V. Dogovor eskrou kak novyj sposob obespecheniya ispolneniya obyazatel'stv. Vestnik Omskoj yuridicheskoy akademii. 2019. № 1. S. 20 – 24.

6. Bogdanov D.E. Pravovaya priroda dogovora uslovnogo deponirovaniya (eskrou). *Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina (MGU)*. 2018. № 10. S. 55 – 66.
7. Dubnova D.K. Pravovaya priroda dogovora scheta eskrou. *YUrist*. 2018. № 2. S. 9.
8. Eliseenko A. Dogovor eskrou: usloviya, rezhim imushchestva, prava i obyazannosti eskrouagenta. *YUridicheskaya rabota v kreditnoj organizacii*. 2018. № 3. S. 17 – 30.
9. Mihajlov S.V., Ponomareva N.V. K voprosu o pravovom regulirovaniii eskrou v Rossii. *YUrist* "-Pravoved". 2018. № 3 (86). S. 20 – 25.
10. Murav'eva S.N. Institut uslovnogo deponirovaniya. *Vestnik sovremennoy issledovanij*. 2018. № 6.4. (21) S. 427 – 435.
11. Povarov YU.S. Osnovaniya prekrashcheniya dogovora uslovnogo deponirovaniya (eskrou). *Vestnik Omskogo universiteta*. Seriya: Pravo. 2018. № 2 (55). S. 80 – 84.
12. Samsonov E.D. Uslovnoe deponirovaniye (eskrou). *Nauchnyj elektronnyj zhurnal Meridian*. 2020. № 4 (38). S. 174 – 176.
13. YUdina A.A. Pravovaya priroda i praktika primeneniya dogovora uslovnogo deponirovaniya (eskrou). *Nauchnye dostizheniya i otkrytiya sovremennoj molodyozhi: sb. st. VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* 2019. S. 235 – 238.

ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВУ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Данько В.А., начальник Управления экономической безопасности и противодействия коррупции,
МВД по Республике Хакасия,
Академия управления МВД России

Аннотация: современная российская действительность такова, что взяточничество не только широко распространено повсеместно, но и создаёт угрозу национальной безопасности, составляя основу коррупции. Именно взяточничество способствует деструктивным изменениям в экономике, политике, социальной сфере, разрушает моральные принципы, напрямую подрывая устои гражданского общества путём деформации правосознания о возможности удовлетворения личных и коллективных интересов через подкуп должностных лиц.

Впервые российский законодатель столкнулся с проблемой взяточничества в московском государстве, в период его становления и развития. Проведённый автором анализ свидетельствует о том, что даже тогда противодействие взяточничеству представляло собой большие трудности для органов государственной власти. Указанное обстоятельство было связано, безусловно, со спецификой рассматриваемого периода российской государственности, вызванной изначально разрешённым корыстным интересом должностных лиц к незаконной деятельности по своему обогащению.

Целью работы является выявление особенностей противодействия взяточничеству в московском государстве. Работа выполнена на основе специальных методов познания, в том числе историко-правового, логического, формально-юридического.

В статье, с учётом научных источников рассматривается становление российской монархии через формирование общих сводов законов централизованного государства по принуждению должностных лиц к правовому поведению. Выявлены особенности этой исторической эпохи (чем ниже занимаемая должность, тем выше наказание) и схожесть с современным периодом (отсутствие минимального размера взятки).

Анализ видов взяточничества осуществлён совместно в связи с наличием во всех его четырёх составах идентичных признаков – одного объекта и предмета преступления. Получение, дача взятки, посредничество в таких действиях и мелкое взяточничество – деяния частные по отношению к более общему понятию «взяточничество».

Ключевые слова: взяточничество, посул, лихоимство, мздоимство, уставные грамоты, уложения, пения, торговая казнь, телесные наказания, позорящий характер наказаний

SPECIFIC FEATURES OF COUNTERING BRIBERY IN THE MOSCOW STATE

Danko V.A., Head of the Department of Economic Security and
Counteracting Corruption of the Ministry of Internal
Affairs for the Republic of Khakassia,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: modern Russian reality is such that bribery is not only widespread everywhere, but also poses a threat to national security, constituting the basis of corruption. It is bribery that contributes to destructive changes in the economy, politics, the social sphere, destroys moral principles, directly undermining the foundations of civil society by deforming the legal consciousness about the possibility of satisfying personal and collective interests through bribery of officials.

For the first time, a Russian legislator faced the problem of bribery in the Moscow state, during the period of its formation and development. The analysis carried out by the author indicates that even then, countering bribery presented great difficulties for state authorities. This circumstance was, of course, connected with the specifics of the period under consideration of the Russian statehood, caused by the initially permitted selfish interest of officials in illegal activities for their enrichment.

The aim of the work is to identify the features of countering bribery in the Moscow state. The work is carried out on the basis of special methods of cognition, including historical and legal, logical, formal and legal.

The article, taking into account scientific sources, examines the formation of the Russian monarchy through the formation of general codes of laws of a centralized state for forcing officials to legal behavior. The features of this

historical era (the lower the position held, the higher the punishment) and the similarity with the modern period (the absence of a minimum bribe) are revealed.

The analysis of the types of bribery was carried out jointly in connection with the presence in all of its four compositions of identical features – one object and subject of a crime. Receiving, giving a bribe, mediation in such actions and petty bribery are private actions in relation to the more general concept of “bribery”.

Keywords: bribery, promise, covetousness, bribery, statutes, codes, penalties, commercial execution, corporal punishment, defamatory nature of punishments

Коррупция ещё с давних времён является реальностью для любого организованного общества людей. Причём, её проявления испытывают на себе абсолютно все формы государственности. Не является исключением и Россия, где в каждом из её субъектов формируется определённая система мер борьбы с этим явлением.

Несмотря на то, что в Российской Федерации за последние годы совершаются способы и методы противодействия коррупции, по-прежнему остаются актуальными проблемы противодействия преступлениям этой направленности, к которым наиболее явно относится взяточничество.

Сложившаяся правоприменительная практика России свидетельствует о поражении взяточничеством практически всех ветвей управления государством. Взяточничество, как элемент коррупции, серьёзно затрудняет нормальное функционирование общественных механизмов, препятствует проведению социальных преобразований и модернизации экономики, вызывает в российском обществе тревогу и недоверие к государственной власти, создаёт негативный имидж страны на международной арене и правомерно рассматривается как одна из угроз её национальной безопасности [1].

В современной России взяточничество первоначально рассматривалось только в виде получения и дачи взятки – с 13 июня 1996 г. Посредничество в этом и мелкое взяточничество как преступления введены в Уголовный Кодекс далеко не сразу: с 4 мая 2011 г. и с 3 июля 2016 г., то есть, через 15 и 20 лет соответственно. Как понимается, это связано с тем, что складывающиеся в обществе отношения развиваются несопоставимо быстрее, чем нормотворчество.

Анализируя специальные исторические источники, можно сделать вывод, что в России взяточничество возникло при создании государственности и в последующем «закрепило» свои позиции на разных этапах его развития – московское государство (XV-XVII вв.), абсолютная и буржуазная монархия (XVIII в. – начало XX в.), советский (с 7 ноября 1917 г. по 26 декабря 1991 г.) и современный периоды. В русском языке взятка исторически обозначалась терминами «посул», «лихомство» и «мздоимство», которые по В.И. Даля практически тождественны [2, Т. 1, с. 197; Т. 3, с. 349; Т. 2, с. 257 и 324].

Представляет особый интерес период становления и развития московского государства, ведь именно в нём органы государственной власти впервые столкнулись со взяточничеством. Так, после разрешённого правителями феодального разделения, вотчинные права и злоупотребления стали оказывать значительное влияние на служебный долг, что соответственно нашло своё отражение в принуждении должностных лиц к правовому поведению через различные наказания. По мнению В.А. Рогова [3, с. 18], в рассматриваемом периоде взятка стала объединяющим элементом всей совокупности отклонений от нормальной деятельности властей.

Фактически же, зачатки взяточничества на Руси возникли задолго до образования московского государства и берут свой отчёт уже с появления в IX в. первых князей [2, Т. 2, с. 125] как мера определённого воздействия на их решения.

Также, ещё в XIV в. (1397-1398 гг.) ст. 6 Двинской уставной грамоты выделяет посул как взятку: «...А самосуд [2, Т. 4, с. 135] то: кто, изымав татя [2, Т. 4, с. 393] с поличным, да отпустит, а себе посул возмет...». Наказанием виновного являлась только сумма присуждённого ему штрафа в интересах потерпевшего, равная ущербу от действий вора [4, с. 180-181, 185].

Необходимо отметить, что при становлении московского государства в XV в. взяточничество нераздельно связано с бытовавшей тогда системой «кормления», когда местное население обязано было содержать своих чиновников весь период их службы [5, с. 218].

В связи с тем, что тогдашние должностные лица, особенно судьи, регулярно злоупотребляли узаконенным способом личного обогащения, набиравшее силу централизованное государство определило для чиновников фиксированные суммы оплаты от заинтересованных в установленном порядке судопроизводства лиц. Таким образом, получение любых материальных выгод («лишка») сверх используемой таксы и стало рассматриваться как вид взяточничества под названием «лихомство» [6, с. 173], по сути являясь вымогательством взятки.

Можно выделить следующие восемь нормативных правовых актов того времени, оказавших определённое влияние на противодействие взяточничеству:

- 1) Записи о душегубстве 1456-1462 гг. (далее – Записи о душегубстве);
- 2) Псковская судная грамота 1467 г. (далее – Псковская судная грамота);
- 3) Новгородская судная грамота 1471 г. (далее – Новгородская судная грамота);
- 4) Судебник 1497 г.;
- 5) Судебник 1550 г.;
- 6) Уставная земская грамота волостям Малой Пенежки, Выйской и Суры Двинского уезда от 25 февраля 1552 г. (далее – Уставная земская грамота);
- 7) Судная грамота 1561 г. (далее – Судная грамота);
- 8) Соборное уложение от 29 января 1649 г. (далее – Соборное уложение).

Так, в ст. 4 Записи о душегубстве отражены запрет взимания посулов, размер судебных пошлин и порядок их распределения «...а тиуну [2, Т. 4, с. 407] великого князя что посулят...» [4, с. 188, 190].

О недопущении получения посулов указано в ст. 4 Псковской («...А тайных посулов не имати ни князю, ни посаднику [2, Т. 3, с. 328]» [7, с. 95]) и ст. 26 Новгородской («А докладщиком [2, Т. 1, с. 457] от доклада посула не взять...» [8, с. 306, 317]) судебных грамот. Но, отсутствуют какие-либо сведения об устанавливающей за такие нарушения ответственности.

Судебник 1497 г. составлен при царствовании Великого князя Ивана III Васильевича (правление 1462-1505 гг., прозван Горбатым [9, с. 215]). Его ст. 1, 33, 38 и 67 также запрещают посулы. Наряду с Псковской с Новгородской судными грамотами, в нём не определяются виды и меры ответственности за взяточничество [10, с. 73, 85-87 и 98].

Судебник 1550 г. принят во время царя Ивана IV Васильевича (правление 1533-1584 гг., прозван Грозным [9, с. 231]). Им установлены следующие новеллы:

- 1) состав преступления против правосудия или умышленное неправосудие – ст. 3-5 запрещено вынесение незаконного судебного решения в результате получения взятки;
- 2) ст. 8-11, 33 и 42 введены денежные штрафы под названием «пеня»;
- 3) ст. 32 закреплено отрешение от должности.

Наказание за умышленное неправосудие, помимо возмещения истцу суммы иска и всех судебных пошлин в троекратном размере по ст. 3, влекло и другое, различающееся от ранга занимаемой должности – чем ниже судебный чин, тем выше наказание [6, с. 173; 4, с. 97, 131 и 132]. Так, по ст. 4 дьяку [2, Т. 1, с. 439], получившему взятку за подлог – уплата половины суммы иска и тюремное заключение. Причём, вторую половину такого иска оплачивал боярин [2, Т. 1, с. 121]. По ст. 5 подьячему [2, Т. 3, с. 219] торговая казнь, которая по тяжести последствий для жизни и здоровья следовала сразу после смертной казни [6, с. 193]. Важно и то, что избрание кнута в качестве предмета наказания при торговой казни обычно приводило к смерти [6, с. 194-195]. Хотя здесь, конечно же, всё зависело от количества присуждённых ударов и (или) состояния здоровья осуждённого.

«Пеня» [6, с. 200] взыскивалась с должностных лиц за лихоимство в тройном размере [4, с. 98, 99, 102, 104, 133, 141 и 142].

Отрешение от должности применялось только в отношении недельщика [2, Т. 2, с. 517], получившего взятку даже не для себя. Фактически такое увольнение с государственной службы являлось дополнительным наказанием помимо обязательства вернуть сумму взятки в тройном размере и торговой казни [4, с. 141].

А если недельщик за взятку отпускал лицо, заключённое под стражу, то по ст. 53 он, помимо возмещения истцу причинённого ущерба, подвергался в последующем торговой казни, а до определения конкретного количества ударов государем, предварительному тюремному заключению [11, с. 295, 296].

Ст. 28 Уставной земской грамоты закреплялась ответственность за получение взяток прообразам современных руководителей муниципальных образований – излюбленным головам. Наказание было, пожалуй, одним из самых суровых – смертная казнь и конфискация в пользу потерпевших. А чтобы избежать подобного, такие чиновники по ст. 26 обязывались следить за себе подобными, а их подчинённые (волостные люди) – за ними и друг за другом [4, с. 238; 12, с. 30].

Наказание по Судной грамоте было аналогичным. Но, только в отношении судей за умышленное неправосудие за взятку, причём конфискованное – сообщившим [6, с. 201].

Здесь необходимо отразить, что виды смертной казни того периода конкретно не определялись. Могли быть, по сути, совершенно разнообразными – повешение, отсечение головы, утопление, сожжение и др. [6, с. 191].

Соборное уложение принято царём Алексеем Михайловичем (правление 1645-1676 гг., прозван Тишайшим [9, с. 305]). Следует отметить, что данный свод законов оставался одним из основных источников права вплоть до первой половины XIX в. Проблеме взяточничества посвящены ст. 5-8, 12 и 16 десятой главы «О суде», самой большой из пятнадцати его глав. В части взяточничества, впервые стали рассматриваться посредничество (ст. 8), которое наказывалось почти максимальным видом наказаний, и её вымогательство (ст. 16). Тяжесть наказания, опять же, напрямую зависела от должностного положения с уменьшением последствий для высокопоставленных чиновников [13, с. 102-104].

Так, по ст. 5-7 за получение взятки боярин, окольничий [2, Т. 2, с. 665] и думный дьяк наказывались отнятием чести [5, с. 216]. А уже рядовой судья за такое же преступление приговаривался к торговой казни и отрешению от должности без права на восстановление.

За посредничество во взяточничестве (ст. 8) – битьё кнутом нещадно, денежный штраф в тройном размере от суммы взятки и тюремное заключение.

При умышленном неправосудии по ст. 12, дьяку присуждалась торговая казнь через битьё кнутом с отрешением от должности. Более низкому чину или подьячему палач отсекал одну из верхних конечностей.

За вымогательство взятки ст. 16 предусматривала для дьяка битьё батогами, а подьячему – кнут.

Одним из нововведений Соборного уложения было установление в ст. 10-11 седьмой главы «О службе всяких ратных людей Московского государства» запрета получения взятки при функционировании воинских формирований. Наказание самое неопределённое – «что государь укажет» [13, с. 94]. Но, как понимается, что вплоть до смертной казни.

Таким образом, можно выделить следующие особенности противодействия взяточничеству, используемые законами московского государства.

Во-первых, тяжесть наказания напрямую зависела от занимаемой должности и сословного положения в обществе по Судебнику 1550 г. и Соборному уложению. И варьировалась от крайне либерального для приближённых к царю сановников – бояр и окольничих (денежный штраф и отрешение от должности), до торговой казни, приравниваемой к смертной, для рядовых исполнителей – подьячих и недельщиков.

Во-вторых, явно прослеживалась неопределённость в наказаниях. Например, был регламентирован только вид уголовного наказания без уточнения его фактического содержания – вид смертной казни, количества ударов при торговой казни («нешадно») и срок тюремного заключения.

В-третьих, использовалось множественность наказаний. Наряду с материальным (кратные штрафы) и дисциплинарным (отрешение от должности) применялись телесные наказания вплоть до смертельного исхода (торговая казнь) по Судебнику 1550 г., но только в отношении низших должностных лиц (недельщиков). А Уставные земская и Судная грамоты вообще совмещали смертную казнь и конфискацию даже для руководителей территориальных образований (старост и земских старост). Наказание посредников во взяточничестве по Соборному уложению представляло собой совокупность телесного наказания (битьё кнутом нещадно), денежного штрафа в тройном размере от суммы взятки и тюремного заключения. Царю было предоставлено право менять наказание по своему усмотрению – «что государь укажет». Здесь особенно интересен период правления Ивана IV Васильевича, когда опричники были прообразом субъектов оперативно-розыскной деятельности, объединяя в себе функции нынешних Федеральной службы безопасности и Следственного комитета.

В-четвёртых, руководитель взяточника (боярин) по Судебнику 1550 г. нёс непосредственную материальную ответственность за дьяка – оплачивал половину суммы иска истцу за умышленное неправосудие, совершённое своим подчинённым.

В-пятых, применялся публичный позорящий характер телесных наказаний, направленный на усиление последствий их превентивного воздействия. Для этого они приводились в исполнение на торговых площадях при большом скоплении народа, сопровождались бесчестием чиновника. Так, виновному для большего позора привязывали к шее любой взятый им предмет взятки, даже пищу.

Общей особенностью рассмотренного периода с современным является то, что взяточничество наказывалось вне зависимости от размера предмета взятки.

По нашему мнению, размер взятки не принципиален, так как определяется либо самим получателем взятки, либо посредником, а само взяточничество (особенно её вымогательство) уже изначально нарушает принцип служения обществу должностным лицом за фиксированную заработную плату. И, безусловно, такое лицо, занимающее высокое положение в органах власти и управления, принесёт намного больше вреда своими действиями, чем чиновник, находящийся на низших ступенях органов исполнительной власти и (или) выполняющий рядовые контрольные функции.

Но тогда встает закономерный вопрос об установлении минимального размера предмета взятки, ведь он не отражён в законе по настоящее время.

Определённый интерес представляют применявшиеся Уставной земской и Судной грамотами конфискации (в том числе и в интересах, сообщивших), ведь для взяточников самое главное личное обогащение или получение материальных, иных преференций для близких родственников (лиц), в связи с чем иные основные и дополнительные виды наказаний не будут являться действенной мерой принуждения в правовом поведении.

В связи с расширением масштабов коррупции современный законодатель, вполне вероятно, усилит уголовную ответственность за взяточничество. В пользу такого прогноза говорит и тенденция изменений в действующий уголовный закон – она однозначно направлена на ужесточение санкций. Это подтверждает и рассмотренный 300-летний период московского государства, значительно ужесточивший наказания за такие преступления в течение своего становления и развития.

Подводя итоги, стоит отметить, что проблема борьбы со взяточничеством всегда была острой для российского общества. И всегда законодатель предусматривал ответственность за получение так называемой «мзду». Но, искоренить взяточничество полностью невозможно. Однако, минимизировать его, направив усилия государства на уменьшение латентности, создание условий по профилактике, представляется вполне реальным. Таким образом, предлагаем следующие профилактические меры, направленные на уменьшение терпимости общества к взяточничеству:

- 1) регулярная обязательная ротация чиновников, особенно руководящего состава уровня субъекта;
- 2) установление максимально возможной детализации алгоритма (регламента) действий чиновников;
- 3) обязательное придания гласности фактов взяточничества ещё на стадии возбуждения уголовного дела;
- 4) рассмотрение конфискации по всем видам взяточничества, как наиболее действенного способа превентивной меры противодействия.

Литература

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 № 683. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.07.2021).
2. Даль И.В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1978. Т. 1. 699 с. Т. 2. 779 с. Т. 3. 555 с. Т. 4. 683 с.
3. Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV-XVII вв. М.: Юристь, 1995. 288 с.
4. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. / Отв. ред. А.Д. Горский. М.: Юридическая литература, 1985. 520 с.
5. Васильев А.В. Законодательство и правовая система дореволюционной России: Учебное пособие для вузов / Под ред. С.А. Комарова. СПб.: Питер, 2004. 344 с.
6. Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. / Отв. ред. В.С. Нерсесянц. М.: Наука, 1986. 287 с.
7. Васильев С.В. Псковская судная грамота и I Литовскийstatut: Опыт сравнительного исследования терминологии законодательных памятников. М.: Квадрига, 2011. 128 с.
8. Законодательство древней Руси. / Отв. ред. В.Л. Янин. М.: Юридическая литература, 1984. 430 с.
9. Кулюгин А.И. Энциклопедия российских царей. М.: Изд-во Эксмо, 2002. 447 с.
10. Штамм С.И. Судебник 1497 года: учебное пособие по истории государства и права СССР. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1955. 112 с.
11. Зимин А.А., Поляк А.Г., Каштанов С.М., Копанев А.И. Памятники права периода укрепления русского централизованного государства XV-XVII вв. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. 633 с.
12. Петров Ю.И. Истоки преступлений по должности в России // История государства и права. 2015. № 15.
13. Акты земских соборов / Отв. ред. Маньков А.Г. М.: Юридическая литература, 1985. 511 с.

References

1. O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31 dekabrya 2015 № 683. URL: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 24.07.2021).
2. Dal' I.V. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. M.: Russkij yazyk, 1978. T. 1. 699 s. T. 2. 779 s. T. 3. 555 s. T. 4. 683 s.
3. Rogov V.A. Iстория уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV-XVII vv. M.: YUrist", 1995. 288 s.

4. Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo centralizovannogo gosudarstva. Otv. red. A.D. Gorskij. M.: YUridicheskaya literatura, 1985. 520 s.
5. Vasil'ev A.V. Zakonodatel'stvo i pravovaya sistema dorevolucionnoj Rossii: Uchebnoe posobie dlya vuzov. Pod red. S.A. Komarova. SPb.: Piter, 2004. 344 s.
6. Razvitie russkogo prava v XV – pervoj polovine XVII v. Otv. red. V.S. Nersesyan. M.: Nauka, 1986. 287 s.
7. Vasil'ev S.V. Pskovskaya sudnaya gramota i I Litovskij statut: Opyt sravnitel'nogo issledovaniya terminologii zakonodatel'nyh pamyatnikov. M.: Kvadriga, 2011. 128 s.
8. Zakonodatel'stvo drevnej Rusi. Otv. red. V.L. YAnin. M.: YUridicheskaya literatura, 1984. 430 s.
9. Kulyugin A.I. Enciklopediya rossijskih carej. M.: Izd-vo Eksmo, 2002. 447 s.
10. SHtamm S.I. Sudebnik 1497 goda: uchebnoe posobie po istorii gosudarstva i prava SSSR. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1955. 112 s.
11. Zimin A.A., Polyak A.G., Kashtanov S.M., Kopanov A.I. Pamyatniki prava perioda ukrepleniya russkogo centralizovannogo gosudarstva XV-XVII vv. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1956. 633 s.
12. Petrov YU.I. Istoki prestuplenij po dolzhnosti v Rossii. Iстoriya gosudarstva i prava. 2015. № 15.
13. Akty zemskih soborov / Otv. red. Man'kov A.G. M.: YUridicheskaya literatura, 1985. 511 s.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН

Медведева А.А., доктор юридических наук, доцент,
Зорина Е.А., кандидат юридических наук, доцент,
Прокофьева С.М., доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

Аннотация: в данной статье рассматривается институт освобождения от уголовной ответственности в уголовном праве Европейских стран. При подготовке статьи авторы ставили цель, которая заключается в изучении подходов Российского и Европейского уголовного права к институту уголовной ответственности и видам освобождения от уголовной ответственности. Были проанализированы уголовные кодексы 12 европейских государств, опубликованные на английском языке в части описания в них института освобождения от уголовной ответственности. В противоположность Уголовному кодексу Российской Федерации, где представлен четкий список общих вариантов освобождения от уголовной ответственности в Общей части кодекса и специальные виды освобождения в его Особенной части, уголовное законодательство европейских стран весьма вариативно на этот счет. Несмотря на унификацию и «гармонизацию», то есть приведение национальных правил в соответствие со стандартом, установленным законодательством Европейского Союза, уголовные кодексы европейских стран отличаются друг от друга. Исследование позволило авторам сделать несколько обобщающих выводов, подчеркивающих разницу в подходе российского и европейского законодателя к изучаемому уголовно-правовому институту, а также выделить наиболее распространенное в европейском уголовном праве основание для освобождения от уголовной ответственности. Указанные умозаключения могут способствовать дальнейшему продвижению в решении научной задачи исследования и совершенствования института освобождения от уголовной ответственности в Российской Федерации на основе изучения положительного зарубежного опыта.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, уголовное право зарубежных стран

EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY IN EUROPEAN CRIMINAL LAW

Medvedeva A.A., Doctor of Juridical Sciences
(Advanced Doctor), Associate Professor,
Zorina E.A., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Prokof'eva S.M., Doctor of Juridical Sciences
(Advanced Doctor), Professor,
Saint Petersburg University of State Fire
Service of EMERCOM of Russia

Abstract: this article deals with the institution of exemption from criminal liability in the criminal law of European countries. When preparing the article, the authors set the goal, which is to study the approaches of Russian and European criminal law to the institution of criminal responsibility and the types of exemption from criminal responsibility. The criminal codes of 12 European States, published in English concerning the exemption from criminal liability institution description, were analyzed. Contrary to the Criminal Code of the Russian Federation, which provides a clear list of general options for exemption from criminal liability in the General Part of the Code and special types of exemptions in its Special Part, the criminal legislation of European countries is very variable in this regard. Despite unification and "harmonization", that is bringing national rules into a line with the standard established by the European Union legislation, criminal codes of European countries differ from each other. The study allowed the authors to draw several generalizing conclusions emphasizing the difference in the Russian and European legislator approach to the criminal law institution being studied, as well as to highlight the most common type for exemption from criminal liability in European criminal law. These conclusions can contribute to further progress in solving the scientific task of research and improving the institution of exemption from criminal liability in the Russian Federation based on the study of positive foreign experience.

Keywords: exemption from criminal liability, criminal law of foreign countries

В 2017 году Центр стратегических разработок представил программный документ стратегии развития уголовной политики Российской Федерации до 2025 года. В данном документе неоднократно подчеркивается необходимость использования положительного европейского опыта стандартов уголовного судопроизводства в целях прогрессивного правового развития нашей страны [3].

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) определения уголовной ответственности нет. Множество существующих в отечественной юридической науке точек зрения сходятся в том, что уголовная ответственность возникает вследствие совершения преступления и представляет собой обязанность лица, совершившего преступление, лично претерпеть меры государственного принуждения, заключающиеся в лишении личного, имущественного, морального характера, которые выражают отрицательное отношение к совершенному преступлению со стороны государства и общества [7].

Однако формула «преступление – наказание» не всегда реализуется в уголовном праве. В определенных случаях, даже когда доказан факт совершения лицом преступления, доказана его вина, государство дальше не осуществляет уголовного преследования, а освобождает это лицо от уголовной ответственности, наказания и судимости. Современное уголовное законодательство России признает, что не всегда привлечение к уголовной ответственности и назначение наказания помогает исправлению. УК РФ 1996 года среди целей наказания не называет кару или возмездие. Ст. 43 гласит: «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений».

Тем не менее, сегодня Россия и Европа демонстрируют совершенно различные подходы к наказанию преступников. Россия на 8 месте в мире и на 1 в Европе по числу заключенных на 100 000 населения. При этом в нашей стране высокий рецидив преступлений. Эти два факта связаны между собой: более чем 55% заключенных находятся в зоне криминологического «невозврата» поскольку их срок лишения свободы превышает 5 лет, что практически исключает возможность реинтеграции в нормальную жизнь; еще 23% заключенных, отбывающих срок от 3 до 5 лет, рисуют оказаться в зоне невозврата [3].

Учеными доказано, что места лишения свободы культивируют рецидивную преступность.[8] Там зачастую разрушаются способности осужденного к социальной адаптации, и освободившемуся из мест лишения свободы часто ничего не остается, как совершить новое преступление и вернуться в привычную среду [4].

Понятия «освобождение от уголовной ответственности» в УК РФ так же не содержится. Его дает Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 27.06.2013 N 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», где говорится: « ...освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица)» [2].

В Уголовном кодексе Российской Федерации освобождению от уголовной ответственности посвящена глава 11, в которой предусмотрены следующие общие виды: Статья 75. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием; Статья 76. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим; Статья 76.1. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба; Статья 76.2. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа; Статья 78. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности.

УК РФ в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ содержит и целый ряд специальных видов освобождения от уголовной ответственности.

В отличие от УК Российской Федерации, содержащего четкий исчерпывающий список вариантов освобождения от уголовной ответственности, уголовное законодательство европейских стран достаточно разнообразно. Несмотря на «сближение законов» и «гармонизацию», то есть, приведение национальных правил в соответствие со стандартом, установленным законодательством Союза, уголовные кодексы европейских стран отличны друг от друга. При этом отметим, что гармонизация уголовного законодательства по вопросу уголовной ответственности и наказания происходит только в части регулирования минимальных и максимальных пределов наказания физических лиц, а также института уголовной ответственности юридических лиц [9]. В остальных аспектах уголовной ответственности каждая из стран-членов ЕС имеет право регулировать ее по-своему.

Авторами были изучены тексты уголовных кодексов 12 стран. Отметим, что в проанализированных законах, в основном, отсутствуют определения уголовной ответственности, освобождения от уголовной ответственности и наказания. Более того, в ряде европейских уголовных кодексов не разделяются понятия «освобождения от уголовной ответственности» и «освобождения от наказания». Предусматриваются вари-

анты освобождения от наказания или смягчения наказания в тех случаях, в которых в соответствии с УК РФ реализуется освобождение от уголовной ответственности.

В Уголовном кодексе Эстонии [14], в частности, такие факты как добровольное возмещение ущерба и примирение с потерпевшим, относятся к обстоятельствам, смягчающим наказание (Глава 4 Раздел 1 § 57 (1,9)). Так же § 60¹ «Активное раскаяние» гласит: «Суд может применить положения § 60 или освободить лицо от наказания, если совершенное деяние содержит необходимые элементы завершенного преступления, но лицо добровольно отказывается от дальнейшего совершения деяния или устраниет риск любым другим способом».

Как видно, в Уголовном кодексе Эстонии данной страны, не выделен институт освобождения от уголовной ответственности, а положительное посткриминальное поведение преступника позволяет лишь смягчить наказание или, в лучшем случае, освободить от него.

Подобные обстоятельства являются значимыми для освобождения от наказания и в соответствии с Уголовным кодексом Германии [19]. Раздел 46а рассматривает посредничество между жертвой и правонарушителем и возмещение ущерба, и гласит: «Если преступник:

1. в стремлении достичь примирения с жертвой (посредничество между жертвой и правонарушителем) возместил ущерб за совершенное деяние в полном объеме или в значительной степени или искренне стремился к возмещению ущерба или

2. в случае, когда возмещение причиненного вреда потребовало значительных личных усилий или личных жертв со стороны правонарушителя, потерпевшему была выплачена компенсация в полном объеме или в значительной степени, тогда суд может смягчить наказание в соответствии со статьей 49 (1) или, если приговор, который должен быть вынесен правонарушителю, не превышает тюремного заключения на срок не более одного года или штрафа, не превышающего 360-дневных ставок, то он может обойтись без назначения наказания».

Можно заметить, что проактивное поведение преступника, направленное на минимизацию общественно опасных последствий и раскаяние является характерной чертой для всех проанализированных в данной статье уголовных кодексов. Практика применения «активного» раскаяния или его отсутствия в качестве смягчающего или отягчающего обстоятельства при привлечении уголовной ответственности прослеживается исторически. В средневековой Европе, а в дальнейшем и в США, суды носили моральный и религиозный характер, когда приговоренные к смертной казни, должны были признаться в преступлении и покаяться, а религиозная проповедь, произнесенная во время публичной казни, должна была привить горожанам законопослушное поведение [21].

Разделом 24 Уголовного кодекса Германии также предусмотрен добровольный отказ от преступления на любой стадии как основание освобождения от наказания.

Указанный кодекс закрепляет ряд специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, связанных с определенной категорией лиц, совершивших деяние, либо совершивших определенные виды преступлений.

В частности, ст. 139 предусматривает освобождение от уголовной ответственности за отказ сообщить о преступлении священнослужителя, родственника (за исключением убийства, геноцида, похищения с целью шантажа, захвата заложников или нападения на воздушное или морское судно, терроризма), адвоката, врача, психотерапевта.

Виновный в совершении ряда экономических преступлений (мошенничество с субсидиями; мошенничество с капиталовложениями; получение кредита путем обмана) может быть освобожден от уголовной ответственности в случае, если «добровольно и искренне» приложит усилия для предотвращения продолжения преступления.

Подобным образом Уголовный кодекс Франции [10] (статья 132-78) предусматривает освобождение от уголовного преследования лица, которое пыталось совершить уголовное преступление или проступок, но отказалось от преступных намерений, и, проинформировав правоохранительные органы, помогло предотвратить преступление и установить других исполнителей или сообщников.

Например, в соответствии с вышеназванной статьей, а также со статьей 706-63-1 Уголовно-процессуального кодекса Франции [18], особая защита обеспечивается участникам преступлений террористической направленности, сотрудничающим с органами правосудия и помогающим им предотвращать террористические акты, устранить или смягчать причиненный ущерб или выявлять правонарушителей или сообщников. Защита обеспечивается также членам их семей. Данная норма схожа с примечанием к ст. 205 УК РФ: «Лицо, участвовавшее в подготовке террористического акта, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало

предотвращению осуществления террористического акта и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления».

В уголовном праве **Англии и Уэльса** уголовная ответственность и наказание являются тождественными понятиями.^[5] Совет по приговорам Англии и Уэльса не предусматривает обстоятельств, освобождающих от уголовной ответственности, но признает в качестве факторов, смягчающих уголовную ответственность и наказание, следующие: признание в совершении преступления, например, через сделку о признании вины; наличие психического заболевания или инвалидности; совершение преступления вследствие высокой степени провокации; молодой возраст; незначительная роль в преступлении; проявление искреннего раскаяния.

Совет по приговорам **Шотландии** [6] не указывает факторов, влекущих освобождение от уголовной ответственности, но рекомендует судьям в качестве смягчающих наказание учитывать – совершение преступления впервые; заключение сделки о признании вины (*guilty plea*) и помочь стороне обвинения (*prosecutor*). Совет по приговорам указывает, что, если, когда преступник признает себя виновным и заключает сделку со следствием, то нет необходимости в проведении судебного разбирательства. Это означает, что свидетелям не нужно давать показания, и время суда освобождается для других дел.

Также, если лицо, совершившее преступление, письменно соглашается помочь следствию, то судья может назначить менее суровое наказание.

Кроме того, на определение вида и степени наказания может повлиять так называемое «Заявление жертвы» (*victim statement*). В данном заявлении жертва преступления может письменно заявить в суде о физическом, моральном или финансовом ущербе, нанесенном преступлением. При этом освобождение от уголовной ответственности и наказания вследствие примирения сторон не предусмотрено.

Албания в ст. 4 Уголовного кодекса [13] заключает в себе классический правовой принцип – «незнание закона не освобождает от ответственности», за исключением случаев, когда «незнание не является объективно неизбежным».

Уголовной ответственности здесь посвящена Глава II, в которой по аналогии с Главами 4 и 5 УК РФ, определены общие условия уголовной ответственности: возраст уголовной ответственности, необходимость причинно-следственной связи между его действием и фактически наступившими последствиями, вина, невменяемость и т.п.

Тем не менее, понятие и условия освобождения от уголовной ответственности в данной главе не предусмотрены. В Главе VI – «Определение меры наказания» - содержится ст. 48 «Смягчающие обстоятельства», которые включают в себя следующие: «преступление совершено по мотивам положительных моральных и социальных ценностей; преступление совершено под влиянием психического расстройства, вызванного провокацией или несправедливыми действиями жертвы или какого-либо другого лица; преступление совершено под влиянием неправомерных действий или указаний вышестоящего начальника; лицо, совершившее преступление, проявляет глубокое раскаяние; лицо возместило ущерб, причиненный уголовным преступлением, или активно содействовало устраниению или уменьшению его последствий; лицо сдается компетентным органам после совершения уголовного преступления; отношения между лицом, совершившим уголовное преступление, и жертвой нормализовались. Статья 49 позволяет суду также учитывать другие обстоятельства для смягчения приговора.

В Уголовном кодексе **Финляндии** [15] институт уголовной ответственности описан наиболее обстоятельно. Ему посвящены две главы УК. Глава 3 «Общие предпосылки уголовной ответственности». В ней рассматривается принцип законности уголовной ответственности и наказания; действие уголовного закона во времени; наказуемость за бездействие; возраст уголовной ответственности; вменяемость, а также уголовная ответственность за преступное намерение и за совершение преступления по небрежности. Глава 4 раскрывает основания освобождения от уголовной ответственности, среди которых:

1. ошибка в определении состава преступления (ст. 1): «Если во время совершения деяния преступник не знал о существовании всех элементов, необходимых для предусмотренного законом определения состава преступления, или если он или она ошибается в отношении такого элемента, деяние не является преднамеренным». Тем не менее, возможна уголовная ответственность за преступление по неосторожности.

2. ошибка в силу «незаконности» закона (ст. 2): «Если лицо совершает преступление, считая свое деяние законным, он или она освобождается от уголовной ответственности, если ошибка оправдана в силу следующих факторов: (1) публикация закона с браком или с ошибкой, (2) особая «бестолковость» (*obtuseness*) содержания закона, (3) ошибочная рекомендация органа власти или (4) другая причина, сопоставимая с этими».

3. самооборона (ст. 4): «Действие, необходимое для защиты от продолжающегося или неминуемого незаконного нападения, является законным и считается самообороной.... Однако, если при защите были пре-

вышены пределы самообороны..., лицо освобождается от уголовной ответственности, если обстоятельства были таковы, что от него нельзя было обоснованно ожидать иного действия, принимая во внимание опасность и внезапный характер нападения, а также ситуацию, в которой это произошло».

4. необходимость (ст. 5): «Деяние, отличное от упомянутого выше в разделе 4, необходимое для предотвращения непосредственной и непреодолимой угрозы охраняемым законом интересам, допускается в качестве акта необходимости, если действие, оцениваемое в целом, оправданно, принимая во внимание характер и степень защищаемого интереса, ущерб, причиненный действием, источник опасности и другие обстоятельства. Если деяние, совершенное с целью спасения охраняемого законом интереса, не считается допустимым в соответствии с частью 1, лицо, тем не менее, освобождается от уголовной ответственности, если нельзя было обоснованно ожидать, что преступник действовал бы иначе, принимая во внимание важность защищаемых интересов, неожиданный и непреодолимый характер ситуации и другие обстоятельства».

5. освобождение от уголовной ответственности предусмотрено для лиц, применяющих мер принуждения при исполнении служебных обязанностей или обеспечении общественного порядка (ст. 6).

6. с положениями вышеупомянутых статей 4-6 связано еще одно основание для освобождения от уголовной ответственности – «ошибка в отношении основания для освобождения от ответственности (ст. 3)». Предусматривается освобождение от уголовной ответственности за умышленное преступление, если виновный полагал, что действует в соответствии с обстоятельствами, предусмотренными статьями 4-6 УК Финляндии. Тем не менее, возможна уголовная ответственность за преступление по неосторожности.

Данный перечень, в соответствии со ст. 7, может быть основанием как для освобождения от уголовной ответственности, так и для смягчения наказания.

Таким образом, институт освобождения от уголовной ответственности УК Финляндии предусмотрен, однако данный институт кардинально отличается от предусмотренного УК РФ и более походит на привычные нам обстоятельства, исключающие преступность деяния; обстоятельства, смягчающие наказание либо невиновное причинение вреда.

В Уголовном кодексе **Венгрии** [16] предусмотрены основания полного или частичного освобождения от уголовной ответственности, причем Глава IV носит название «Основания для полного или частичного освобождения от уголовной ответственности», а Глава V – «Основания для освобождения от уголовной ответственности». Итак, в главе IV предусмотрены следующие основания: недостижение возраста уголовной ответственности; невменяемость; принуждение и угроза; ошибка; самооборона; крайняя необходимость; действие, разрешенное законом. Очевидно, что в данной главе, несмотря на ее название, описаны обстоятельства, исключающие преступность деяния, а также исключающие основание уголовной ответственности по российскому законодательству.

В главе V предусмотрены обстоятельства, после которых прекращается уголовное преследование: смерть виновного; истечение срока давности; помилование; добровольное возмещение ущерба. Ряд из них имеет схожесть с российским уголовно-правовым институтом освобождения от уголовной ответственности в части истечения сроков давности и возмещения ущерба.

Подобные основания предусмотрены уголовными законами **Испании** [12] и **Польши**. Интересным моментом в УК **Польши** [17] является ст. 27, которая гласит, что уголовной ответственности не подлежит лицо, которое действует с целью проведения научного, медицинского, технического или экономического эксперимента, если ожидаемый результат имеет существенное научное, медицинское или хозяйственное значение, а целесообразность и способ проведения эксперимента обоснованы в свете современного уровня знаний. При этом эксперимент не допускается без согласия участника, надлежащим образом проинформированного об ожидаемом полезном результате и грозящих ему отрицательных последствиях, а также о вероятности их возникновения, равно как и о возможности отказа от участия в эксперименте на любом его этапе. Правила и условия проведения медицинского эксперимента определяются законом.

В Уголовном кодексе **Нидерландов** [11], в Части 3, содержатся как положения об освобождении от уголовной ответственности, так и о ее ужесточении. Статья 39 освобождает от уголовной ответственности по причине психического заболевания: статья 40 при совершении правонарушения под влиянием обстоятельств непреодолимой силы; статья 41 в случае необходимой обороны; статьи 42-43 – если преступление было совершено при выполнении законных требований либо при выполнении приказа компетентных органов власти. Данные положения УК Нидерландов в целом соответствуют обстоятельствами, исключающими преступность деяния в современном российском уголовном законодательстве.

Норвегия в Уголовном кодексе [20] предусматривает в качестве обстоятельств, которые могут привести к освобождению от уголовной ответственности и наказания (ст. 81) действия лица, предотвратившего вред, причиненный совершенным им преступлением, в качестве наказания за которое предусматривается штраф.

Также не подлежит уголовной ответственности лицо, действующее в условиях необходимой самообороны или крайней необходимости.

Статья 271 «Физическое насилие» предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности, если преступление было совершено в отместку за предшествующее физическое нападение или телесные повреждения. Данные условия обладают схожестью с обстоятельствами, исключающими преступность деяния в российском понимании уголовно-правовых отношений.

В статье 85 описаны условия прекращение уголовной ответственности в связи с истечением срока давности. Подобное обстоятельство указано как освобождающее от уголовной ответственности в УК РФ.

Итак, подводя итог вышесказанному, отметим следующее:

1. В изученных уголовных кодексах европейских стран отсутствуют определения уголовной ответственности и освобождения от уголовной ответственности.

2. В разделах, озаглавленных как «Освобождение от уголовной ответственности», содержатся также и условия освобождения от наказания или смягчения наказания, а также обстоятельства, исключающие преступность деяния. Основной идеей этих разделов является прекращение уголовного преследования в целом.

3. Наиболее распространенным основанием для освобождения от уголовной ответственности является искреннее осознание виновным общественной опасности своего деяния и активные действия по минимизации общественно опасных последствий. Данное условие имеет глубокие исторические корни (Эстония, Германия, Франция, Англия и Уэльс).

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. От 30.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда от 27.06.2013 N 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // СПС «КонсультантПлюс»
3. Уголовная политика: дорожная карта (2017-2025 гг.) // URL: <https://www.csr.ru/uploads/2017/04/Report-CP.pdf>. С. 18.
4. Карнозова Л.М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). URL: <https://iknigi.net/avtor-lyudmila-karnozova/203039-vvedenie-v-vosstanovitelnoe-pravosudie-mediaciya-v-otvet-na-prestuplenie-lyudmila-karnozova/read/page-3.html>
5. Официальный сайт Совета по приговорам Англии и Уэльса. URL: <https://www.sentencingcouncil.org.uk/explanatory-material/magistrates-court/item/aggravating-and-mitigating-factors/>
6. Официальный сайт Совета по приговорам Шотландии. URL: <https://www.scottishsentencingcouncil.org.uk/about-sentencing/sentencing-factors/>
7. Харабара И.В. Уголовная ответственность и ее основание. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-i-ee-osnovanie>
8. Черепашкин А.С., Абрамовская О.Р. Ресоциализация лиц, освобождённых из мест лишения свободы как профилактика рецидивной преступности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/resotsializatsiya-lits-ovbozhdyyonnyh-iz-mest-lisheniya-svobody-kak-profilaktika-retsidiivnoy-prestupnosti>
9. Csonka P., Landwehr O. 10 Years after Lisbon – How “Lisbonised” is the Substantive Criminal Law in the EU? // URL: <https://eucrim.eu/articles/10-years-after-lisbon-how-lisbonised-is-the-substantive-criminal-law-in-the-eu/#docx-to-html-fn1>
10. Criminal Code of the French Republic (as of 2005) [Электронный ресурс] // France_Criminal Code updated on 12-10-2005.pdf (legislationonline.org)
11. Criminal Code of the Kingdom of Netherlands (1881, amended 2012) // Netherlands_CC_am2012_en.pdf (legislationonline.org)
12. Criminal Code of the Kingdom of Spain (1995, as of 2013) // CRIMINAL CODE (legislationonline.org)
13. Criminal Code of the Republic of Albania (1995, amended 2017) // Albania_CC_1995_am2017_en.pdf (legislationonline.org)
14. Penal Code of the Republic of Estonia (2001, as of May 2021) // EST_CC_as of May 2021.pdf (legislationonline.org)
15. Criminal Code of the Republic of Finland (1889, amended 2015) // Finland_CC_1889_am2015_en.pdf (legislationonline.org)

16. Criminal Code of the Republic of Hungary (2012) // Hungary_Criminal_Code_of_2012_en.pdf (legislationline.org)
17. Criminal Code of the Republic Poland (1997) // polish_penal_code1.PDF (legislationline.org)
18. Criminal Procedure Code of the French Republic (as of 2006) // France_CPC_am2006_en.pdf (legislationline.org)
19. German Criminal Code. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.html
20. Norway Penal Code (2005, as of April 2021) // Norway_Penal Code.pdf (legislationline.org)
21. Zhong, Rocksheng, "So You're Sorry? The Role of Remorse In Criminal Law" (2013). Yale Medicine Thesis Digital Library. 1852. URL: <http://elischolar.library.yale.edu/ymtl/1852>

References

1. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (v red. Ot 30.12.2020). Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1996. № 25. St. 2954.
2. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda ot 27.06.2013 N 19 (red. ot 29.11.2016) «O primenenii sudami zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osnovaniya i poryadok osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti». SPS «Konsul'tantPlyus»
3. Ugolovnaya politika: dorozhnaya karta (2017-2025 gg.) // URL: <https://www.csr.ru/uploads/2017/04/Report-CP.pdf>. S. 18.
4. Karnozova L.M. Vvedenie v vosstanovitel'noe pravosudie (mediaciya v otvet na prestuplenie). URL: <https://iknigi.net/avtor-lyudmila-karnozova/203039-vvedenie-v-vosstanovitelnoe-pravosudie-mediaciya-v-otvet-na-prestuplenie-lyudmila-karnozova/read/page-3.html>
5. Oficial'nyj sajt Soveta po prigovoram Anglii i Uel'sa. URL: <https://www.sentencingcouncil.org.uk/explanatory-material/magistrates-court/item/aggravating-and-mitigating-factors/>
6. Oficial'nyj sajt Soveta po prigovoram SHotlandii. URL: <https://www.scottishsentencingcouncil.org.uk/about-sentencing/sentencing-factors/>
7. Harabara I.V. Ugolovnaya otvetstvennost' i ee osnovanie. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-i-ee-osnovanie>
8. Cherepashkin A.S., Abramovskaya O.R. Resocializaciya lic, osvobozhdyonnyh iz mest lisheniya svobody kak profilaktika recidivnoj prestupnosti. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/resotsializatsiya-lits-ovsobozhdyonnyh-iz-mest-lisheniya-svobody-kak-profilaktika-retsidiivnoj-prestupnosti>
9. Csonka P., Landwehr O. 10 Years after Lisbon – How “Lisbonised” is the Substantive Criminal Law in the EU? URL: <https://eucrim.eu/articles/10-years-after-lisbon-how-lisbonised-is-the-substantive-criminal-law-in-the-eu/#docx-to-html-fn1>
10. Criminal Code of the French Republic (as of 2005) [Elektronnyj resurs]. France_Criminal Code updated on 12-10-2005.pdf (legislationline.org)
11. Criminal Code of the Kingdom of Netherlands (1881, amended 2012). Netherlands_CC_am2012_en.pdf (legislationline.org)
12. Criminal Code of the Kingdom of Spain (1995, as of 2013). CRIMINAL CODE (legislationline.org)
13. Criminal Code of the Republic of Albania (1995, amended 2017). Albania_CC_1995_am2017_en.pdf (legislationline.org)
14. Penal Code of the Republic of Estonia (2001, as of May 2021). EST_CC_as of May 2021.pdf (legislationline.org)
15. Criminal Code of the Republic of Finland (1889, amended 2015). Finland_CC_1889_am2015_en.pdf (legislationline.org)
16. Criminal Code of the Republic of Hungary (2012). Hungary_Criminal_Code_of_2012_en.pdf (legislationline.org)
17. Criminal Code of the Republic Poland (1997). polish_penal_code1.PDF (legislationline.org)
18. Criminal Procedure Code of the French Republic (as of 2006). France_CPC_am2006_en.pdf (legislationline.org)
19. German Criminal Code. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.html
20. Norway Penal Code (2005, as of April 2021). Norway_Penal Code.pdf (legislationline.org)
21. Zhong, Rocksheng, "So You're Sorry? The Role of Remorse In Criminal Law" (2013). Yale Medicine Thesis Digital Library. 1852. URL: <http://elischolar.library.yale.edu/ymtl/1852>

ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО В МЕХАНИЗМЕ РЕЦЕПЦИИ ПРАВА

Ткаченко С.В., доцент,
Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

Аннотация: в современной российской юридической литературе в связи с господствующей идеологией позитивизма установилась тенденция рассмотрения законотворчества в механизме рецепции права как формального процесса принятия законов государством на основе заимствования иностранных правовых идей. Однако такой подход не позволяет объективно рассмотреть содержание этой процедуры с позиций совокупности ее формальных и не формальных составляющих. Он не учитывает степень вовлеченности широких слоев населения в законотворчестве, что делает не различимым этой процедуры в тоталитарных, авторитарных и демократических государствах. Игнорирование данных факторов приводит к ошибочным суждениям, преобладающим в российской юридической науке, и не позволяющим определить реальное содержание законотворчества в механизме рецепции права. На основании своего исследования, автор пришел к выводу, что законотворчество в механизме рецепции права представляет собой политico-правовой институт, являющийся совокупностью формальных и неформальных процедур принятия законодательных актов на основе зарубежного правового опыта.

Ключевые слова: право, механизм права, законотворчество, рецепция права, политico-правовой феномен, государство, правовая система, лоббизм, формальная процедура законотворчества, авторитаризм, демократия

LAWMAKING IN THE MECHANISM OF RECEPTION OF LAW

Tkachenko S.V., Associate Professor,
Vladivostok State University of Economics and Service

Abstract: in modern Russian legal literature, due to the prevailing ideology of positivism, there is a tendency to consider lawmaking in the mechanism of reception of law as a formal process of adopting laws by the state on the basis of borrowing foreign legal ideas. However, this approach does not allow us to objectively consider the content of this procedure from the standpoint of the totality of its formal and non-formal components. It does not take into account the degree of involvement of the general population in lawmaking, which makes this procedure indistinguishable in totalitarian, authoritarian and democratic states. Ignoring these factors leads to erroneous judgments that prevail in Russian legal science, and do not allow determining the real content of lawmaking in the mechanism of law reception. Based on his research, the author came to the conclusion that lawmaking in the mechanism of reception of law is a political and legal institution, which is a set of formal and informal procedures for the adoption of legislative acts based on foreign legal experience.

Keywords: law, mechanism of law, lawmaking, reception of law, political and legal phenomenon, state, legal system, lobbying, formal procedure of lawmaking, authoritarianism, democracy

Механизм рецепции права представляет собой систему взаимосвязанных формальных и неформальных процедур, способов реализации заимствованных правовых идей иностранного происхождения. Он реализуется с помощью законотворчества, функционирующего в рамках задаваемой государством правовой идеологии. В настоящее время эта правовая идеология основывается на позитивистском подходе, который непосредственно противоречит либеральному демократическому курсу российского государства, в котором только человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ). Позитивистский подход провозглашает только государство единственным создателем права и, соответственно, заранее легитимирует любое желание политической элиты, оформленное в виде законодательства. Такая направленность позитивистского подхода закономерно приводит к искусенному сужению исследованию права формально логическим изучением действующего законодательства с целью его совершенствования. Он делает излишним для юридической науки изучение целей и задач политической и экономической элит, соответствия их Конституции и основным международным принципам, соотношения их ожиданий от законотворческой деятельности и полученного результата в механизме рецепции права, а также социальную направленность этой деятельности. Иными словами, использование этого подхода в юридической науке не позволяет полноценно изучать разнообразные явления правовой действительности, в том числе и законотворческий механизм рецепции права. При этом необходимо учитывать, что такой подход является характерным, как правило, лишь для тоталитарных и авторитарных государств, создающий оправдывающий лю-

бые законодательные решения политической элиты идеологический инструмент. Он сводит всю юридическую науку в официальную плоскость, в которой она должна решать лишь задачи эффективности уже принятого законодательства. При этом отбрасываются из области изучения такие ключевые принципы механизма права как справедливость, гуманизм, равенство, естественность права и т.д., т.е. обязательные элементы правотворчества, реализующиеся в той или иной мере в любой правовой системе. В недавнем историческом прошлом такой подход создал правовые возможности и научные обоснования для массовых репрессий, включающих массовое уничтожение населения по сословным, социальным, расовым признакам и состоянию здоровья. Этот негативный потенциал все еще, к сожалению, является актуальным для современной России. Мало того, его преобладание над другими идеологическими подходами и в настоящее время рассматривается в качестве положительного фактора присутствующими в российской юридической науке советскими корифеями юриспруденции, не замечаящими никакого противоречия между содержанием авторитарного права СССР и демократического права современной Российской Федерации. Необходимость для правовой системы России данного подхода основывается на суждении, что именно на нем основывается современный теоретический фундамент правового регулирования, юридической практики, подготовки юридических кадров, укрепления законности и правопорядка [1]. Данное суждение нашло свой положительный отклик современного научного сообщества, так как якобы именно позитивистский подход является единственным ключом к пониманию права, имеющим прикладное значение [2]. Любое же отклонение от его использования вызывает резкую отрицательную реакцию, так как оно лишь «уводит от понимания специфической сущности исследуемого правового явления» [3].

Помимо несоответствия позитивистского подхода либеральным и демократическим основам российской правовой системы, он также приводит к ошибочным выводам в теории права. Так, основываясь на представлении о гипертрофированной роли государства в правообразовании, исследователи не видят никакой разницы между понятиями «правотворчество» и «законотворчество». В результате в российской литературе глобальное по своей значимости содержание правотворчества сводится лишь к формальной законотворческой процедуре. Многочисленные научные публикации рассматривают правотворчество в качестве процесса создания, совершенствования и следования правовым нормам, которое по своему характеру является основным видом государственной деятельности[4], демонстрирующее верховенство государства над обществом [5]. При этом полностью игнорируется конституционный принцип, определяющий российское общество в качестве исключительного носителя суверенитета и являющегося единственным источником власти (п. 1 ст. 3 Конституции 1993 г.). Кроме того, сведение правотворчества к законотворчеству оставляет за рамками изучения правовые явления, находящиеся вне государства, такие как создание правовых и этических норм религиозных, криминальных и других сообществ, населения в целом. Тем не менее, беспристрастное изучение этих явлений дает богатейший материал для юридической науки в плане зарождения и формирования права, включая механизмы рецепции и преемственности. Игнорирование же этих аспектов закономерно приводит не только к ложным суждениям, направлениям в области научного познания правовой действительности, но и создает условия для проведения ошибочной правовой политики российского государства. Ведь если содержание светского российского законодательства будет противоречить, скажем, мусульманскому мировоззрению, то здесь выбор у верующего населения будет весьма неравнозначным, так как выбирать придется между государством и Богом. Такое противопоставление светского и религиозного факторов наблюдается в настоящее время в Чеченской республике, где де-юре действует светское федеральное законодательство, а де-факто население руководствуется мусульманским правом.

Как уже отмечалось, позитивистский подход делает излишним любое всестороннее изучение законотворчества, сводя его лишь к формализованной части правотворчества [6]. Тем не менее, в любом законотворчестве его неформальная составляющая является главенствующей, определяющей как сам ход процесса, так и его конечный результат. Ведь человеческое поведение в огромной степени определяется неписанными кодексами, нормами, условностями [7], играя ключевую роль в эволюции организации общества [8]. В изучении любой модели законотворчества в механизме рецепции права необходимо учитывать желания политической элиты, других участников этого процесса. Они, в свою очередь, обусловлены определенным видением мира, умственным развитием, личными качествами, такими как разумность, справедливость, pragmatism, бескорыстие или откровенное стремление к обогащению, алчность, принципиальность либо отсутствие таковой, стремление к сохранению любыми путями своего статуса и т.д. Также в качестве неформальной ключевой составляющей законотворческого процесса в механизме рецепции права необходимо учитывать и роль института лоббизма, играющего важнейшую роль согласования государственных и частных интересов в этом процессе. Однако в российской юридической литературе сложилась тенденция принципиального отказа от его изучения, что обусловлено не только со сложнейшими проблемами получения достоверной информации от участников такого процесса, ее беспристрастного научного анализа и

научного обнародования. Как закономерное следствие такого изучения, выявляющего различные, зачастую неприглядные стороны закулисной деятельности политической элиты, ее окружения, других, заинтересованных в продвижении своих корыстных интересов на государственном уровне сторон, возникает реальная возможность наступления негативных последствий для научной карьеры, должностного положения, а также и для самой личности исследователя, членов его семьи. Вся эта совокупность факторов, опасений, заблуждений, идеализации законотворческого процесса в механизме рецепции российского права привела к созданию в гуманитарной науке уникального подхода, который с политической и правовой позиции полностью исключает какую-либо опасность для таких исследователей и никоим образом не привносит в научную область новых знаний. Так, он выражается в концентрации научного внимания лишь на теоретическом изучении феномена лоббизма в российском законотворчестве, который основывается на идеалистических представлениях о функционировании полностью открытого и контролируемого гражданским обществом законодательного процесса, в котором функционирует равноправное согласование потребностей государства в лице политической элиты и интересов всего гражданского общества, реализующееся с помощью профессиональных субъектов.

Таким образом, изучение формальных и неформальных составляющих законотворчества позволит создать новое направление, которое не только определит истинное содержание законотворческого процесса в современной России, но и создаст необходимые условия для запоздалого либерального переформатирования юридической науки, вооружив ее новыми знаниями. Однако современная юридическая наука, вооруженная позитивистским подходом, всячески сопротивляется такому переформатированию, утверждая, что любое изучение политico-правового и социального факторов законотворчества находится вне области изучения юридической науки. Это утверждение обосновывается тем, что такой подход к законотворчеству представляет его в качестве не столько политico-правового, сколько, прежде всего, социально-правового явления [9], которые являются объектом изучения исключительно политической науки [10]. В свою очередь, политологическая наука также настаивает, на том, что такое изучение политической составляющей законодательного процесса является ее исключительной прерогативой [11]. Тем не менее, как юридическая, так и политологическая наука не показала каких-либо существенных результатов полноценного понимания сущности этого политico-правового феномена. Этот факт объясняется не только тем, что практически во всех странах законотворческая «кухня» полностью закрыта от взглядов общественности, сколько полным игнорированием характера политической власти, который, тем не менее, прямо определяет характер законотворческого процесса. Ведь законотворчество тоталитарных и авторитарных государств кардинально по своему содержанию отличается от законотворчества демократических государств полным либо частичным отключением большинства населения от участия в нем. Таким образом, реальное содержание законотворчества может служить очередным важным индикатором определения характера государственной власти. Так, рецепция политico-правовых и экономических институтов в постсоветском демократическом российском государстве проходила исключительно авторитарными методами, характеризуясь полным игнорированием мнения большинства населения и за счет его стремительного обнищания. Показательным фактором такого не демократического законотворчества являлось не только введение в заблуждение российское население относительно целей и задач такой рецепции, но и зачастую незаконность самой законотворческой процедуры (например, в части приватизационных процессов). Не удивляет и достигнутый таким «келейным» законотворчеством результат, который привел к реставрации реакционной модели капитализма XIXв., который практически полностью лишил население социальных благ Советского периода. Тем не менее, даже авторитаризм государственной власти по отношению к собственному населению имеет свои различия. Так, в отличие от российской, сингапурская модель модернизации государства и права, основанная на рецепции политico-правовых и экономических западных институтов, привела к достижению экономической мощи государства, сопряженной с невероятным для нашей действительности ростом благосостояния населения. Здесь мы наблюдаем различные подходы политических и экономических элит к будущему своих государств, реализованные в рамках полностью закрытого от общественности законотворчества. Иными словами, в авторитарных государствах необходим анализ личности руководителя государства, особенностей его характера, мировоззрения, политического окружения, что дает возможность полноценного понимания целей и задач правовых реформ, основанных на рецепции.

Форма государства также находит свое непосредственное отражение в законотворчестве, ведь унитарное и федеративное государства управляются в соответствии со своей спецификой. В отличие от унитарного государства, в федеративном образовании федеральная политическая элита действует в тесном взаимодействии с региональными политическими элитами. Это приводит к тому, что законодательство субъектов федерации может существенно различаться между собой, как в США. Преобладающее же однообразие в законодательстве субъектов федерации свидетельствует о том, что вместо заявленного федеративного курса,

государство осуществляет откровенную авторитарную политику, в которой мнение элит этих субъектов фактически не играют существенной роли. В этой связи здесь практически полностью исключен институт рецепции иностранного права из механизма субъектов Федерации.

Еще одним важнейшим критерием, необходимым для учета характера законотворчества в области механизма рецепции права, является обладание государством полноценного суверенитета. При его наличии политическая элита действует в соответствии с установленным в государстве политическим режимом, т.е. либо единолично принимает решения в отношении необходимости заимствования иностранных правовых институтов, либо руководствуется собственной волей или демократическими инструментами нахождения необходимого компромисса между потребностями государства и общества. В противоположном случае, страны, не имеющие суверенитета, либо обладающие им в ограниченном порядке, руководствуются волей политической элиты того государства, в чьей зависимости находится. Именно таким образом была осуществлена рецепция политico-правовых и экономических институтов в послевоенной ФРГ и Японии.

Однако все эти факторы пока не находятся в сфере изучения российской юридической науки. Мало того, в своем подавляющем большинстве российские ученые восприняли закрепление в Конституции РФ 1993 г. идеи о демократическом и правовом содержании российского государства в качестве уже свершившегося факта российской действительности. Однако построение правового демократического государства требует огромных усилий как государства в лице политической элиты с ее реальным желанием такой модернизации, так и всего остального общества, длительного времени и существенных транзакционных издержек. Тем не менее, отринув российскую реальность, научный мир уже ощущает себя уже в этом далеком российском будущем, утверждая, что в создании отечественного права участвует все общество [12], и представляя законотворчество в виде особой демократической процедуры юридического оформления воли народа и политики государства [13]. В рамках этой тенденции искренне утверждается, что законотворческий процесс из закрытого, келейного процесса сразу же превратился в подконтрольный обществу процесс и стал доступным и прозрачным для народа [14].

Однако, несмотря на действительно демократическое содержание формального законотворческого механизма права, в том числе и в области рецепции, в реальной российской жизни нет ее полноценной реализации. Это объясняется устоявшимся характером политической власти, традиционно из века в век принимающей решения в этой области самостоятельно, принципиально игнорируя мнение «некомпетентной» общественности. В силу такого специфического характера законотворческого процесса, деятельность государства до сих пор основывается исключительно на принудительном характере исполнения принятых законов, вместо создания необходимых стимулов для формирования законопослушного поведения населения. Тем не менее, все значимые для общественной жизни реформы на основе рецепции зарубежного права, отказа от ранее реципиентных правовых идей, использования идей из российского исторического государственного прошлого происходят лишь из одного изолированного от влияния общественности центра в лице Администрации Президента и формулируются его главой. Сложившаяся ситуация, исключающая возможность реального учета мнений представителей большинства гражданского общества, в том числе и российской оппозиции, создает взрывоопасную ситуацию, которая чревата разного рода «цветными» и прочими революциями, непосредственно угрожающими безопасности государства.

На основании своего исследования, автор пришел к выводу, что законотворчество в механизме рецепции права представляет собой политico-правовой институт, состоящий из совокупности формальных и неформальных процедур принятия законодательных актов на основе зарубежного правового опыта.

Литература

1. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов: СГАП, 2001. С. 8.
2. Веденин В.С. Влияние правопонимания на становление и развитие институтов российского права (на примере патентного права): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С.7
3. Петрова Е.А. Механизм конституционного правотворчества в США как проявление конвергенции в праве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21. № 1. С. 30.; С. 28 – 52.
4. Григорьев С.Э. О проблеме эффективности правотворчества // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 12. С. 145.
5. Ярмонова Е.Н. Отличие нормотворчества от правотворчества // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 2. № 9. С. 117.
6. Ширяев Ю.Е. Федеральный законотворческий процесс: конституционно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид .наук. СПб, 2006. С. 4.

7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. С. 56.
8. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений: пер. с англ. К. Мартынова, Н.Эдельмана; Гос. ун-т Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. С. 82.
9. Борсова Ж.П. Понятие законотворчества в современном государстве // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 3. С. 7 – 9.
10. Кафарова Г.Ф. Определение понятия «законотворчество»: широкий и узкий подходы // Интерактивная наука. 2018. № 4 (26). С. 103.
11. Нисневич Ю.А., Платонов В.М., Слизовский Д.Е. Законодательная деятельность: Политико-правовой анализ. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 22.
12. См.: Ширяев Ю.Е. Федеральный законотворческий процесс: конституционно-правовой анализ: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. 2006. С. 19; Кафарова Г.Ф. Определение понятия «законотворчество»: широкий и узкий подходы // Интерактивная наука. 2018. № 4 (26). С. 102.
13. Сенякин И.Н. Политика и законотворчество // Правоведение. 1997. № 4. С. 162 – 163.
14. Ширяев Ю.Е. Федеральный законотворческий процесс: конституционно-правовой анализ: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. 2006. С. 4.

References

1. Bajtin M.I. Sushchnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov). Saratov: SGAP, 2001. S. 8.
2. Vedenin V.S. Vliyanie pravoponimaniya na stanovlenie i razvitiye institutov rossijskogo prava (na primere patentnogo prava): avtoref. dis. ...kand. yurid. nauk. Vladimir, 2007. S.7
3. Petrova E.A. Mekhanizm konstitucionnogo pravotvorchestva v SSHA kak proyavlenie konvergencii v prave. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: YUridicheskie nauki. 2017. T. 21. № 1. S. 30.; S. 28 – 52.
4. Grigor'ev S.E. O probleme effektivnosti pravotvorchestva. Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2016. № 12. S. 145.
5. YArmonova E.N. Otlichie normotvorchestva ot pravotvorchestva. Uspekhi sovremennoj nauki i obrazovaniya. 2016. T. 2. № 9. S. 117.
6. SHiryaev YU.E. Federal'nyj zakonotvorcheskij process: konstitucionno-pravovoij analiz: avtoref. dis. ... kand. yurid .nauk. SPb, 2006. S. 4.
7. Nort D. Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovaniye ekonomiki. M.: Nachala, 1997. S. 56.
8. Nort D. Ponimanie processa ekonomiceskikh izmenenij: per. s angl. K. Martynova, N. Edel'mana; Gos. un-t Vysshaya shkola ekonomiki. M.: Izd. dom Gos. un-ta Vysshej shkoly ekonomiki, 2010. S. 82.
9. Borsova ZH.P. Ponyatiye zakonotvorchestva v sovremennom gosudarstve. Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2008. № 3. S. 7 – 9.
10. Kafarova G.F. Opredelenie ponyatiya «zakonotvorchestvo»: shirokij i uzkij podhody. Interaktivnaya nauka. 2018. № 4 (26). S. 103.
11. Nisnevich YU.A., Platonov V.M., Slizovskij D.E. Zakonodatel'naya deyatel'nost': Politiko-pravovoij analiz. M.: Aspekt Press, 2007. S. 22.
12. Sm.: SHiryaev YU.E. Federal'nyj zakonotvorcheskij process: konstitucionno-pravovoij analiz: avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk. 2006. S. 19; Kafarova G.F. Opredelenie ponyatiya «zakonotvorchestvo»: shirokij i uzkij podhody. Interaktivnaya nauka. 2018. № 4 (26). S. 102.
13. Senyakin I.N. Politika i zakonotvorchestvo. Pravovedenie. 1997. № 4. S. 162 – 163.
14. SHiryaev YU.E. Federal'nyj zakonotvorcheskij process: konstitucionno-pravovoij analiz: avtoref. dis. ... dok. yurid. nauk. 2006. S. 4.

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И НАКАЗАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Шульга Д.И., аспирант,
Таганрогский институт управления и экономики

Аннотация: в современной России одной из наиболее острых проблем, имеющих место в сфере борьбы с преступностью, совершенствования уголовной политики государства является рост молодежной преступности, в том числе, и среди несовершеннолетних. Налицо не просто процесс расширения масштабов преступности молодежи, но и повышение степени ее общественной опасности, появление новых форм преступного поведения, резко обостряющих и без того непростую криминальную ситуацию в стране. Опыт многих стран показывает, что идти по пути ужесточения наказания таких преступников малоэффективно, и на уровень преступности это практически не влияет. Статья посвящена вопросам развития концептуальных положений, определяющих уголовную ответственность и наказание несовершеннолетних. Автор отмечает, что основой разработки и реализации уголовно-правовой политики в сфере преступности несовершеннолетних является определенная система принципов, которые пронизывают содержание всех ее направлений. В статье подробно рассматриваются данные принципы.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, уголовно-правовая политика, уголовная ответственность, наказание

DEVELOPMENT OF CONCEPTUAL PROVISIONS DETERMINING CRIMINAL LIABILITY AND PUNISHMENT OF MINORS

Shulga D.I., Postgraduate,
Taganrog Institute of Management and Economics

Abstract: in modern Russia, one of the most acute problems in the field of combating crime, improving the criminal policy of the state is the growth of youth crime, including among minors. There is not only a process of expanding the scale of youth crime, but also an increase in the degree of its social danger, the emergence of new forms of criminal behavior, sharply exacerbating the already difficult criminal situation in the country. The experience of many countries shows that it is ineffective to go along the path of toughening the punishment of such criminals, and this practically does not affect the level of crime. The article is devoted to the development of conceptual provisions defining criminal responsibility and punishment of minors. The author notes that the basis for the development and implementation of criminal law policy in the field of juvenile delinquency is a certain system of principles that permeate the content of all its directions. This article discusses these principles in detail.

Keywords: juvenile delinquency, criminal law policy, criminal responsibility, punishment

В современной действительности преступность несовершеннолетних представляет собой одну из самых актуальных проблем. Ее объем относительно общей структуры преступности постоянно растет, повышается и общественная опасность таких преступлений. Недостатки воспитания несовершеннолетних, а также неотлаженность механизма погружения их в социум являются следствием нарушения подростками уголовно-правовых норм. Серьезное влияние на уровень преступности несовершеннолетних в России оказывают не только социальные процессы негативного свойства, но и оцениваемое учеными как неудовлетворительное состояние самой системы предупреждения преступности среди несовершеннолетних.

На современном этапе развития, основой разработки, равно как и реализации уголовно-правовой политики в практической деятельности в сфере преступности лиц, не достигших возраста 18 лет, будет являться система принципов, применимая ко всем основным направлениям политики данного рода. Стоит отметить, что в этой системе принцип справедливости по праву будет занимать особое место. В связи с этим, нельзя не согласиться с тем, что «при привлечении к лиц, которые не достигли возраста 18 лет, принцип справедливости и справедливость в целом будут занимать особое место» [7, с. 79]. Представляется, что в рассуждениях относительно справедливости привлечения указанных лиц к уголовной ответственности будут пересекаться вопросы о том, что данная ответственность является неотвратимой и о том, что ответственность в данном случае является целесообразной. Представляется естественным, что только в том случае, если будет соблюден баланс между указанными требованиями, вполне можно говорить о том, что привлечение к уголовной ответственности будет законным и справедливым с правовой точки зрения.

В указанном аспекте стоит акцентировать внимание на том аспекте, что в юридической литературе уголовная ответственность рассматривается как полностью самостоятельный принцип уголовного права. Интересной в этом аспекте может показаться точка зрения В.Н. Кудрявцева, так как этот автор неоднократно акцентировал внимание на том, что «в случае, если в действии или, например, бездействии лица, наблюдаются признаки преступления, оно должно быть подвергнуто уголовному наказанию, либо другим мерам, которые прямо указаны в уголовном законодательстве РФ. Освобождение от ответственности и наказания также допустимо, но лишь в том случае, если имеют место основания освобождения, которые также предусмотрены законодательством» [5, с. 94].

В свою очередь, существуют и другие точки зрения, в соответствии с которыми содержание рассматриваемого принципа будет рассмотрено с совершенно иной точки зрения. Например, можно выделить такую точку зрения, согласно которой «каждое и совершено любое лицо будет нести ответственность за каждое преступление, которое было им совершено». Полагаем, что не согласиться с данной точкой зрения весьма затруднительно и в целом она отражает содержание такого принципа, как принцип справедливости. Кроме того, в науке уголовного права вполне справедливо акцентируется внимание на том, что «требования в сфере неотвратимости уголовной ответственности на современном этапе не в полной мере соответствуют уровню современных законодательных принципов» [4, с. 46].

Согласившись с тем, что принцип неотвратимости ответственности не будет иметь принципиального значения для всего уголовного права в целом, в принципе, его можно отождествлять с таким принципом, как принцип справедливости. Данный вывод был сформулирован в научной литературе достаточно давно, например, сторонником данной позиции был еще Г.З. Анашкин, который отметил, что «справедливость это нечто иное, как адекватный ответ государства на преступление, совершенное тем или другим лицом» [2, с. 44].

Полагаем, что ответственность, которая является сегодня гарантом законности, а также правопорядка и справедливости, а также способом для защиты интересов прав граждан, будет эффективной только тогда, когда она будет применяться к каждому лицу, абсолютно за каждое преступное деяние. Как следствие, рассматриваемый нами принцип «неотвратимости ответственности» означает, что каждое лицо, нарушившее закон, будет подлежать уголовной ответственности, а ее меры будут находиться в прямой зависимости от вредности, степени общественной опасности деяния и иных факторов, в том числе, индивидуального характера.

В результате изучения норм уголовного законодательства можно увидеть, что в соответствующих уголовно-правовых нормах данный принципенного закрепления не получил. Однако кое-какие упоминания о нем все-таки есть, в частности, в ч. 1 ст. 21 УПК РФ, так как согласно данному пункту следователи, дознаватели, прокуроры обязаны осуществлять уголовное преследование. Также в данном пункте говорится о том, что в каждом из случаев, когда можно наблюдать наличие признаков преступления, дознаватель, следователь и прокурор обязаны принимать меры, которые направлены на установление события преступления и на выявление тех лиц, которые причастны к совершению указанного преступления в объективной действительности. В данном случае речь идет только о тех мерах, которые предусмотрены действующим законодательством [1].

В свою очередь, рассматривая законодательные положения с точки зрения их целесообразности, отметим, что в данном аспекте необходимо учитывать критерии, которым должны отвечать решения определенных вопросов, которые данными положениями предусмотрены, а также альтернативные решения, представляющие собой особый институт в сфере права. Представляется, что целесообразность не должна подменять законность, так как данные категории обладают рядом различий. Во-вторых, целесообразность требует фактической обоснованности, например, с криминологической точки зрения. В-третьих, альтернативные уголовно-правовые предписания должны соответствовать задачам уголовного права и подчиняться таковым. В-четвертых, все альтернативы, которые существуют на современном этапе развития законодательства сегодня, должны быть отражены в уголовном законодательстве.

На этом фоне объективной необходимостью является рассмотрение вопроса относительно целесообразности привлечения к ответственности тех лиц, которые не достигли возраста 18 лет на момент совершения ими преступления. Стоит отметить, что в рамках данного вопроса существует две проблемы, которые тесно взаимосвязаны между собой: проблема привлечения к ответственности лиц, которые не достигли возраста 18 лет и проблема целесообразности формы практической реализации ответственности указанных лиц.

Стоит отметить, что на современном этапе развития в уголовно-процессуальном законодательстве РФ не содержится исключений из общего правила в сфере привлечения к ответственности лиц, которые не достигли установленного для совершеннолетия возраста. Одновременно с этим, в отношении лица, которое не достигло совершеннолетия, но в то же время совершило преступление, в обязательном порядке возбуж-

дается уголовное дело. Его прекращение, также как и прекращение уголовного преследования является допустимым только в той ситуации, когда на стадии предварительного расследования или суда будет выявлено, что несовершеннолетний преступник вполне сможет исправиться без применения в его отношении уголовного наказания. Одновременно с этим, эта позиция не в полной мере соответствует принципу целесообразности привлечения к ответственности лиц, являющихся несовершеннолетними. Как следствие, вопрос об исправлении несовершеннолетнего лица без применения к нему фактического уголовного наказания, наиболее полно должен быть решен на стадии возбуждения уголовного дела, не на стадии судебного разбирательства.

Представляется, что именно по данной причине в тех странах, где сегодня успешно функционирует система ювенальной юстиции, особое значение имеет сбор всей информации о личности подростка, который совершил преступление, а занимаются этой деятельностью специальные службы. В качестве примера такой службы на территории ФРГ выступает служба *Jugendgerichtshilfe*. Так, в данной службе не только собирают всю информацию, но и общаются с преступником-подростком, равно как и его родителями и окружением, собирают всю необходимую документацию. Для судей данное учреждение готовит необходимую информацию в виде отчета и рассматривается ими в рамках рассмотрения дела. Также особое внимание уделяется отношению подростка к преступлению, которое было им совершено и анализу данного отношения. *Jugendgerichtshilfe* также активно занимается тем, что оказывает подростку необходимую социальную и психологическую помощь, после чего дает рекомендации для суда относительно необходимости применения мер воздействия в том или ином случае [8, с. 150].

Известно, что на территории нашей страны службы подобного рода не созданы. Одновременно с этим, в системе органов, осуществляющих борьбу с преступностью, функционирует такой орган, как комиссия по делам несовершеннолетних. Однако выполнение указанными органами тех задач, которые сегодня на них возложены, весьма затруднено на фоне недостаточного организационного, нормативного, кадрового и материально-технического обеспечения. Представляется, что в случае, если функционирование данных органов будет обеспечено надлежащим образом, то они смогут не только качественно, но и достаточно оперативно осуществлять сбор необходимой информации о личности подростков, которые совершили преступное деяние [3, с. 50].

Несмотря на широкую совокупность полномочий, которые возложены на данный орган сегодня, объективной необходимостью видится дополнение данного перечня обязанностью давать согласие правоохранителям на возбуждение уголовного дела. Вернувшись в этом аспекте к принципу неотвратимости уголовной ответственности, стоит отметить, что отказ от уголовного преследования в отношении лиц, которые не достигли возраста 18 лет, означает не только признание, но и поощрение их противоправного поведения, поэтому полный отказ в этом случае должен быть исключен.

В завершении исследования стоит выразить согласие с позицией Н.С. Малеина, который вполне справедливо отмечал, что «неотвратимость уголовной ответственности заключается в том, что каждое преступление должно быть раскрыто и замечено. В частности, каждое из них должно получить определенную публичную огласку и подвергнуться осуждению. В связи с этим, принцип неотвратимости стоит рассматривать в качестве подвида моральной ответственности» [6, с. 55].

Можно заключить, что к подростку могут и не применяться меры наказания в рамках уголовного преследования, но обязательно должны применяться меры общественного воздействия. Как следствие, даже если нецелесообразно применение уголовного наказания, целесообразны меры общественного воздействия.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921. [Электронный ресурс]. Официальный интернет-портал правовой информации «Государственная система правовой информации» <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.08.2021)
2. Анашкин Г.З. Гуманизм советского уголовного права // Советское государство и право. 1963. № 8. С. 42 – 48.
3. Вирясова Н.В., Сасина К.В. Комиссия по делам несовершеннолетних – главный рычаг в борьбе с преступностью несовершеннолетних // Научно-методический журнал концепт. 2016. Т. 41. С. 49 – 54.
4. Гета М.Р. Уголовное право: пределы, объекты и средства воздействия в борьбе с преступностью в современной России: Монография. М.: Юр. Норма, 2017. 336 с.
5. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2017. 800 с.

6. Малеин Н.С. Неотвратимость и индивидуализация ответственности // Советское государство и право. 1982. № 11. С. 50 – 58.

7. Данелян Р.С. и др. Преступность несовершеннолетних: учебное пособие для вузов / под ред. А.В. Ростокинского. 2-е изд. Москва: Изд-во Юрайт, 2021. 220 с.

8. Шушпанова Е.В. Государственная политика России в сфере противодействии преступности несовершеннолетних на рубеже XIX-XX вв. // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений. Сборник материалов. 2018. С. 150 – 151.

References

1. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 №174-FZ (red. ot 01.07.2021). Sobranie zakonodatel'stva RF. 24.12.2001. № 52 (ch. I). St. 4921. [Elektronnyj re-surs]. Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii «Gosudarstvennaya sistema pravovoj in-formacii» <http://pravo.gov.ru/> (data obrashcheniya: 25.08.2021)
2. Anashkin G.Z. Gumanizm sovetskogo ugolovnogo prava. Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1963. № 8. S. 42 – 48.
3. Viryasova N.V., Sasina K.V. Komissiya po delam nesovershennoletnih – glavnyj rychag v bor'be s prestupnost'yu nesovershennoletnih. Nauchno-metodicheskij zhurnal koncept. 2016. T. 41. S. 49 – 54.
4. Geta M.R. Ugolovnoe pravo: predely, ob"ekty i sredstva vozdejstviya v bor'be s prestupnost'yu v sovremennoj Rossii: Monografiya. M.: YUr. Norma, 2017. 336 s.
5. Kudryavcev V.N., Eminov V.E. Kriminologiya: uchebnik. 5-e izd., pererab. i dop. M.: YUr.Norma, NIC INFRA-M, 2017. 800 s.
6. Malein N.S. Neotvratimost' i individualizaciya otvetstvennosti. Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1982. № 11. S. 50 – 58.
7. Danelyan R.S. i dr. Prestupnost' nesovershennoletnih: uchebnoe posobie dlya vuzov. pod red. A.V. Rostokinskogo. 2-e izd. Moskva: Izd-vo YUrajt, 2021. 220 s.
8. SHushpanova E.V. Gosudarstvennaya politika Rossii v sfere protivodejstvii prestupnosti nesovershennoletnih na rubezhe XIX-XX vv. Prestupnost' v SNG: problemy preduprezhdeniya i raskrytiya prestuplenij. Sbornik materialov. 2018. S. 150 – 151

ПРОБЛЕМЫ СОСТЯЗАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Гатауллин З.Ш., кандидат юридических наук, доцент,
Елабужский институт (филиал) Казанского
(Приволжского) федерального университета

Аннотация: данная статья посвящена исследованию некоторых проблемных аспектов реализации одного из основополагающих конституционных принципов судопроизводства состязательности сторон в уголовном преследовании по делам о преступлениях террористической направленности.

Рассматриваются исторические аспекты формирования состязательности отечественного дореволюционного уголовного процесса. Анализируются мнения дореволюционных процессуалистов относительно введения в царской России состязательности сторон на основе правовых положения Судебной реформы 1864 г. Отмечается, в результате проведения судебной реформы урегулированы принципы независимости судей, состязательности сторон, право за защиту, суд присяжных и иные демократические начала уголовного судопроизводства.

Провозглашённый демократической Конституцией 1993 г. принцип состязательности сторон в судопроизводстве, в том, числе в уголовном, со стороны законодателя поддержано не было, принять уголовно-процессуальный закон и прописать состязательность сторон в досудебном производстве в полном объеме парламент не осмелился, рассматриваемый принцип получился в усеченном виде.

Автором данной статьи на основе изучения статистических данных полученных из официальных источников проделана попытка обоснования негативной статистики по соблюдению закона в досудебном производстве. По мнению автора данной статьи, одной из причин большого количества нарушений закона допущенных следственными органами выявленных органами прокуратуры является усеченная состязательность сторон в досудебном производстве.

Ключевые слова: преступление, состязательность, уголовное преследование, уголовное дело, террористический акт, суд

PROBLEMS OF THE ADVERSARIAL PROCESS IN CASES OF TERRORIST CRIMES

Gataullin Z.Sh., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Yelabuga Institute (branch) Kazan (Volga region) Federal University

Abstract: this article is devoted to the study of some problematic aspects of the implementation of one of the fundamental constitutional principles of criminal proceedings, the adversarial nature of the parties in criminal prosecution in cases of terrorist crimes.

The historical aspects of the formation of the competitiveness of the domestic pre-revolutionary criminal process are considered. The author analyzes the opinions of pre-revolutionary processualists regarding the introduction of adversarial parties in tsarist Russia on the basis of the legal provisions of the Judicial Reform of 1864. It is noted that as a result of the judicial reform, the principles of independence of judges, adversarial parties, the right to defense, jury trial and other democratic principles of criminal proceedings were regulated.

The principle of adversarial nature of the parties in legal proceedings, including in criminal proceedings, proclaimed by the democratic Constitution of 1993, was not supported by the legislator, the criminal procedure law of adversarial nature in full in pre-trial proceedings was adopted by the Parliament in a truncated form.

The author of this article, based on the study of statistical data obtained from official sources, has made an attempt to substantiate negative statistics on compliance with the law in pre-trial proceedings. The opinion is expressed that one of the reasons for the large number of violations of the law committed by the investigative bodies identified by the prosecutor's office is the truncated adversarial nature of the parties in pre-trial proceedings.

Keywords: crime, competition, criminal prosecution, criminal case, terrorist act, court

В условиях продолжающимся росте преступлений террористической направленности (с 2227 в 2016 г. до 2342 в 2020 г.) и снижении их раскрываемости (с 45% в 2017 г. до 39% в 2020 г.) [4] проведение глубоких научных исследований проблемных аспектов уголовного преследования при соблюдении принципа состязательности по делам о преступлениях террористической направленности имеет не только теоретическое, но и практическое значение [2, с. 340-343].

За последнее время в отечественное уголовно-процессуальное законодательство внесены существенные изменения. В связи с этим возникла необходимость научного осмысления позиции законодателя по некоторым

рым его решениям. Например, о запрете рассмотрения уголовных дел о преступлениях террористической направленности судом с участием присяжных заседателей [6]. Лицо, совершившее убийство, вправе претендовать на рассмотрение его дела судом присяжных (п. 2.1, ч. 2 ст. 30 УПК РФ), обвиняемый в совершении преступления террористической направленности лишен такого права, его дело, гражданского лица, по решению законодателя, подлежит рассмотрению военным судом, предназначение которого законом определено, рассмотрение дел в отношении военнослужащих и лиц, призванных на военные сборы [7].

В качестве примера приведем одно из судебных решений, так, обвиняемому «Н» гражданскому лицу, не военнослужащему, инкриминировалось преступление по ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ, в 2018 г. перечислил 1010 рублей в пользу террористической организации «Исламское государство», в 2020 г. осужден на срок 9 лет лишения свободы [3].

В соответствии с конституционным положением (ч. 3 ст. 123) и уголовно-процессуальным законодательством предписано обязательность осуществления уголовного судопроизводства, в том числе и по делам о преступлениях террористической направленности, на основе состязательности стороны обвинения и защиты, суду предписано создавать условия для состязательности при сохранении нейтралитета (ст. 15).

Впервые, принцип состязательности сторон в дореволюционном российском уголовном процессе нашло применение в период проведения Судебной реформы в 1864 г. В результате реформы планировалось значительное упрощение полномочий, лиц осуществляющих уголовное преследование, минимизация судебных инстанций, отделение обвинительной власти от судебной, приданье суду самостоятельного статуса.

Авторы Судебной реформой 1864 г. ввели неизвестный до сего времени Российской Империи, институт защиты, понимая участие стороны защиты, является залогом состязательного процесса.

По справедливому мнению С.И. Викторского, самостоятельность в созиании доказательств, независимость суда при принятии итогового решения по делу позволили суду установить истину [1, с. 71-72]. Тем самым появились возможности, закрепления в праве таких основополагающих принципов уголовного процесса, как осуществление правосудия только судом, состязательность сторон и независимость судей.

Однако провозглашенный принцип состязательности оказался усеченым, адвокаты были лишены процессуальных прав для участия в предварительном следствии, что сводило на нет, состязательности досудебного процесса. Защитник имел права знакомиться с материалами уголовного дела, только после завершения предварительного следствия и утверждения обвинительного акта, то есть, непосредственно только перед началом судебного разбирательства.

В дальнейшем начались процессы ограничения и иных первоначально заложенных демократических принципов уголовного процесса таких, как независимость суда, права на суд присяжных и права на защиту.

Свержением царского режима и установлением советской власти демократические принципы Судебной реформы 1864 г. были упразднены полностью.

По справедливому замечанию В.М. Савицкого в советский период суд всегда был зависим от партийных органов [5, с. 5]. Об установлении, каких либо элементов состязательности речи быть не могло. В судебном разбирательстве участие стороны защиты не предусматривалось. Даже после появления института советских адвокатов, их процессуальные полномочия носили формальный характер, более того, их защитительные речи в суде больше были похожи на обвинительные речи.

Попытки установления принципа состязательности процесса были предприняты в 90-е годы, в период подготовки и принятия Конституции РФ 1993 г., признание Россией норм международного права, принятие к исполнению международных договоров не могли не повлиять на установление конституционно правовых норм о состязательности судопроизводства, в том числе, уголовного.

Однако конституционно правовое положение о состязательности судопроизводства (ч. 3 ст. 123) в уголовно-процессуальном законе отражено усеченном виде. Регламентация принципа состязательности в судебном разбирательстве вопросов не вызывает. Сторона обвинения и защиты на всем протяжении судебного разбирательства пользуются процессуальными полномочиями по представлению и обоснованию доказательств. На равных принимают участие в прениях, выступают обвинительными и защитительными речами. В контрольно-проверочных инстанциях состязательность сторон также соблюдается в полном объеме.

Проблемы состязательности сторон возникают в досудебном производстве. Бессспорно, по форме изложения положения уголовно-процессуального закона (ст. 15) регламентирующие состязательности сторон соответствуют конституционно-правовой норме о состязательности (ч. 3 ст. 123), однако содержание состязательности нуждается в совершенствовании.

Безусловно, в уголовно-процессуальном законе имеются положения, указывающие на обязательное участие защитника в производстве отдельных следственных действий:

- с участием несовершеннолетнего;
- с участием лица страдающего психическими расстройствами;

- подозреваемый (обвиняемый) не владеет языком судопроизводства и в иных случаях предусмотренных УПК РФ.

Тем не менее, из анализа положений ст. 15 УПК РФ вытекает, в производстве следственных действий не указанных в этой статьи, участие защитника не обязательно, то есть, защитник не может претендовать на участие во всех следственных действиях, это означает, без его участия, соблюдение принципа состязательности в подобных случаях не представляется возможным.

Более того, не обязательность участия защитника в следственных действиях, вправе участвовать только в отдельных случаях, означает, что положения ч. 1 ст. 15 УПК РФ об осуществлении состязательного уголовного судопроизводства не соответствуют Конституции РФ (ч. 3 ст. 123). Следовательно, рассматриваемая норма УПК РФ должна быть признана не имеющей юридической силы, поскольку по принципу верховенства права законы не могут противоречить Конституции РФ (ч. 1 ст. 15).

Соблюдение конституционного принципа состязательности сторон необходимо не только для установления истины, его значение весомо, прежде всего, для достижения законности.

Так, прокурорские работники в 2020 г. выявили 5 086 896 нарушений закона со стороны сотрудников следственных органов во время ведения следственных действий.

Безусловно, причины нарушений закона могут быть разными, возможно значительная часть составляют нарушения процессуального характера, тем не менее, нельзя исключать случаи получения показаний с применением обмана, угроз, пыток и иных незаконных мер. Обязательное участие защитника в производстве во всех следственных действиях привело бы к соблюдению конституционного принципа состязательности сторон на всем протяжении уголовного судопроизводства, в том числе, исключению применения физического и психологического воздействия в отношении подследственного, минимизации нарушений закона.

По действующему уголовно-процессуальному закону ведение следственных действий в ночное время запрещается, однако в отдельных случаях, например, когда сроки поджимают, разрешается (ч. 3 ст. 164). В подобных случаях, ни о каком участии защитника речи быть не может, состязательность сторон исключается, следовательно, для оказания незаконных мер воздействия в отношении подследственного ничего не препятствует.

Такой возможностью воспользовались в 2012 г. в ОВД «Дальний» г. Казани, после ночного допроса с пристрастием, с целью получения нужных показаний, сотрудники полиции изнасиловали подозреваемого Назарова бутылкой шампанского, тем самым разорвали прямую кишку, повредили внутренние органы, не выдержав пыток Назаров, скончался в больнице, успев сообщить об этом медикам [8].

Россия, провозгласила себя правовым государством (ч. 1 ст. 1), установила равенство всех перед законом (ч. ст. 19), поэтому не может позволить себе дальнейшее использование практики производства следственных действий, наработанные в стенах НКВД, давно назрела необходимость урегулирования принципа состязательности в уголовно-процессуальном законодательстве на всем протяжении уголовного судопроизводства в соответствии с конституционными нормами.

Практикующие работники правоохранительных органов проявили солидарность с нами, из интервьюированных 61,49% прокуроров, 74,36% следователей, 82,91% судей высказались в поддержку участия защитника в производстве следственных действий.

Следовательно, сотрудники, принимающие непосредственное участие в уголовном судопроизводстве хорошо понимают, принцип состязательности необходим, прежде всего, для соблюдения прав и свобод участников процесса, исключения нарушения закона. Не случайно ими при интервьюировании дополнительно были высказаны предложения о необходимости осуществления производства следственных действий:

- с участием медицинского работника (с целью освидетельствования допрошенного лица на предмет обнаружения следов физического воздействия);

- с применением аудио-видео записи.

Проведенные исследования позволяют нам делать следующие выводы:

1. В дореволюционной России предпринимались попытки внедрения в уголовный процесс принципа состязательности, однако это не отвечало интересам существующего государственно-политического режима.

2. Многочисленные нарушения закона, выявленные прокурорскими работниками, допускаемые следственными органами связаны с необязательностью применения следователями принципа состязательности в производстве во всех следственных действиях.

3. Теоретики и практики, включая и автора данной статьи, едини во мнении, альтернативы установления законодателем принципа состязательности на всем протяжении уголовного судопроизводства, прежде всего, в производстве всех досудебных следственных действий, не существует.

Литература

1. Викторский С.И. Русский уголовный процесс: учеб. пособие. М.: Юрид. бюро «ГОРОДЕЦ», 1997. 448 с.
2. Гатаулин З.Ш. Вопросы правового регулирования уголовного преследования преступлений террористической направленности // Современный ученый. 2020. № 6. С. 340 – 343.
3. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 25 мая 2021 г. N 225-УД21-4-А6. <http://www.consultant.ru>
4. Официальный сайт МВД России. <http://www.mvd.ru>
5. Савицкий В.М. Презумпция невиновности. М.: Норма, 1997. 126 с.
6. Федеральный закон от 30.12.2008 N 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму». <http://www.consultant.ru>
7. Федеральный конституционный закон от 23.06.1999 N 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации»// <http://www.consultant.ru>
8. <https://www.interfax.ru/>

References

1. Viktororskij S.I. Russkij ugolovnyj process: ucheb. posobie. M.: Jurid. bjuro «GORODEC», 1997. 448 s.
2. Gataullin Z.Sh. Voprosy pravovogo regulirovaniija ugolovnogo presledovaniija prestuplenij terroristicheskoy napravленности. Sovremennyj uchenyj. 2020. № 6. S. 340 – 343.
3. Kassacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 25 maja 2021 g. N 225-UD21-4-А6. <http://www.consultant.ru>
4. Oficial'nyj sajt MVD Rossii. <http://www.mvd.ru>
5. Savickij V.M. Prezumpcija nevinovnosti. M.: Norma, 1997. 126 s.
6. Federal'nyj zakon ot 30.12.2008 N 321-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii po voprosam protivodejstvija terrorizmu». <http://www.consultant.ru>
7. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 23.06.1999 N 1-FKZ «O voennyyh sudah Rossijskoj Federacii». <http://www.consultant.ru>
8. <https://www.interfax.ru/>

МЮРРЕЙ БУКЧИН О ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКОВЕНИЯ НЕРАВЕНСТВА

Крымов А.В., доцент,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Аннотация: исследования Мюррея Букчина – знаменитого учёного и защитника окружающей среды – касаются наиболее актуальных проблем современной жизни: защиты прав наёмных работников, экологического кризиса, снижения эффективности функционирования демократических институтов в развитых странах, урбанизации и её влияния на различные сферы общественной жизни, в первую очередь, политическую. Краеугольным камнем для всех теоретических построений М. Букчина и вытекающих из них практических следствий и предостережений являлась убеждённость мыслителя в наличии глубинной связи между социальными, экономическими, политическими конфликтами и противоречиями, с одной стороны, и порчей либо прямым уничтожением природы – с другой.

Статья содержит результаты исследования взглядов американского учёного на причины возникновения социального неравенства, которое, в свою очередь, спровоцировало деградацию отношений между людьми, а также разрушило изначальный симбиоз человека и природы. Межличностное взаимодействие стало строиться на основе конкуренции, доминирования меньшинства над большинством, что было обеспечено возможностью применения психического и физического насилия. Всё это вызвало формирование институтов власти, а позднее – государства, окончательно уничтожив гармонию взаимодействия не только человека с человеком и обществом в целом, но и человека с его природным окружением.

Ключевые слова: защита окружающей среды, экоанархизм, гендерные отношения, социальное неравенство, власть, доминирование, антикапитализм

MURRAY BOOKCHIN ON THE PROBLEM OF THE EMERGENCE OF INEQUALITY

Крымов А.В., Associate Professor,
National Research Nizhny Novgorod
State University named by N.I. Lobachevsky

Abstract: the studies of Murray Bookchin, a famous scientist and environmentalist, concern the most pressing problems of modern life: the protection of the rights of employees, the environmental crisis, the decline in the effectiveness of the functioning of democratic institutions in developed countries, urbanization and its impact on various spheres of public life, primarily political. The cornerstone for all theoretical constructions of M. Bookchin and the practical consequences following from them was the thinker's conviction in the presence of a deep connection between social, economic, political contradictions, on the one hand, and damage or destruction of nature, on the other.

The article contains the results of a study of the views of an American scientist on the causes of social inequality, which, in turn, provoked the degradation of relations between people, spoiling the initial symbiosis of the community of people and nature. Interpersonal interaction began to be built on the basis of competition, the domination of the minority over the majority, which was ensured by the possibility of using mental and physical violence. All this led to the formation of institutions of power, and later - of the state, finally destroying the harmony of interaction not only between individuals, but also between human and natural environment.

Keywords: environmental protection, eco-anarchism, gender relations, social inequality, power, dominance, anti-capitalism

Прожив достаточно долгую жизнь, Мюррей Букчин – американский социолог и политический исследователь – большую её часть посвятил борьбе с теми угрозами будущему человечества, что таят в себе развитый капитализм и общество потребления, за эффектным фасадом которых скрываются сознательное предание забвению человеческой свободы и достоинства, а также варварское отношение к окружающей среде. Оценки исследований и деятельности американского учёного в отечественной научной периодике достаточно разнообразны. Например, его могут называть идеологом экоанархизма [9, с. 283] (и это самая распространённая версия идентификации), и критиковать с точки зрения традиционного христианства, подчёркивая при этом тот факт, что для спасения человечества М. Букчин предлагает «в качестве рецепта очедарную социальную утопию в виде экологического анархизма» [6, с. 44], или относить к одному из современных направлений марксизма – альтерглобализму [5, с. 6], или считать его создателем «концепции социальной экологии в рамках так называемого экоанархизма и либертарного социализма» [7, с. 139] – своего рода синтетический вариант оценки. Наконец, учёный может рассматриваться как «яркий представитель идеологии солидаритарного синдикализма, либертарного коммунизма» [4, с. 177]. Только что указанное несходство оценок можно объяснить широтой научных интересов М. Букчина, а также тем, что в своих ра-

ботах он комбинировал «здоровые», рациональные компоненты различных философских, политических направлений и идеологий, обогащая их фактическим материалом большого числа наук об обществе и творчески развивая.

Почти всегда для того, чтобы разобраться в причинах происходящего в настоящее время, необходимо мысленно вернуться в прошлое с целью установления того момента, когда был сделан неверный выбор. С этой целью Мюррей Букчин активно использовал в своих работах выводы некоторых антропологов, занимавшихся полевыми исследованиями и непосредственно наблюдавшими за объединениями людей, которые ещё можно относить к числу *organic societies*.

Такие традиционные культуры характеризует совершенно иное, непонятное представителям современной цивилизации чувство общности и внутригруппового единства. Для иллюстрации этого вывода Мюррей Букчин использовал примеры Дороти Игган (Dorothy Way Eggan (1901-1965) – американский антрополог, исследовавшая племя Хопи, живущее, преимущественно, в резервации на северо-востоке Аризоны): ребёнок уже с момента своего рождения разлучался с матерью, но не по причине жестокосердия индейцев, напротив, появившись на свет, он немедленно получал заботу и уход со стороны всех членов своей группы, воспитываясь в условиях, в которых всегда мог рассчитывать на помощь соплеменников, поэтому для него так же естественно было во всём поддерживать сородичей. Дети из племени индейцев Хопи, попадая в школы, устроенные некоренными американцами, с большим трудом могли принимать участие в играх, основанных на соревновании. Очевидно, что система социализации Хопи оказалась совершенно не способной породить индивидуализм и эгоцентризм европейского типа, в котором представители этой культурной традиции до сих пор видят своё преимущество и величайшее достижение, позволившее им добиться всех благ цивилизации.

Чувства внутриплеменной общности и солидарности порождают, по мнению М. Букчина, ощущения единства с природой, с окружающей средой, в которой существуют люди. Из этого симбиоза возникает убеждённость в том, что человек, являясь необходимым элементом космического равновесия, призван совершать действия, нацеленные на его сохранение, поэтому помимо обрядов, важных для племени (например, инициация), существовали ритуалы «экологической направленности». Без этих последних Вселенная не могла должным образом существовать: природа – обновляться, зерно – попадать в землю и прорастать, времена года – сменяться. Каждая часть общности – живая либо неживая – необходима и её значение не сводимо ко всем остальным, а потому её досрочное уничтожение ставит космический порядок под угрозу, нарушая мировое равновесие.

Для дописьменных обществ природа не представляет собой простого ареала обитания. Она помогает и направляет жизнь сообщества, готового и способного видеть и толковать её знаки и предостережения. Многочисленные проявления природного участия в человеческой жизни отражаются в комплексе принадлежащих людям возможностей и возложенных на них обязанностей. Обряды, нацеленные на установление и поддержание связей с окружающей средой, способствуют «социализации» природы, взаимному проникновению и вовлечению природного в человеческое и человеческого в природное, оформляя их окончательный симбиоз [1, р. 47]. Природа в традиционных обществах понимается как часть социума, как активная и созидающая сущность, устанавливающая контакт с общиной, племенем и направляющая их развитие. Немой и пассивной она становится для «цивилизованных» народов.

В социальных группах, в которых начала властвования и доминирования в силу различных причин не получили развития, наблюдается совершенно иное, чем в цивилизованных обществах отношение к вещам и результатам труда. Такие юридические конструкции, как «право собственности», «владение» здесь не появились, так как не выработаны, не осознаны концепты «индивидуальности» и «личности», отсылающие, по предположению М. Букчина, к понятиям «обладание» и «мастерство» соответственно. Корень западного индивидуализма заключается в зафиксированном в нашей культуре представлении о том, что человек своими силами и способностями вырывает у природы, не желающей добровольно расставаться со своими «дарами», некий объект – плод его личных усилий. В противоположность такому взгляду в «примитивных» обществах существует своеобразный «кузуфрукт»: пользуется вещью тот, кто в ней нуждается, но то, что будет получено с её помощью так же станет свободным достоянием всей общины [1, р. 50]. Таким образом, доминирует не принцип закрепления вещей за кем-то, но их функциональное назначение. Сообщество и природа, человек и сообщество в бесписьменных и безгосударственных социумах пребывают в интуитивно ощущаемом состоянии родства, единства и симбиотических отношениях, в то время как письменная культура, цивилизация и государства основаны на автономии личного начала, индивидуализме и более или менее выраженному противопоставлении интересов личности и общества. Не из тоски ли по этому утраченному единству родились сохранившиеся во многих мифах истории об изгнании из рая и предания о некогда бывшем на земле золотом веке?

Чаще всего оказывавшиеся неблагоприятными условия внешней среды, а также возрастающее число контактов с другими сообществами, предъявлявшими свои требования на общие природные ресурсы и окружение, заставляли общину изменять принципы собственной организации. Всё это, а также осознание половых различий привело, по мнению Мюоррея Букчина, к разделению труда. Ведущую роль в этих процессах, скорее всего, сыграли женщины, их изменившиеся представления о своём месте, функциях в общине и вытекающих из этого правах, обязанностях и ответственности за её будущее. Именно женщина была (остаётся и поныне) источником жизни для первичных социальных объединений, она оказывалась хранительницей очага, убежища, средоточием кровнородственных связей, скреплявших общину в единое целое. М. Букчину первоначальные отношения между мужчиной и женщиной виделись основанными на взаимном уважении и доверии. Однако последовавшие за этим усложнение жизни и сопровождавшая его социальная дифференциация, а также развивающаяся мужская зависть (*male envy*) разрушили эту гармонию [1, p. 53].

В действительности, кровное родство, а также потребности, обеспечивавшие выживание, и стали теми первыми ограничениями, с которых началось развитие социального бытия и взаимодействия. Общине, оставаясь замкнутой, выжить было проблематично, поэтому в настоящую превратилась потребность в поиске союзников – других общин, но объединение с ними уже не могло быть произведено на основе изначального принципа кровного родства, поэтому потребовались межгрупповые браки и различные обряды, позволившие обрасти новых «родственников» за пределами первичной группы. М. Букчин полагал, что излюбленная антропологами реципрокность гораздо в большей степени применима для анализа межгрупповых отношений, чем внутригрупповых. Усложнившиеся стратегии взаимодействия с окружающей средой порождали новые институты и отношения. Взаимная помощь, обмен возникли благодаря разрушению традиционных представлений о людях и вещах и внедрению договорных начал взаимодействия.

Предметы, ранее использовавшиеся на условиях описанного М. Букчином «узуфрукта», следовало осмыслить иначе для создания возможностей их применения в соответствии с иными целями и в постепенно менявшихся обстоятельствах. В английском языке у слова *thing* помимо вариантов перевода таких, как «вещь», «предмет» есть ещё значение «сущность», а за почти каждой фразой М. Букчина скрывается его критика и неприятие реалий капиталистического общества, поэтому даже намеченная им линия эволюции понимания *things* выглядела следующим образом: прежде чем быть «униженными» до статуса предметов потребления «сущностям» надлежало превратиться вначале в дары, а для этого, в свою очередь, требовалось приобрести форму символа, в котором сама идея реципрокности, желания взаимодействовать на основе принципа взаимности получила бы воплощение. Такими трансформациями, согласно представлениям М. Букчина, отмечено рождение человеческого общества из биологического, «органического» бытия. Подобные метаморфозы вырывали людей из их симбиотического сосуществования с природой.

С точки зрения автора «The Ecology of Freedom», около 10 000 лет назад на территории между Каспийским и Средиземным морями постоянно перемещавшиеся группы охотников-собирателей перешли к иному образ жизни: они стали создавать небольшие поселения и заниматься смешанным земледелием. М. Букчину роль женщины в формировании цивилизации представлялась особой: наиболее вероятно, что именно она, отвечавшая за собирательство, впервые обратила внимание на то, что из семени, упавшего в почву, через некоторое время появляется растение того же вида. Изучение антропологами обычая и мифов безгосударственных народов, сохранившихся до настоящего времени, и уже накопленный материал полевых исследований последних ста пятидесяти лет в совокупности дают некоторые основания полагать, что развитие садоводства, уход за небольшим огородом и связанные с этим селекция съедобных растений, а также одомашнивание, разведение и выведение новых пород животных – всё это достижения женской части населения упомянутых небольших деревень. Однако более важным оказалось иное в поведении представительниц «слабого пола»: они, кормившие и следившие за детьми (что, кстати, соответствует и природному, естественному распределению гендерных функций и ролей), миролюбивые, неагрессивные (в отличие от мужчин) и заботливые, стали делиться пищей с сородичами, превратив это в устойчивый институт социального взаимодействия.

Согласно предположению М. Букчина, результаты раскопок, проводившихся на территории ранних неолитических поселений, позволяют сделать вывод о том, что на этой стадии развития сообщества чаще всего формировались на основе совершенно иного представления о месте и значении женщин в жизни. В тех случаях, когда общины строились на принципе матрилинейной филиации, остатки материальной культуры поселений свидетельствуют об их, в целом, бесконфликтном существовании, ориентированном на ценности жизни, материнства и лишённом каких-либо признаков социального неравенства. Предметы культа связаны с прославлением природы, дающей в изобилии свои плоды людям, и Богини-Матери, чьё почитание имеет свои истоки в глубокой древности и доказанные свидетельства в палеолите («палеолити-

ческие Венеры») [8, с. 45-46, 53-57], распространяясь, по-видимому, на всё доисторическое прошлое человечества.

Тем не менее, этому периоду не суждено было продлиться вечно. Постепенно материнское, женское начало оказалось вытесненным патриархальным, женщины более не рассматривались как равные мужчинам, а образ Великой Матери приобрёл демонические черты. Там, где ранние неолитические общины утратили свою свободу под натиском кочевников-скотоводов, слом традиционных форм социальной жизни принял катастрофически быстрый характер, в большинстве же случаев, по мнению М. Букчина, изменения происходили плавно, а в отдельных сельских районах древние обычай и практики смогли сохраниться даже до начала капиталистической эпохи. Этот переходный отрезок времени, продлившийся, однако, около тысячи лет, отмечен появлением и ростом городов, возникновением привилегированного меньшинства, постепенно вытеснившего старые центры социальной власти – общинные собрания и советы старейшин – и захватившего контроль над дистрибутивной системой общества; кровнородственные механизмы поддержания социального порядка уступили место власти, основанной на территориальном и классовом доминировании. Неравенство полов, выразившееся ещё и в том, что мужская деятельность на благо социума с тех пор стала рассматриваться как более ценная в сравнении с женской, отразилось на разделении труда, которое также утратило свою эгалитарную сущность: вклад ремесленника был признан более весомым, чем земледельца, умственные и физические усилия аналогичным образом перестали считаться равноценными.

Задаваясь вопросом о том, каковы же те факторы, что спровоцировали в ситуации первоначального равенства людей в ранних сообществах появление социальной дифференциации, власти и подчинения, Мюррей Букчин выделил пол, возраст и происхождение (достоинства либо, напротив, недостатки предков) в качестве трёх первоначальных различий, осознание которых могло вызвать эти пагубные явления.

Первоначальное разделение труда, совершившееся по гендерному признаку, оказывалось взаимодополняющим. В обязанности и мужчин, и женщин входили сохранение жизни, её воспроизведение и удовлетворение потребностей, обеспечивающих определённое качество совместного существования. Несмотря на физиологические и функциональные различия, которые ассоциируются с половой принадлежностью, М. Букчину они представлялись явно недостаточными для возникновения иерархии и доминирования. Главный ответ на вопрос о появлении неравенства и власти следовало искать в других различиях, которые постепенно осознавались эволюционировавшим человечеством.

По-настоящему заинтересованными в возникновении влияния и авторитета оказывались представители старшего поколения. Борьба за существование угрожала им в первую очередь, и исследования, проводившиеся антропологами во многих регионах планеты, подтверждают тот факт, что практики убийства или оставления стариков без помощи были довольно распространёнными явлениями в жизни не затронутых цивилизацией народов, как только они сталкивались с истощением ресурсов охотничьих угодий и вызванной этим нехваткой пищи. С точки зрения М. Букчина, люди, чья жизнь уже клонилась к закату, стали источником иерархии и власти, для чего старшее поколение, желая сохранить контроль над молодыми, заставив уважать свой возраст, использовало техники и средства нарождавшейся культуры.

Приобщение к практическим навыкам, которое изначально составляло функциональное назначение процедуры инициации, со временем целенаправленно приобрело ореол таинственности. Традиционно старость понимается как время передачи накопленных за жизнь опыта, мудрости, знаний обычай, обрядов (то есть процедур, посредством которых можно было установить контакт с предками, духами, богами), умений и навыков молодым. Используя имевшийся у них контроль над процессом социализации, люди преклонного возраста через обряды инициации, очень часто оказывавшиеся сопряжёнными с претерпеванием боли в качестве испытания, запечатлевали в умах молодёжи свои опыт и мудрость, приобретая и ревностно охраняя собственный авторитет, служивший залогом выживания для тех, у кого уже не оставалось физических сил, чтобы противостоять бесчеловечности и холодному безразличию природы. М. Букчин сумел выразить существо происходивших перемен чрезвычайно эффектной фразой: «Представители старшего поколения, ненавидевшие природную необходимость, сами превратились в воплощение социальной: испытывая на себе немую жестокость природного мира, им удалось, преобразовав её в осознанную жестокость, перенаправить её действие посредством новых социальных практик таким образом, чтобы жертвами стала, в итоге, молодёжь» [1, р. 82].

М. Букчин, полагал, что в подобных трансформациях социального мира и его организующих принципов следовало искать истоки культуры и цивилизации западного типа, базирующихся на рациональности подавления и принуждения, эксплуатации и доминирования. Здесь скрываются причины подчинённого положения женщин и утраты ими равенства в статусе с мужчинами, – равенства, некогда сопровождавшего период гармоничного сосуществования человека и мира природы. Примеры иных обществ, построенных на принципах эгалитаризма, приводятся в современной литературе по антропологии. Например, отечествен-

ный специалист О.Ю. Артемова, прекрасно знакомая с зарубежными публикациями о безгосударственных обществах охотников, собирателей и рыболовов, отмечает, что иностранные исследователи писали «о со-знательном подавлении духа соперничества, конкуренции и борьбы за престиж, о стойкой боязни вызвать зависть и враждебность какими бы то ни было личными успехами и преимуществами» среди таких групп, как дзу/хоанси (одна из общностей бушменов Южной Африки), г/ви (ещё одна народность, из числа тех, что объединяются собирательным названием «бушмены»), палияр (Южная Индия), хадза (Восточная Африка) [3, с. 413]. Профессор О.Ю. Артемова, цитируя работу «Journeys to the Edge: In the Footsteps of an Anthropologist» Питера М. Гарднера, передаёт такой вывод этого учёного: «Мы лучше всего поймём общество палияр, если начнём с их твёрдого убеждения, что все люди заслуживают уважения только за одно то, что они люди, неважно палияр ли они, тамилы или белые пришельцы, или кто-то ещё» [3, с. 413]. И для них такое отношение не пустая конституционная декларация современного «цивилизованного» общества, а реальность, точно такая же, как и подлинное, а не юридически зафиксированное равенство мужчины и женщины.

Социальное неравенство, государственная, экономическая, военная, духовная и иные виды власти, постоянная и всеохватывающая конкуренция между людьми превращают наше существование в настоящие джунгли с соответствующими порядками, а любое взаимодействие между теми, кто якобы венчает собой эволюционную пирамиду, – в потенциальный либо открытый конфликт. Из этого ящика Пандоры вырвалось и ещё одно зло: бездумное потребление ресурсов окружающей среды и её разрушение оказались вызваны переносом новых моделей социального взаимодействия на отношения с природным окружением, ставшим отныне объектом эксплуатации, как и все другие люди – теперь уже не близкие, с которыми человека связывали кровные либо брачные узы, а соседи и члены полисного, а позднее государственного союза.

Как отмечает современный исследователь О.В. Аксенова: «Центральная проблема, стоявшая как перед экологическим движением, так и перед его оппонентами (компаниями и государством), может быть сформулирована следующим образом: можно ли избежать глобальной экологической катастрофы без радикальных изменений базовых институтов современного общества или для этого требуется переход к иной (альтернативной) социальной системе» [2, с. 163]. И Мюррей Букчин на этот вопрос дал чёткий ответ: устранение угрозы глобальной экологической катастрофы и массовой гибели живых существ на планете потребует серьёзных изменений основ функционирования человеческих обществ. В первую очередь, эти трансформации должны коснуться представлений большинства о своих реальных потребностях, о принципах взаимодействия с другими людьми и иными формами жизни, спровоцировать масштабную перестройку общественного производства и потребления, обеспечить корректировку сущности, задач и функций социальной власти, включая политическую и государственную, а также механизмов и практики их осуществления.

Специфика понимания американским учёным причин и следствий экологического и культурного кризиса современности заключается в том, что, соглашаясь с описанием ранних неолитических обществ как более гармоничных в их внутригрупповых отношениях и взаимодействии с внешней средой, он не считал нужным возрождать эти социальные модели, что в определённой степени предлагается анархопримитивистами. С точки зрения американского учёного, люди того времени существовали на грани выживания, над ними всегда нависала угроза голода. Создавать сегодня комплекс идей (развиваемые некоторыми экологами концепции survivalism или этики спасательной лодки / шлюпки (lifeboat ethics)), базирующийся на постулате об истощении ресурсов, и требовать на основе этого от общества сокращения всех его потребностей до минимума, значит, по мнению М. Букчина, открывать дорогу экофашизму. Это мистификация нехватки ресурсов взамен мистификации потребностей, порождённой современным капитализмом [1, р. 72].

Следует согласиться с наблюдениями М. Букчина: в условиях позднего капитализма мы даже людей сводим до уровня вещей и предметов потребления. В условиях фетишизации производства и потребления, потребностей, навязанных нам рекламой и массмедиа, государством и поддерживаемыми им монополистами, мы мыслим только категориями пользы, выгоды, прибыли, стоимости, издержек, а нравственность, по меткому выражению М. Букчина, определяется нашей кредитной историей. И это тем более печально и уродливо происходит в стране, чьей смыслообразующей идеей была концепция «Святой Руси», «Государства Правды», в стране, создававшей союз всех трудящихся и угнетённых, боровшихся за свои права и человеческое достоинство, но теперь безнадёжно застрявшей на стадии хищнического государственно-монополистического капитализма, уничтожающего, в полном соответствии с прогнозом и наблюдениями Мюррея Букчина, не только природу, но и согласие, доверие в обществе, без которого не будет никакой России будущего.

Литература

1. Bookchin Murray. The Ecology of Freedom: The Emergence and Dissolution of Hierarchy. Palo Alto: Cheshire Books, 1982. 386 p.
2. Аксенова О.В. Социально-экологическая рефлексия на Западе // История и современность. 2006. № 2. С. 162 – 187.
3. Артемова О.Ю. Колено Исава: Охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем). М.: Смысл, 2009. 560 с.
4. Басов В.О. Анархическая мысль в новейшее время: общие закономерности развития // Гуманитарные исследования. 2014. № 3 (51). С. 175 – 178.
5. Кефели И.Ф., Латышева Е.О. Современный марксизм в контексте глобалистики // Психологопедагогические проблемы безопасности человека и общества. 2013. № 1 (18). С. 5 – 11.
6. Несправа М.В. Христианские ориентиры для экологической философии // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2021. № 54-3. С. 41 – 49.
7. Резник Ю.М. Становление новой общественности в контексте цивилизационного развития России (экософский взгляд) // Вопросы социальной теории. 2019. Т. 11. С. 127 – 148.
8. Семенов В.А. Первобытное искусство. Каменный век. Бронзовый век. СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2008. 592 с.
9. Яо Л.М., Ганиев М.Н., Хайруллова О.В. Теоретические аспекты взаимодействия общества и природы // Вестник Казанского технологического университета. 2006. № 6. С. 281 – 289.

References

1. Bookchin Murray. The Ecology of Freedom: The Emergence and Dissolution of Hierarchy. Palo Alto: Cheshire Books, 1982. 386 p.
2. Aksanova O.V. Social'no-jekologicheskaja refleksija na Zapade. Istorija i sovremennost'. 2006. № 2. S. 162 – 187.
3. Artemova O.Ju. Koleno Isava: Ohotniki, sobirateli, rybolovy (opyt izuchenija al'ternativnyh social'nyh sistem). M.: Smysl, 2009. 560 s.
4. Basov V.O. Anarhicheskaja mys' v novejshee vremja: obshchie zakonomernosti razvitiya. Gumanitarnye issledovaniya. 2014. № 3 (51). S. 175 – 178.
5. Kefeli I.F., Latysheva E.O. Sovremennyj marksizm v kontekste globalistiki. Psihologo-pedagogicheskie problemy bezopasnosti cheloveka i obshhestva. 2013. № 1 (18). S. 5 – 11.
6. Nesprava M.V. Hristianskie orientiry dlja jekologicheskoy filosofii. Norwegian Journal of Development of the International Science. 2021. № 54-3. S. 41 – 49.
7. Reznik Ju.M. Stanovlenie novoj obshhestvennosti v kontekste civilizacionnogo razvitiija Rossii (jekosofskij vzgljad). Voprosy social'noj teorii. 2019. T. 11. S. 127 – 148.
8. Semenov V.A. Pervobytnoe iskusstvo. Kamennyj vek. Bronzovyj vek. SPb.: Izdatel'skij dom «Azbuka-klassika», 2008. 592 s.
9. Jao L.M., Ganiev M.N., Hajrullova O.V. Teoreticheskie aspekty vzaimodejstvija obshhestva i prirody. Vestnik Kazanskogo tehnologicheskogo universiteta. 2006. № 6. S. 281 – 289.

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ РЕЛИГИОЗНЫХ НОРМ НА НРАВЫ В ОБЩЕСТВЕ

Кужеков А.Ю., кандидат юридических наук, доцент,
Юридический институт им. М.М. Сперанского,
Владимирский государственный
университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
Абрахеева Д.В., старший преподаватель,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы исполнения наказаний

Аннотация: религия в обществе выделяется коллективным верованием в Бога, веры в сверхъестественное. В любой конфессии существуют закрепленные в религиозных источниках правила поведения, обычаи и обряды, и они являются частью моральных, правовых и религиозных норм в обществе. Религия на протяжении своего исторического развития прочно закрепилась в повседневной жизни человека, а иногда и решала важные вопросы в его жизнедеятельности. Целью данного исследования является на основе рассмотрения мировых конфессий определить влияние религиозных норм на нравы в обществе. В статье описываются, как воздействуют различные религиозные течения на формирование нравов в обществе. Указаны религиозные установки в историческом развитии конфессий. Определены основные функции религий. В заключении сделан вывод о сильном влиянии религиозных норм на нравы в обществе.

Ключевые слова: религия, конфессия, норма, нравы, правила поведения, мировоззрение

ON THE QUESTION OF THE INFLUENCE OF RELIGIOUS NORMS ON THE MORALS IN SOCIETY

Kuzhekov A.Yu., Candidate of Juridical
Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
M.M. Speransky Law Institute
Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoltoevs,
Abrazheeva D.V., Senior Lecturer,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service

Abstract: religion in society is distinguished by a collective belief in God, belief in the supernatural. In any denomination, there are rules of behavior, customs and rituals fixed in religious sources, and they are part of the moral, legal and religious norms in society in society. Throughout its historical development, religion has been firmly established in the daily life of a person, and sometimes it has solved important issues in his life. The purpose of this study is to determine the influence of religious norms on morals in society based on the consideration of world confessions. The article describes how various religious trends affect the formation of morals in society. Religious attitudes in the historical development of confessions are indicated. The main functions of religions are defined. In conclusion, the conclusion is made about the strong influence of religious norms on mores in society.

Keywords: religion, denomination, norm, morals, rules of behavior, worldview

Конституция Российской Федерации гарантирует свободу совести и вероисповедания, что является зеркалом «Всеобщей декларации прав человека». Каждый человек вправе исповедовать любую религию или иметь атеистические убеждения. В современном мире религиозные нормы являются составляющей социальных норм. Российская Федерация является многонациональным государством и на ее территории действуют различные нормы религиозных конфессий. Российские граждане являются православными, мусульманами, буддистами, католиками, иудеями, баптистами, старообрядцами и др. Воздействие на формирование нравов в российском государстве оказывают различные религиозные течения. В связи с этим, необходимо наладить сотрудничество с религиозными конфессиями в сферах: нравственного, патриотического, духовного и культурного воспитания; сохранении культурного и исторического наследия; сохранении позитивной нравственности в обществе; поддержки семьи, материнства, отцовства и детства.

Духовное воспитание является мощным вектором формирования мировоззрения индивида, впоследствии выполняющее оценочно-регулятивную функцию. Религиозные нормы создают модель поведения человека в обществе, формируют позицию индивида для достижения поставленной цели в социуме.

Впервые социальные нормы появились в первобытнообщинном строе, и они были связаны с рассуждениями о позитивном и негативном поведении человека направленного на свое племя или род. Эти нормы в

юридической литературе получили название, такие как традиции, обычаи, нравы, нормы морали и т.д. Впоследствии в научной литературе им было дано общее название «мононормы» [1]. Они имели свою нерасчлененность среди социальных норм первобытнообщинного строя. Правила поведения человека были примитивными и являлись привычным выполнением для индивида, поэтому не могли подразделяться на нравы, моральные нормы, религиозные нормы и обычное право.

Индусское право является древнейшей правовой системой и именно там религиозные нормы сыграли важную роль в механизме урегулирования общественных отношений. Индусские религиозные правила поведения полностью регулировали жизнедеятельность в социуме. Эти религиозные правила полностью исключали рациональную оценку сложившихся традиций и обычаев. В историческом развитии религиозные установки поведения индийского народа по мере появления классовых отношений в обществе, срастались воедино с нормами права [3].

В мусульманских государствах, так же наблюдается слияние религиозных и правовых норм. Мусульманское право является одной составляющей исламской религии, что так сильно отличает его от других существующих правовых систем в мире. В мусульманском мире свойственно единое возникновение религиозных и правовых установок. В исламской религии установлены истинные направления веры мусульмана и конкретные предписания по поведению верующего «халал» и «харам». Именно это право определяет «правильный путь» верующего исламской религии и имя ему «Шариат». Шариат появился в странах Востока, и представляет собой комплекс религиозных и правовых норм зародившихся в феодальном мусульманском праве [2]. Шариат состоит из нескольких источников Коран (Священная книга всех мусульман мира, переданный Аллахом через его посланника Мухаммада), Сунна (комплекс сообщений о высказываниях, поступках и правилах поведения Мухаммада, источник сведений как подобает жить мусульманину), Иджма (единые высказывания и мнения мусульманских ученых разных поколений по проблемному обсуждаемому вопросу), Кияс (применение установленных предписаний Кораном, Сунной, Иджмой к новым случаям). Таким образом, источники мусульманской веры закрепляют истинность веры, правила морали, нравственности и выполнения религиозных обрядов. В настоящее время более 30 стран мира признали ислам государственной религией, и влияние мусульманской религии на формирование нравов в обществе неоспоримо.

Существование и развитие различных религиозных течений напрямую зависит от духовных и психологических потребностей человека. В современном мире роль религии в обществе практически не изменилась в сравнении с историческим прошлым. Хотя большинство государств являются светскими, и существующие конфессии не могут оказывать существенное влияние на политические процессы в стране. Тем не менее, религия оказывает большое влияние на мировоззрение своих прихожан, формируются взгляды на жизнь, убеждения и непосредственно на гражданскую позицию в обществе, что впоследствии скажется на социальных процессах в государстве, в том числе и политических.

Любой религии свойственны следующие функции:

- регулятивная, заключается в установлении правил поведения и моральных норм человека;
- воспитательная, отражает корректировку поведения человека при соблюдении религиозных норм;
- коммуникативная, дает возможность общения верующих друг с другом и Богом;
- утешительная, заключается в тяжелый жизненный период человека найти своего рода утешение в религии.

Религия имеет большое значение в эволюции нравственных регуляторов. Религиозные нормы оказывают серьезное воздействие на формирование духовности и личностных качеств человека, тем самым влияет на социум, через совокупность религиозных установок и ритуалов.

Таким образом, религиозные нормы это обособленная система ценностей, характеризующаяся своей стабильностью и неоспоримостью. Религиозные нормы формируют отношение человека к окружающему миру, тем самым устанавливая в обществе определенные моральные нормы. Благодаря религиозным нормам происходит становление личности, как полноценного члена в обществе.

Литература

1. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. М., 2002. С. 33.
2. Теория государства и права: курс лекций / Под ред. М.Н. Марченко. М., 1996. С. 46.
3. Теория государства и права: учебник / Под ред. проф. Г.Н. Манова. М., 1996. С. 43.

References

1. Morozova L.A. Teorija gosudarstva i prava: uchebnik. M., 2002. S. 33.
2. Teorija gosudarstva i prava: kurs lekcij. Pod red. M.N. Marchenko. M., 1996. S. 46.
3. Teorija gosudarstva i prava: uchebnik. Pod red. prof. G.N. Manova. M., 1996. S. 43.

**ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ
ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ, ОБРАЩАЕМЫХ НА РОССИЙСКОМ
РЫНКЕ НА ПРИМЕРЕ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА**

**Ломакина А.А., аспирант,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)**

Аннотация: целью данной статьи является оценка правового обеспечения безопасности лекарственных препаратов, обращаемых на российском рынке на примере параллельного импорта. Выделены особенности существенных условий таких правовых инструментов, их общие и отличительные признаки, а также описано международно-правовое регулирование рынка патентных прав в сфере фармации в условиях параллельного импорта.

В статье также анализируется вопрос доступа к качественным лекарственным средствам в рамках последних, происходящих в мире событий, связанных с пандемией COVID-19. Для решения проблемы широкого доступа к лекарственным средствам предлагается актуализировать необходимость совершенствования законодательства, регулирующего использование патентов при чрезвычайных обстоятельствах, а также принудительного лицензирования в России. Отмечается приоритет интересов российских потребителей, в свою очередь параллельный импорт должен обеспечить безопасность и доступность тех товаров, в части которых сохраняется импортозависимость. Подчеркивается важность совпадения общественного интереса, который может существовать в плане разрешения «свободной торговли» в параллельном импорте, с очевидным общественным интересом для предотвращения продажи контрафактных товаров.

Ключевые слова: фармацевтика, параллельный импорт, лекарственные препараты, законодательное регулирование, договоры управляемого доступа, принудительные лицензии

**LEGAL SUPPORT OF THE SAFETY OF MEDICINAL PRODUCTS
CIRCULATING ON THE RUSSIAN MARKET ON THE
EXAMPLE OF PARALLEL IMPORTS**

**Lomakina A.A., Postgraduate,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)**

Abstract: the purpose of this article is to assess the legal safety of medicinal products circulating on the Russian market using the example of parallel imports. The features of the essential conditions of such legal instruments, their general and distinctive features are highlighted, and the international legal regulation of the patent rights market in the field of pharmacy in the context of parallel import is described.

The article also analyzes the issue of access to high-quality medicines within the framework of the latest events taking place in the world related to the COVID-19 pandemic. To solve the problem of wide access to medicines, it is proposed to update the need to improve the legislation regulating the use of patents in emergency circumstances, as well as compulsory licensing in Russia. The priority of the interests of Russian consumers is noted, in turn, parallel imports should ensure the safety and availability of those goods in which import dependence remains. The importance of matching the public interest that may exist in terms of allowing "free trade" in parallel imports with the obvious public interest to prevent the sale of counterfeit goods is emphasized.

Keywords: pharmaceuticals, parallel imports, pharmaceuticals, access to treatment, managed access contracts, compulsory licenses

Проблема обеспечения доступа к лечению приобрела общемировое значение еще в начале XX века, когда патентная монополия вошла в противоречие с основополагающими правами человека. С провозглашением Всемирной организацией здравоохранения (далее – ВОЗ) пандемии COVID-19 вопрос доступа к лекарствам приобрел особую остроту. Мир столкнулся с проблемой «фармацевтического национализма», когда правительства многих стран (даже в пределах ЕС) обеспечивали первоочередность доступа к стратегическому к тому времени гидроксихлорохинину в пределах границ своих государств и сдерживали параллельный импорт лекарств внутри ЕС, между государствами-членами.

Интеллектуальная собственность и монополия, которую она создает, больше всего влияет на рынок лекарственных средств. Осознание необходимости соблюдения баланса имущественных прав интеллектуаль-

ной собственности и права человека на жизнь и здоровье побудили как к поиску компромиссов и разработки соответствующих механизмов, так и к переосмыслению парадигмы права интеллектуальной собственности в сфере здравоохранения. Обратимся к ретроспективе переосмысления роли интеллектуальной собственности в обеспечении такого баланса международными организациями.

Так, в Декларации тысячелетия ООН (MDGs) [3] определена необходимость поощрения развития фармацевтической промышленности генериков с целью обеспечения распространения жизненно необходимых лекарственных средств и обеспечение их доступности в развивающихся странах. В рамках Глобальной стратегии и плана действий в области общественного здоровья, инноваций и торговли ВОЗ на организацию возложена главная роль в сбалансировании задач общественного здоровья, инноваций и интеллектуальной собственности [4].

EMA (European Medicines Agency) – организация, ответственная за централизованную процедуру регистрации лекарственных средств в ЕС – отмечает, что применение незарегистрированных лекарственных средств при лечении COVID-19 (использование по соображениям гуманности) не является частью эксперимента или клинического исследования, необходимых для регистрации лекарственного средства, а затем, дает основания для вывода, что такие сведения не могут быть закрыты в режиме коммерческой тайны как объект права интеллектуальной собственности. Учитывая такой режим проведения солидаризованных исследований и, позиции ВОЗ и ЕМА, приходим к выводу, что все сведения, полученные в процессе таких исследований, не могут быть монополизированы инструментами интеллектуальной собственности ни как объекты патентования по новой сфере применения / новому назначению, ни в режиме эксклюзивности данных досье лекарственного средства [5].

До введения широкого доступа к информации о лечении COVID-19 призывают также IFLA (International Federation of Library Associations and Institutions), которая в открытом письме призывала Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС) применить все возможные гибкие механизмы интеллектуальной собственности для максимального обеспечения в мире доступа информации (результатов исследований) о лечении COVID-19 [6], и Международная организация «Врачи без границ» (Médecins Sans Frontières), которая призывает правительства стран не патентовать лекарства от COVID-19 и уступить имущественными интересами выживания человечества [7].

Правовыми проблемами обеспечения доступа к качественным лекарственным средствам посвящены и опубликованы в научных изданиях труды К. М. Корреа (CM Correa), С. Флин (S. Flynn), О. Гургула (O. Gurgula), К. Паувелс (K. Pauwels), И. Хус (I. Huys), С. Воглер (S. Vogler), М. Кастилс (M. Casteels), С. Симоенс (S. Simoens).

Потребность в анализе имеющихся в международном праве и национальном законодательстве юридических механизмов обеспечения доступа к инновационным лекарственным средствам и генерическим версиям брендовых лекарственных средств, которые находятся за пределами клинических исследований терапии COVID-19 появилась в связи с рядом обстоятельств:

- борьба с пандемией «оттягивает» финансовые ресурсы, запланированные на лекарства из других нозологий;
- инфицирование и угроза инфицирования COVID-19 обостряет сопутствующие заболевания, поскольку приоритетность госпитализации, терапии и профилактики сдвигается во времени и требует дополнительных ресурсов;
- фармацевтические компании-производители оригинальных лекарственных средств не в состоянии обеспечить все потребности рынка (пример ремдесивир);
- правительства многих стран заняли протекционистскую позицию по национальной фармацевтической индустрии, видя в этом залог национальной биобезопасности.

Сегодня мировой практике известны несколько эффективных механизмов обеспечения доступа к инновационным и лекарственным средствам генерикам, способным смягчить патентную монополию на последнее. Так, в российском законодательстве регламентировано три из них:

- договоры управляемого доступа (ДКД), которые обеспечивают доступ к брендовым инновационным лекарственным средствам и которые сейчас регулируются Федеральным законом РФ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации (ред. от 02.07.2021 [1])»;
- принудительное лицензирование изобретений, касающихся лекарственных средств и обеспечивающих доступ к их генерическим формам, с целью обеспечения здоровья населения (Гражданский Кодекс Российской Федерации [2]);
- использование запатентованного лекарственного средства в форме его генерика в интересах государства при чрезвычайных обстоятельствах (Гражданский Кодекс Российской Федерации [2]).

Перечисленные механизмы широко используются в ЕС, США, Канаде и других странах и в корне отличаются своей правовой сутью.

Среди других гибких элементов большую эффективность в иностранных государствах подтверждает механизм параллельного импорта. Упоминается он в Соглашении TRIPS через прямое определение, что «ограничения интеллектуальной собственности не урезают его применения» [6]. То есть, TRIPS позволяет государствам-членам разрабатывать собственную политику и режим исчерпания по этому вопросу, учитывая национальные приоритеты.

Суть механизма сводится к следующему: производители и дистрибуторы лекарственных средств устанавливают разные цены на свою продукцию на различных рынках. В условиях осуществления параллельного импорта патентованные лекарственные средства можно покупать в одних странах по определенной цене, ниже цены, установленной для вторых стран. После этого лекарственные средства импортируются в эти вторые страны и продаются там по ценам, которая обычно находится посередине цен в двух странах.

Параллельный импорт осуществляется без согласия патентообладателей, а законность таких операций зависит от принципа исчерпания прав, принятого в национальном законодательстве. По принципу исчерпания прав первая продажа патентованного продукта исчерпывает контроль владельца патента над этим конкретным продуктом. Исчерпание прав может иметь разный характер: национальное региональное или международное исчерпания. С точки зрения охраны здоровья населения и обеспечения доступа потребителей к лекарственным средствам лучший для принятия принцип – принцип международного исчерпания прав, поскольку он позволяет осуществлять параллельный импорт и тем самым удешевлять оригинальные лекарственные средства. Механизм параллельного импорта, по нашему мнению, приносит весомые результаты и дает возможность безопасного использования медицинских препаратов в отличие от стимулирования обращения генерических лекарственных средств.

Интересно, что ни Соглашение TRIPS, ни Парижская конвенция не запрещают параллельного импорта. Внедрение более ограничивающего режима является положением TRIPS-плюс.

Право на применение параллельного импорта, в частности, для развивающихся стран, было также подтверждено Дохийской декларацией о Соглашении TRIPS и общественном здоровье, принятой 30 августа 2003 на 4-й Конференции министров ВТО в Дохе (Катар) и последующей Поправки об экспорте в условиях обязательной лицензии. В Декларации, в частности отмечается, что положения Соглашения TRIPS не противоречат и не должны противоречить праву стран-членов осуществлять соответствующие меры для защиты общественного здоровья.

Статьей 5 Парижской конвенции по охране промышленной собственности 2020 (далее – Парижская конвенция) предусмотрено, что каждая страна Союза имеет право принять законодательные меры, предусматривающие выдачу принудительных лицензий, для предотвращения злоупотреблений, которые могут возникнуть в результате осуществления исключительного права, предоставляемого патентом.

Соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности (TRIPS) является одной из многосторонних торговых соглашений, принимаемых всеми членами Всемирной торговой организации (ВТО). По состоянию на 1 сентября 2013 членами ВТО, а соответственно и участниками Соглашения TRIPS является 159 стран, на долю которых приходится более 96% объема мировой торговли. После присоединения ряда стран, которые сейчас являются кандидатами на вступление, в рамках ВТО будет осуществляться почти весь мировой оборот товаров и услуг.

Анализируя нормы заложенных Соглашением минимальных стандартов, можно заметить, что охватывается в ней широкий спектр вопросов: авторского права и смежных прав, промышленных образцов, товарных знаков, закрытой информации, защиты прав различными способами и тому подобное. Нормы по всем аспектам охраны изобретений, при этом, влияют на права владельцев патентов и права пациентов на доступ к лекарственным средствам.

Охрана изобретений в сфере фармацевтики по нормам Соглашения TRIPS имеет следующий общий вид:

1. Для получения патентных прав заявителю необходимо, чтобы его разработка была оформлена в виде заявки, которая будет представлена в любом патентном ведомстве мира.

2. Указанная заявка должна содержать материалы по результатам интеллектуальной деятельности человека в любой сфере технологий (в нашем случае в фармацевтической сфере), которая будет отвечать трем критериям патентоспособности – новизне, изобретательскому уровню и промышленной применимости.

3. В случае соответствия всем необходимым критериям патентоспособности заявителю будет выдан патент, который будет предоставлять ему исключительные права использовать самому, разрешать или запрещать использовать другим запатентованный объект в течение 20 лет с даты подачи такой заявки.

4. Учитывая, что для помещения на рынке лекарственных средств не достаточно только получение патента, а требуется оформление соответствующих разрешений, владелец патента может воспользоваться до-

полнительной правовой охраной, фактически продлит срок монопольного использования запатентованного препарата.

Именно такой механизм в несколько примитивном освещении действует на основании норм Соглашения TRIPS. Указанный выше механизм возвращения средств инвесторов, закладывался в научную разработку того или иного средства и его патентования. Требования антимонопольного законодательства в данном случае не применяются.

Основная проблема, которая порождена охраной прав интеллектуальной собственности на лекарственные средства заключается в том, что цена препаратов диктуется владельцем патента. Несмотря на то, что патентообладатель имеет небольшой промежуток времени монопольного использования патентных прав, формирование цены происходит по принципу скорейшего получения большой прибыли, что, безусловно, отражается на доступности препарата для потребителей. Также стоит учесть, что развивающиеся страны не имеют достаточного научного и технологического потенциала, а потому вынужденно импортируют лекарственные средства из экономически развитых стран, что еще больше обостряет проблему оттока средств из бедных стран.

Важно, что юридические основания использования механизма принудительного лицензирования, согласно подпункту к п. 5 Дохийской декларации, каждое государство определяет по своему усмотрению. Вот некоторые примеры возможных оснований, определенных в ст. 31 Соглашения TRIPS:

- общественное некоммерческое использование;
- использование в случае наступления чрезвычайной ситуации в стране или других обстоятельств крайней необходимости;
- использование для предотвращения антисоревновательной практики;
- взаимозависимость патентов.

Кроме того, Парижская конвенция позволяет принудительное лицензирование в случае неиспользования или недостаточного использования изобретения.

Отметим, что в сфере здравоохранения могут иметь место все перечисленные основания.

Анализ мировой практики применения механизмов принудительного лицензирования в сфере здравоохранения свидетельствует, что первые два основания широко используют в развивающихся странах и странах с низким уровнем развития.

В странах ЕС распространенным основанием для принудительного лицензирования в сфере здравоохранения является предотвращение антисоревновательной практики. В Российской Федерации такой законодательной возможности нет, поэтому разработка соответствующих положений в сфере конкурентного законодательства отнесена к приоритетам законодателя, особенно учитывая то, что предотвращение антисоревновательной практики и / или исправления его негативных последствий, которые затрудняют доступ к лекарственным средствам, является одним из важных положений соглашения TRIPS. Так, разъяснения этого положения включены в ч. 2 ст. 8, п. к ч. 1 ст. 31 и ст. 40 Соглашения TRIPS. Примечательно, что Соглашение TRIPS не содержит определения антисоревновательного поведения и таким образом оставляет за странами-членами ВТО свободу в определении антисоревновательных действий и выработке собственной политики в отношении них.

При выдаче принудительных лицензий, предусмотренных п. к ч. 1 ст. 31 Соглашения TRIPS, к мерам, направленным на исправление последствий антисоревновательной практики, в отличие от принудительных лицензий в пределах п. к ч. 1 ст. 31 Соглашения TRIPS, не отнесена мера по проведению предварительных переговоров с патентообладателем. Не предусмотрено даже сообщение патентообладателя, как в случае с использованием патента в интересах государства.

Согласно п. к ч. 1 ст. 31 Соглашения TRIPS, необходимость исправления последствий антисоревновательной практики может быть предусмотрена при определении размера компенсации патентообладателю. Это означает, что в особо серьезных случаях антисоревновательной практики компенсацию можно вообще не платить. Антимонопольные органы на практике также прибегают к наложению штрафов на нарушителей, что является еще одним сдерживающим фактором антисоревновательного поведения.

Итак, Соглашение TRIPS не ограничивает возможности определения оснований принудительного лицензирования на уровне национального законодательства, однако требует их надлежащего закрепления на уровне национального закона.

Согласно ст. 31 Соглашения TRIPS, возможны несколько сценариев использования запатентованных изобретений без разрешения правообладателя в зависимости от инициатора издания принудительной лицензии:

- использование по инициативе третьей стороны с разрешения правительства;

– использование правительством или уполномоченным правительством подрядчиком по инициативе правительства в случае общественного некоммерческого использования.

Что касается субъекта, который дает разрешение на выдачу принудительной лицензии, то в каждой стране применяются различные законодательные подходы, обусловленные особенностями государственного устройства и системой государственного управления:

– в странах, где такие полномочия переданы органам исполнительной власти, субъектом определяется исполнительная власть в лице правительства или соответствующего министерства / министерств, министра / министров (США, Франция)

– в некоторых странах определены другие компетентные органы (в Китайской Народной Республике – Департамент патентных прав при Госсовете КНР, в Арабской Республике Египет – Патентное ведомство Египта)

– в странах-монархиях полномочия по предоставлению разрешения на использование изобретения в интересах государства преимущественно переданы монарху (Австралия)

– в некоторых странах исторически сложилось, что такие полномочия закреплены за судебными органами (Германия, Объединенные Арабские Эмираты, Хорватия, Мадагаскар, Киргизия).

Следовательно, субъектом, который принимает решения по использованию запатентованного изобретения без согласия патентообладателя, является соответствующий орган (органы) или должностное лицо (должностные лица) органа государственной власти (исполнительной, судебной и т.п.), определенные национальным законодательством в различных юрисдикциях.

В контексте ст. 31 Соглашения TRIPS принудительные лицензии могут выдаваться:

– по общей процедуре с обязательным предварительным принятием мер с целью получить разрешение от патентообладателя;

– по упрощенной процедуре без предварительных мер, но с уведомлением патентообладателя постфактум о выдаче принудительной лицензии (только в случаях выдачи принудительной лицензии по основаниям общественного некоммерческого использования, в случае чрезвычайной ситуации в стране, при других обстоятельствах крайней необходимости);

– по упрощенной процедуре без предварительных мер и без уведомления патентообладателя о выдаче принудительной лицензии (только в случаях выдачи принудительной лицензии для предотвращения антиконкурентной практики).

Международный опыт имплементации некоторых гибких положений Соглашения TRIPS свидетельствует, что закрепленный в законодательстве страны-члена ВТО эффективный механизм выдачи принудительной лицензии и четко сформулированные положения законодательства о свободе конкуренции позволяют достичь главной цели – обеспечения лекарственными средствами – иногда без принудительных мер, путем добровольной выдачи лицензий на разумных условиях.

Обстоятельства, при которых может быть выдана принудительная лицензия, детализированы в Гражданском Кодексе Российской Федерации: в первом случае это необходимость обеспечения здоровья населения и обороны государства, экологической безопасности и других интересов общества, во втором – действия государства с целью обеспечения здоровья населения при чрезвычайных обстоятельствах.

Как уже отмечалось, Дохийская декларация позволяет свободное толкование приведенных норм на национальном уровне. Каждая из стран-членов имеет право определять, что именно составляет национальную угрозу создает другие обстоятельства чрезвычайной важности, которые можно толковать как кризис общественного здоровья, включая те, что касаются СПИДа, туберкулеза, пандемии COVID-19 или других чрезвычайных обстоятельств.

Как видим, основаниями для принудительного лицензирования признаны обеспечение здоровья населения, неспособность патентообладателя удовлетворить потребность в лекарствах и безосновательный отказ в выдаче добровольной лицензии. Этим в современных условиях пандемии COVID-19 воспользовались потенциальные производители генериковой версии ремдесивира, патент на который принадлежит Gilead. Однако, осознавая риски принудительного лицензирования, компания-патентовладелец сама выдала добровольную лицензию восьми производителям, подтвердив таким образом, что само наличие механизма принудительного лицензирования или использования государством в интересах общества в национальном законодательстве, имеют четко определенный алгоритм реализации, уже является стимулом для выдачи добровольных лицензий со стороны патентообладателей.

Важным условием выдачи принудительной лицензии является ведение переговоров с патентообладателем и получение от него именно безосновательного отказа. Переговоры о перспективах выдачи принудительной лицензии существенно отличаются от переговорной процедуры по ДКД. Во-первых, при принуди-

тельном лицензировании прозрачными являются все этапы переговоров и само содержание такой лицензии: цена, количество доз лекарственного средства. Во-вторых, для того, чтобы признать законность факта выдачи принудительной лицензии отказ должен быть именно безосновательным. Пассивное молчание патентообладателя не будет истолковываться судом как необоснованный отказ. И именно это остается камнем преткновения на пути реализации ст. 30 Закона об изобретениях, поскольку юридически не определено, какие именно действия или бездействие можно считать безосновательным отказом, как и то, в течение какого срока отсутствие какой-либо реакции патентообладателя будет считаться отказом.

Несколько стран уже публично рассматривали принудительное лицензирование как часть своего ответа на COVID-19. 24.03.2020 Израиль выдал принудительную лицензию на импорт общих версий лопинавира / ритонавира. Министерство здравоохранения Израиля определило, что антиретровирусные препараты могут выступать в качестве возможного лечения пациентов с COVID-19. В отличие от Таиланда и Бразилии, Израиль выдал принудительную лицензию не основываясь на цену лекарства, а на основании того, что патентообладатель (компания AbbVie) не смогла обеспечить достаточное количество лопинавира / ритонавира [8].

В Канаде Законом о реагировании на чрезвычайные ситуации COVID-19 внесены изменения в Закон о патентах Канады, чтобы ускорить процесс выдачи принудительной лицензии на основании необходимости обеспечения здоровья населения. Поправка позволяет правительству Канады выдавать лицензию на необходимые нововведения и позже договариваться о вознаграждении [10].

На волне пандемии COVID-19 правительство Германии недавно приняло «пакет короновирусного кризиса». Закон о защите населения в случае эпидемической ситуации предусматривает меры по ограничению немецких патентов, например, тех, что охватывают лекарственные средства или медицинские изделия [9].

Подводя итог, отметим, что ДКД не решает проблемы широкого доступа к лекарственным средствам и это еще больше актуализирует необходимость совершенствования законодательства, регулирующего использование патентов при чрезвычайных обстоятельствах, а также принудительного лицензирования в России. Гибкие положения Соглашения TRIPS предоставляют странам-членам ВТО широкие возможности для улучшения обеспечения населения лекарственными средствами, детализируя основания, условия и механизм выдачи принудительных лицензий на уровне национального законодательства. Международный опыт имплементации некоторых положений Соглашения TRIPS свидетельствует, что закрепленный в законодательстве страны-члена ВТО эффективный механизм выдачи принудительной лицензии и четкое законодательство о свободе конкуренции позволяют достичь главной цели – обеспечения лекарственными средствами – иногда без принудительных мер, путем добровольной выдачи лицензий на разумных условиях.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что, несмотря на некачественное регулирование соответствующей возможности осуществления параллельного импорта в нормах законодательства относительно прав интеллектуальной собственности, имеет место быть еще и непродуманная политика органов государственной власти, что в свою очередь сводит на нет возможность соблюдения баланса прав патентообладателей и прав на охрану здоровья всех членов общества.

Литература

1. Федеральный закон РФ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 02.07.2021). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ч. 1); от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ч. 2); от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ч. 3); от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ч. 4). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»
3. United Nations Millennium Development Goals, 2000. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml
4. The Global Strategy and Plan of Action on Public Health, Innovation and Intellectual Property. URL: https://www.who.int/phi/implementation/phi_globstat_action
5. International Federation of Library Associations and Institutions. URL: <https://www.ifla.org/node/92993>
6. Médecins Sans Frontières. URL: <https://www.msf.org/no-profiteering-covid-19-drugs-and-vaccines-says-msf>
7. Pauwels K., Huys I., Vogler S., Casteels M., Simoens S. Managed Entry Agreements for Oncology Drugs: Lessons from the European Experience to Inform the Future. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5378787/>
8. FAIR Health. The Projected Economic Impact of the COVID-19 Pandemic on the US Healthcare System. New York: FAIR Health, Inc.; 2020. URL: <https://www.fairhealth.org/article/fair-health-releases-brief-on-covid-19>

9. Kass D. Israel Defies AbbVie IP To Import Generic Drugs For COVID-19. March 19, 2020. URL: <https://www.law360.com/articles/1255079?scroll=1&related=1>. Accessed: March 24, 2020.

10. COVID-19 Emergency Response Act, S.C. 2020, C-13 (Can.). Gesetz zum Schutz der Bevölkerung bei einer epidemischen Lage von nationaler Tragweite. URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/AnnualStatutes/2020_5/

References

1. Federal'nyj zakon RF ot 21.11.2011 № 323-FZ «Ob osnovah ohrany zdorov'ja grazhdan v Rossijskoj Federacii» (red. ot 02.07.2021). Dostup iz spravochno-pravovoj sistemy «Konsul'tant-Pljus».
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii: ot 30 nojabrja 1994 g. № 51-F3 (ch. 1); ot 26 janvarja 1996 g. № 14-FZ (ch. 2); ot 26 nojabrja 2001 g. № 146-FZ (ch. 3); ot 18 dekabrja 2006 g. № 230-FZ (ch. 4). Dostup iz spravochno-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus»
3. United Nations Millennium Development Goals, 2000. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml
4. The Global Strategy and Plan of Action on Public Health, Innovation and Intellectual Property. URL: https://www.who.int/phi/implementation/phi_globstat_action
5. International Federation of Library Associations and Institutions. URL: <https://www.ifla.org/node/92993>
6. Médecins Sans Frontières. URL: <https://www.msf.org/no-profiteering-covid-19-drugs-and-vaccines-says-msf>
7. Pauwels K., Huys I., Vogler S., Casteels M., Simoens S. Managed Entry Agreements for Oncology Drugs: Lessons from the European Experience to Inform the Future. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5378787/>
8. FAIR Health. The Projected Economic Impact of the COVID-19 Pandemic on the US Healthcare System. New York: FAIR Health, Inc.; 2020. URL: <https://www.fairhealth.org/article/fair-health-releases-brief-on-covid-19>
9. Kass D. Israel Defies AbbVie IP To Import Generic Drugs For COVID-19. March 19, 2020. URL: <https://www.law360.com/articles/1255079?scroll=1&related=1>. Accessed: March 24, 2020.
10. COVID-19 Emergency Response Act, S.C. 2020, C-13 (Can.). Gesetz zum Schutz der Bevölkerung bei einer epidemischen Lage von nationaler Tragweite. URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/AnnualStatutes/2020_5/

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДОГОВОРА ПОСТАВКИ

Пантелейев В.В.,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Аннотация: за последние тридцать лет в современной России произошел коренной перелом, а именно: переход от плановой к рыночной экономической системе. Во главу развития экономики страны легла предпринимательская деятельность. Договор поставки является основным видом договорных отношений в коммерческой деятельности. В настоящей статье автором проанализировано определение договора поставки, указаны особенности правового регулирования, раскрыта специфика сторон поставки товара. Проанализирован институт договора поставки на протяжении всего развития российского государства: включая зарождение Российской империи и дальнейшее развитие в Советской России и Российской Федерации. При этом, в правоприменимой практике за относительно небольшой временной промежуток выявились типичные ошибки при заключении и исполнении договора поставки, которые в последующем приводят к неблагоприятным последствиям. Отдельным важным аспектом является факт того, что нынешние положения института договора поставки в новейшем российском законодательстве являются наследием плановой экономической системы, так как многие нормы продиктованы диктатом производителей и поставщиков. Указанная специфика нашего законодательства подлежит актуализации для выравнивания баланса интересов поставщиков и покупателей. Автором предлагаются конкретные предложения по недопущению ошибок при заключении и исполнении поставки товаров, а также предложено совершенствование действующего законодательства.

Ключевые слова: договор поставки, проблемы применения, совершенствование договора поставки

PROBLEMS OF APPLICATION AND IMPROVEMENT OF DELIVERY AGREEMENT

Panteleev V.V.,
Rostov State University of Economics (RINH)

Abstract: over the past thirty years, a radical change has occurred in modern Russia, namely, the transition from a planned to a market economic system. Entrepreneurial activity has become the head of the development of the country's economy. The delivery contract is the main type of contractual relations in commercial activity. In this article, the author analyzes the definition of the delivery contract, specifies the features of legal regulation, reveals the specifics of the parties to the delivery of goods. The institute of the supply contract is analyzed throughout the entire development of the Russian state: including the birth of the Russian Empire and its further development in Soviet Russia and the Russian Federation. At the same time, in law enforcement practice, for a relatively short time period, typical errors were revealed when concluding and executing a supply contract, which subsequently lead to adverse consequences. A separate important aspect is the fact that the current provisions of the supply contract institution in the latest Russian legislation are the legacy of the planned economic system, since many norms are dictated by the dictates of manufacturers and suppliers. The specified specifics of our legislation are subject to updating in order to balance the interests of suppliers and buyers. The author offers specific proposals to prevent errors in the conclusion and execution of the delivery of goods, and also suggests improving the current legislation.

Keywords: supply contract, problems of application, improvement of the supply contract

В настоящих реалиях договоры поставки являются самыми распространёнными в сфере предпринимательской деятельности.

С точки зрения истории права договор поставки является феноменом российского законодательства, не имеющего аналогов в других правовых системах. История развития поставки началась во второй половине девятнадцатого века, так именно в это время в Российской империи начинаются многочисленные изменения: отмена крепостничества, кульминация промышленной революции и сильное развитие торговли. В дореволюционном законодательстве поставка являлась обязательством автономным от других видов. При этом, не все считали такое отделение правильными и необходимым, так Г.Ф. Шершеневич указывал на факт того, что такое разделение является «искусственным» [1].

В начале советского периода истории нашего государства нормы ГК РСФСР 1922 г не определяли положения договора поставки, как отдельного гражданско-правового обязательства. Указанное обстоятель-

ство обусловлено созданием единого централизованного государства с плановой экономической системой. При этом, в поздний период развития советского государства отечественная цивилистика признает договор поставки самостоятельным.

В новейшее время договор поставки перестал быть независимой формой обязательства и ГК РФ считает поставку подвидом договора купли-продажи, и опираясь на возможную модернизацию российской цивилистики изменение позиции законодателя в этом вопросе не предвидится. Стоит отметить, что большинство ученых-цивилистов согласны с таким подходом, и не считают необходимым выделять договор поставки в самостоятельный вид.

Определением в соответствии со ст. 506 ГК РФ установлено, что поставка товара реализуется для использования в предпринимательской деятельности или в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием.

Закон указывает в качестве сторон договора поставки поставщика и покупателя и определяет, что передаваемый товар используется в предпринимательской деятельности, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием [2]. Как следствие, зачастую, субъектами при заключении договора поставки являются профессиональные участки предпринимательской деятельности, а именно: юридические лица и индивидуальные предприниматели.

К большому сожалению, в правоприменительной практике, при заключении договоров поставки между профессиональными участниками рыночных отношений допускаются типичные ошибки, которые вызваны непродуманностью и несоблюдением требований закона. Следовательно, необходимо более детально изучить специфику заключения договора поставки и проанализировать типичные ошибки.

Как указано ранее, в большинстве случаев в качестве участников договора поставки выступают юридические лица и индивидуальные предприниматели, однако Гражданский кодекс Российской Федерации не устанавливает строго определенный перечень субъектов предпринимательской деятельности. В указанном случае возможен спор о том, что в качестве покупателя может выступить физическое лицо, не осуществляющее предпринимательскую деятельность. Из доминирующей судебной практики следует сделать вывод о том, что в таких правоотношениях, важен не сам факт наличия статуса лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность; важна цель приобретения и дальнейшего использования товара. При этом стоит указать, что иногда при разрешении дела по существу в качестве субъекта предпринимательской деятельности оказывается именно лицо, обладающее определенным статусом индивидуального предпринимателя, как в деле № А32-47431/2019 [3].

Исходя из общей практики и соглашаясь с мнением Д.В. Перепеченова, делаем вывод о том, что физическое лицо, у которого отсутствует статус индивидуального предпринимателя, признается участником предпринимательских отношений при заключении договор поставки [4].

Немаловажно стоит отметить то, что законодателем императивно не определена форма заключения договора поставки. На практике, субъекты предпринимательской деятельности избегают заключения договора в письменной форме. Предлоги совершения указанных действий могут быть совершенно различными: «лояльность» менеджеров к клиентам, отсутствие договорённости по определённым спорным пунктам договора. В таком случае стороны ограничиваются товарными накладными или иными первичными бухгалтерскими документами. В случае несвоевременной оплаты, поставщик обращается с исковым заявлением в суд для взыскания суммы основного долга и неустойки, штрафов. Стоит указать, что встречается различная судебная практика: часть судебных дел разрешается в порядке положений законодательства о поставке, другая часть в части взыскания неосновательного обогащения, так как обязательство возникло в соответствии с нормами о кондикции ввиду «отпуска» товара без соблюдения письменной формы заключения договора.

Огромной проблемой в правоприменительной деятельности при поставке товаров является факт того, что существенные условия сделки не указываются в договоре, а определяются в спецификациях после подписания договора поставки. Такая форма договора не противоречит норме закона и более того имеет ряд преимуществ. Однако, судебная практика показывает, что в многочисленных случаях при отсутствии согласованной спецификации договоры признаются незаключенными, что несет огромные риски для поставщика [5].

Отдельно стоит обратить внимание на то, что при заключении договора поставки важным аспектом является порядок оплаты товара. Несоблюдение условий о порядке оплаты за поставленный товар только на поверхности считаются малозначительными, однако с точки зрения закона стороны изменяют условия договора конклюдентными действиями, что влечет необратимые последствия, такие как: невозможность взыскания договорной неустойки в последующем при обращении в суд и изменение порядка оплаты.

Настоящий анализ позволяет сделать вывод, диспозитивность норм закона о договоре поставки позволяет сторонам свободно регулировать свои товарно-денежные отношения, однако контрагенты должны очень внимательно относиться ко всем деталям во избежание «попадания» в заведомо невыгодные или обременительные условия.

Вышеуказанные факты показывают, что после принятия Гражданского кодекса Российской Федерации накопилась значительная правоприменительная практика, которая может помочь в совершенствовании положений закона о договоре поставке.

Как отмечают, многие исследователи, из-за наследия командно-административной экономической системы на положения закона о договоре поставки «наложен отпечаток» преимущества товаропроизводителей и поставщиком. Эта российская особенность обусловлена отсутствием рыночной экономике на протяжении более семидесяти лет, хотя в современном мире прослеживается тенденция «борьбы» за покупателя в условиях жесточайшей конкуренции.

Конструкции многих правовых норм прямо ориентированы на интересы поставщиков. К примеру, в силу положений п. 2 ст. 467 ГК РФ в случае если ассортимент товара не определен, продавец вправе самостоятельно определить ассортимент товара, или полностью отказаться от исполнения договора. Такие законодательные закрепления не могут «работать» во благо потребителей и отвечать современным реалиям постиндустриального общества. Учитывая современные реалии логично заменить формулировку согласно, которой ассортимент товара должен определяться в соответствии с потребностями покупателя.

Аналогичные нормы, которые устанавливают своеобразные «льготы» для поставщика также отражены в ГК РФ. Очередной «льготной» нормой закона для поставщика являются сроки поставки товара. Нормой ст. 508 ГК РФ предусмотрено, что сроки поставки определяются по договоренности сторон, в противном случае ежемесячно исходя из их равномерности. Указанная норма полностью «копирует» советский подход госфункционирования торговли и явно не отражает современные реалии развития торговых сетей и обеспечения спроса покупателей. Настоящая архаичная норма может использоваться только при поставке сырья, но ни как для быстрого и качественного снабжения товаров покупателям [6].

Нами отмечена только часть преимуществ прав поставщика перед покупателем. Законодательные нормы склоняются в пользу поставщика и в других аспектах, а именно: выбор транспортного средства или условий доставки товаров (п. 1 ст. 510 ГК); отказ от договора при несвоевременной невыборке товара (п.2 ст. 515 ГК).

По-нашему мнению, «однобокие» нормы в любом случае не являются большим упущением или просчетом законодателя, это совокупность всех обстоятельств того времени, когда разрабатывались данные положения. В настоящее время законодательные положения о договоре поставки требуют совершенствования.

Совершенствование законодательных положений обязательно должно исходить из-за равенства сторон, так как при осуществлении предпринимательской деятельности это обстоятельство является самым важным в силу того, что в случае занятия одной из сторон сверхдоминирующего положения приведет только к ухудшению ситуации в экономике, что в первую очередь отразится на потребителях.

В настоящее время для недопущения стороны при заключении договора поставки должны внимательно изучать все положения заключаемого договора для недопущения ущемления своих прав и во избежание «попадания» в заведомо невыгодные условия.

Литература

1. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. 2. М., 2003. С. 129.
2. Гражданский кодекс РФ (часть вторая) от 26 января 1996 года №14-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.) // Российская газета. 6, 7, 8 февраля 1996 г. № 23,24,25.
3. Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 20.01.2020 г. по делу А32-47431/2019 // Справочно-правовая система «Гарант».
4. Перепеченов Д.В. Особенности правового положения сторон договора поставки // Приволжский научный вестник. 2013. № 10 (26). С. 84 – 86.
5. Доказывание передачи вещи при разрешении споров по договорам поставки и купли-продажи (Утверждено постановлением Президиума Арбитражного Суда Республики Марий Эл № 27 от 8 октября 2012 г.) // Официальный сайт Арбитражного суда Республики Марий Эл.
6. Вахнин И. Формирование условий и заключение договоров поставки продукции // Хозяйство и право. 1996. № 12. С. 152.

References

1. Shershenevich G.F. Kurs torgovogo prava. T. 2. M., 2003. S. 129.
2. Grazhdanskij kodeks RF (chast' vtoraja) ot 26 janvarja 1996 goda №14-FZ (red. ot 01.07.2021 g.). Rossijskaja gazeta. 6, 7, 8 fevralja 1996 g. № 23,24,25.
3. Opredelenie Arbitrazhnogo suda Krasnodarskogo kraja ot 20.01.2020 g. po delu A32-47431/2019. Spravochno-pravovaja sistema «Garant».
4. Perepechenov D.V. Osobennosti pravovogo polozhenija storon dogovora postavki. Privolzhskij nauchnyj vestnik. 2013. № 10 (26). S. 84 – 86.
5. Dokazyvanie peredachi veshhi pri razreshenii sporov po dogovoram postavki i kupli-prodazhi (Utverzhdeno postanovleniem Prezidiuma Arbitrazhnogo Suda Respubliki Marij Jel № 27 ot 8 oktjabrja 2012 g.). Oficial'nyj sajt Arbitrazhnogo suda Respubliki Marij Jel.
6. Vahnin I. Formirovanie uslovij i zakljuchenie dogovorov postavki produkci. Hozjajstvo i pravo. 1996. № 12. S. 152.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕТОДЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ПРЕСЕЧЕНИЯ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Акимжанов Е.С.,
Академия управления МВД России

Аннотация: проблематика исследования обусловлена тем, что в июле 2017 г. в Республике Казахстан была отменена уголовная ответственность за нанесение побоев и причинение легкого вреда здоровью, что привело к декриминализации домашнего насилия и увеличению уровня латентности правонарушений, связанных с насильственными действиями относительно членов семьи и иных лиц в сфере семейно-бытовых отношений. Цель: раскрытие содержания административно-правовых методов предупреждения и пресечения домашнего насилия в Казахстане; выработка новых подходов к пониманию сущности домашнего насилия, административно-правовых методов предупреждения и профилактики домашнего насилия, содержание деятельности, связанной с предупреждением и пресечением домашнего насилия, реализуемой посредством применения соответствующих административно-правовых методов. Результаты и выводы: предложены определения категорий «домашнее насилие», «административно-правовые методы предупреждения и профилактики домашнего насилия». Раскрыто содержание деятельности, связанной с предупреждением и пресечением домашнего насилия, реализуемой посредством применения соответствующих административно-правовых методов. Определены пределы применения терминосистемы, связанной с определением сущности и содержания методов предупреждения и пресечения домашнего насилия.

Ключевые слова: домашнее насилие, бытовое насилие, предупреждение и пресечение правонарушений, методы предупреждения и пресечения домашнего насилия

ADMINISTRATIVE AND LEGAL METHODS OF PREVENTION AND SUPPRESSION OF DOMESTIC VIOLENCE IN KAZAKHSTAN

Akimzhanov E.S.,
Academy of Management of the Interior Ministry of Russia

Abstract: the problems of the study are due to the fact that in July 2017, criminal liability for battery and minor injury to health was abolished in the Republic of Kazakhstan, which led to the decriminalization of domestic violence and an increase in the level of latency of offenses related to violent acts against family members and other persons in the field of family and household relations. Purpose: disclosure of the content of administrative and legal methods of prevention and suppression of domestic violence in Kazakhstan; development of new approaches to understanding the essence of domestic violence, administrative and legal methods of prevention and prevention of domestic violence, the content of activities related to the prevention and suppression of domestic violence, implemented through the use of appropriate administrative and legal methods. Results and conclusions: definitions of the categories "domestic violence", "administrative and legal methods of prevention and prevention of domestic violence" are proposed. The content of activities related to the prevention and suppression of domestic violence, implemented through the use of appropriate administrative and legal methods, is disclosed. The limits of the use of the term system associated with the definition of the essence and content of methods for the prevention and suppression of domestic violence are determined.

Keywords: domestic violence, household violence, prevention and suppression of offenses, methods of prevention and suppression of domestic violence

Актуальность исследования сущности и содержания административно-правовых методов предупреждения и пресечения домашнего насилия в Казахстане обусловлена возрастанием числа посягательств на совершение и количества совершенных актов домашнего насилия, количество которых увеличилось в связи с установлением ограничений, связанных с внедрением карантина и вынужденной изоляции населения, спровоцированных пандемией коронавирусной инфекции COVID-19.

Противодействие домашнему насилию является частью политики любого современного правового социального государства, для которого права человека – это одна из высших ценностей. Социальная политика Казахстана направлена на формирование нулевой толерантности общества к домашнему насилию, поэтому каждое обращение в органы внутренних дел Республики Казахстан (далее – ОВД РК) по факту совершения насильственных действий в быту – это не просто статистика, а жизнь отдельного человека, проблема и боль целой семьи. Соответственно, целью государства является усиление реагирования на этот вызов; при этом, реакция должна быть абсолютно конкретной и начинаться на уровне функционирования правоохранительных органов, местных представительных и исполнительных органов,

соответствующих уполномоченных комиссий, органов в системе образования и здравоохранения, и заканчиваться в каждой семье. Указанное проистекает из положений Главы 2 «Субъекты профилактики бытового насилия» Закона Республики Казахстан от 4 декабря 2009 года №214-IV «О профилактике бытового насилия» [1] (далее – Закон РК №214), регламентирующей правовой статус соответствующих субъектов в сфере предупреждения и пресечения (профилактики) домашнего насилия в Казахстане. При этом, дефиниция домашнего насилия, выступающего объектом настоящего исследования, в упомянутом Законе РК №214 не приведена, однако, основываясь на результатах анализа положений п. 2 ч. 1 ст. 1 этого Закона, а также ч. 1 ст. 73 Кодекса об административных правонарушениях Республики Казахстан [2] (далее – КоАП РК), в рамках данной статьи под домашним насилием будет пониматься умышленное противоправное деяние (действие или бездействие) одного лица в сфере семейно-бытовых отношений в отношении другого (других), причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания, выраженное в форме нецензурной браны, оскорбительного приставания, унижения, повреждения предметов домашнего обихода и другие действия, выраждающих неуважение к лицам, состоящим с правонарушителем в семейно-бытовых отношениях, нарушающих их спокойствие, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния.

По официальным данным, в течение 2020 г. ОВД РК зарегистрировано более 2,5 тысяч обращений о совершении бытового насилия. В результате проверки таких обращений, было возбуждено 1071 уголовных дел по факту совершения насильтственных действий, что на 4,7% больше, чем в предыдущем году [3]. При этом, если сравнивать период, связанный с началом пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 в Казахстане, то прирост обращений относительно ситуаций, содержащих признаки домашнего насилия в системе бытового насилия, составил 23,6%. По данным Организации Объединенных Наций, за первый месяц карантина и вынужденной изоляции населения, количество обращений в службу доверия общественного движения #НемолчиKZ относительно случаев домашнего насилия возросло с 10,1 тысяч до 12,5 тысяч сообщений. Кроме того, если до начала пандемии 80% сообщений указывали на совершение (или попытки совершения) актов сексуального насилия, то в период изоляции около 60-70% заявителниц сообщали уже о домашнем насилии – как связанном, так и не связанном с сексуальной агрессией [4]. Учитывая высокую латентность домашнего (бытового) насилия в Казахстане с его зачастую традиционным обществом, указанное свидетельствует о высокой значимости осуществления профилактических мер, реализуемых посредством осуществления административно-правовых методов предупреждения и пресечения домашнего насилия в Казахстане.

Совершенствование и содержательное обновление правовых инструментов регулирования административно-правовых отношений в контексте противодействия домашнему насилию является одной из перманентно разрешаемых задач правовой доктрины, которая находится в неустанных поисках путей использования идеальных рычагов правового воздействия на проистекающие из необходимости противодействия домашнему насилию общественные связи, поддающиеся корректированию при помощи соответствующего механизма регулирования. В контексте указанного, правильное понимание назначения и корректное применение методов административного права станет надежным теоретическим фундаментом, позволяющим спрогнозировать конкретные прикладные исследования этой проблематики.

Прежде, чем непосредственно исследовать административно-правовые методы предупреждения и пресечения домашнего насилия, следует, опираясь на известные теоретические разработки этого вопроса, сделать несколько важных уточнений, касающихся метода правового регулирования в целом. Во-первых, следует определиться со смысловым наполнением этой категории, во-вторых, определить составляющие элементы метода правового регулирования, в-третьих, дать оценку метода права как критерия дифференциации правовых отраслей. Усматривается, что полученные исходные данные дадут возможность более логично и корректно оценить административно-правовые методы предупреждения и пресечения домашнего насилия в Республике Казахстан.

В теории права еще в прошлом веке метод правового регулирования рассматривался как «совокупность приемов и способов воздействия на поведение участников общественных отношений» [5, с. 100]; специфическим для каждой отрасли права сочетанием диспозитивных и императивных начал с общественными отношениями, составляющих предмет отрасли права [6, с. 238].

По нашему убеждению, метод правового регулирования не является основной характеристикой любой отрасли права; он не является конкретным залогом правильного определения однородности и обособленности той или иной группы отношений. Вместе с тем, не вполне корректным представляется и утверждение, что только предмет правового регулирования позволяет правильно и однозначно оценить общественные отношения с точки зрения их принадлежности к той или иной правовой сфере. Определяя

предмет основным критерием дифференциации отраслей права, позволим себе предположить, что метод правового регулирования является фактором, который бесспорно влияет на такую оценку, хотя и значимость метода как такового фактора все же вторична.

Вместе с тем, мы придерживаемся мнения, что специфичность характерного для правовых методов принуждения или сочетания его элементов (в том числе и санкций) в отдельных случаях позволяет дифференцировать группы отношений не только по предмету правового регулирования, но и по методу. Так, например, перманентными проявлениями принуждения в административном праве является взыскание, в гражданском – конфискационные, стимулирующие (штрафные), компенсационные санкции, в уголовном праве – наказание. По общему правилу, каждая отрасль оперирует собственным, характерным только для нее инструментарием принуждения, что дает возможность отделить ее от других отраслей. В то же время, возможность совмещения по своей сути гражданско-правовых (конфискация, штрафы и т.д.) и, например, чисто административно-правовых (лишение специального права, предоставленного гражданину, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, аннулирование лицензии и т.п.) санкций является не свидетельством какого-то ситуативного смешения методов правового регулирования, а логическим продолжением тезиса о возможности сбалансированного использования различных по своей сути инструментов правового воздействия (императивного и диспозитивного).

Представляется, что специфика административно-правовых методов состоит в специфическом сочетании императивных и диспозитивных начал правового регулирования, балансе использования разрешений, предписаний и запретов. По нашему мнению, метод административного права как правовую категорию следует рассматривать в широком смысле как специфическую совокупность зафиксированных в административно-правовых нормах способов и приемов (средств) воздействия на общественные отношения, формирующие предмет административного права, сбалансированное применение которых позволяет создать надлежащие и достаточные условия для обеспечения реализации и защиты прав человека в публичной сфере, а в узком смысле как конкретную совокупность инструментов регулирующего воздействия на отдельный вид административных правоотношений.

В контексте настоящего исследования при определении административно-правовых методов предупреждения и пресечения домашнего насилия в Казахстане, следует отметить, что таковые на сегодняшний день не имеют терминологического определения и не упоминаются как в профильных законодательных актах – КоАП РК и Законе РК №214, так и в правовой доктрине. Отчасти их содержание раскрывается, например, в официальной информации МВД РК относительно применения положений Закона РК №214 и Закона Республики Казахстан от 29 апреля 2010 года №271-IV «О профилактике правонарушений» [7], где отмечается, что «с поэтапным совершенствованием методов профилактики правонарушений в сфере быта, в распоряжении полиции появились реальные рычаги воздействия на семейных дебоширов, позволяющие проводить с ними предметную индивидуально-профилактическую работу. <...> сотрудники полиции, путем вынесения специальных защитных предписаний, были наделены правом устанавливать в отношении домашних «тиранов» определенные запреты, ограничивающие его контакт с жертвой на срок до 1-го месяца» [8].

В диссертационном исследовании А.А. Гайдукова, посвященном административно-правовому регулированию деятельности полиции по предупреждению и пресечению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений [9, с. 19], правовые методы, способы и средства борьбы с правонарушениями в указанной сфере находятся в прямом соотношении с социальной политикой государства и реализуются в том числе посредством деятельности полиции.

Кроме того, А.А. Гайдуков отмечает, что «предупреждение и пресечение правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений при несении службы на административном участке» реализуется в том числе посредством применения «эффективных форм и методов предупреждения правонарушений», включая «проведение индивидуальной профилактической работы с лицами, совершившими правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений и представляющими опасность для окружающих» [9, с. 87].

Исходя из указанного, под административно-правовыми методами предупреждения и профилактики домашнего насилия предлагаем понимать меры воздействия на субъектов, совершающих или склонных к совершению домашнего (бытового) насилия («реальные рычаги воздействия на семейных дебоширов»), реализуемые посредством осуществления предметной индивидуально-профилактической работы с применением установленных административным законодательством Республики Казахстан запретов и ограничений, включая вынесение ОВД РК специальных защитных предписаний.

В юридической литературе нет единого мнения относительно исчерпывающего перечня административно-правовых методов, следует отметить, что при административном регулировании конкретных объектов применяются различные приемы и способы, которые являются различными при регулировании других объектов, поэтому установление определенного перечня административно-правовых методов возможно лишь в отношении конкретного объекта, притом, такой список не будет постоянным. Кроме того, используются общие методы для всех объектов административно-правового регулирования и ряд специфических методов.

Соответственно, в контексте проводимого исследования под системой административно-правовых методов предупреждения и пресечения домашнего насилия в Казахстане следует понимать совокупность как общеправовых методов, таких как наиболее применимые в административном праве методы: императивный (установление обязывающих предписаний, установление запретов и предоставления разрешений) и диспозитивный (предоставление рекомендаций, поощрение, убеждение, так и специальных, например, метод реординации. Административно-правовому регулированию предупреждения и пресечения домашнего насилия присущи в разном соотношении все три способа правового регулирования: установление обязывающих предписаний, установление запретов и предоставление разрешений.

Следует согласиться с позицией Ш.С. Тогайбаевой, А.И. Тогайбаева, Д.И. Тогайбаева, А.Н. Курмангожиной, утверждающих, что в контексте предупреждения и пресечения домашнего насилия под методами профилактики следует отнести комплекс социальных и специальных мер, осуществляемых органами исполнительной власти, местного самоуправления, правоохранительными органами, направленных на выявление, предупреждение и прекращение домашнего насилия, недопущение его в будущем, привлечение к ответственности лиц, виновных в совершении домашнего насилия [10, с. 287-288].

Исходя из указанного, применение определенных методов и форм обусловлено особенностью объекта административно-правового регулирования в конкретной сфере, которая определена нормами законодательства и спецификой отрасли. Что касается непосредственного содержания административно-правовых методов деятельности полиции, в том числе применительно к осуществлению предупреждения и пресечения домашнего насилия, следует согласиться с наиболее распространенной в правовой доктрине позицией, в соответствии с которой метод – это «способ, прием практического осуществления чего-либо. Основой для применения методов административной деятельности органов внутренних дел выступают два общих универсальных способа воздействия на сознание и волю людей в любой сфере деятельности: убеждение и принуждение» [11, с. 23; 12, с. 32].

Метод принуждения можно отнести к группе императивных методов, поскольку в его содержание входит запрет определенных действий. Так, применение физического и эмоционального насилия в семье, в особенности – в отношении детей или зависимых членов семьи, не допускается и прямо запрещено нормами КоАП РК и Закона РК №214. При административно-правовом регулировании в сфере предупреждения и пресечения домашнего насилия методы принуждения реализуются через институт административной ответственности.

Метод убеждения можно охарактеризовать с точки зрения существования потребности разъяснения уполномоченными субъектами положений нормативно-правовых актов государства, целесообразности их принятия и необходимости соблюдения именно таких правил поведения всеми участниками общественных отношений в сфере предупреждения и пресечения домашнего насилия в Казахстане. Метод убеждения формирует правовую культуру и правовое сознание, а также в целом вообще правовое поведение физических лиц, предотвращая совершение правонарушений. Разумеется, метод убеждения должен находиться во взаимодействии с методом принуждения, поскольку осознание лицом негативных последствий в результате совершенного правонарушения является залогом убеждения в необходимости поведения человека в соответствии с нормами права. В связи с указанным, следует согласиться с позицией Б. Лазарева о том, что убеждение представляет собой «непосредственное влияние на сознание, волю и эмоции объектов регулирования через разъяснение им содержания, аргументации необходимости принятия и реализации соответствующих решений, призыв выполнять их, а также материальное и идеологическое положительное стимулирование такого выполнения» [13, с. 173].

Метод поощрения как средство воздействия заключается в том, чтобы через сознание человека формировать в нем потребность совершения соответствующих нормам права и морали поступков в сфере брачно-семейных отношений, реализацию правильного поведения, связанную с неприятием домашнего насилия. Поощрение, направленное на одобрение уже совершенных деяний, является составной частью государственного контроля, проистекая из нормы о запрете совершения домашнего насилия.

К специальному методу административно-правового регулирования в сфере предупреждения и пресечения домашнего насилия следует отнести реординацию, сущностью которой является следующее: а)

с одной стороны, гражданам предоставляется право требовать от государственно-властных субъектов надлежащего поведения относительно реализации прав и свобод человека и гражданина в сфере защиты от домашнего насилия, б) с другой стороны, на указанных субъектов законом возлагаются четкие обязанности по неуклонному выполнению вышеуказанных требований в целях защиты граждан. Гражданин становится в определенном смысле равноценной стороной в отношениях с государством. Обеспечение подобной равноценности должно составлять одну из важнейших характеристик административно-правового регулирования, тесно связанную с применением диспозитивного метода. Так, граждане имеют право требовать от правоохранительных органов, местных представительных и исполнительных органов, соответствующих уполномоченных комиссий, органов в системе образования и здравоохранения предоставлять информацию о мерах защиты от домашнего насилия, а также применения мер противодействия таковому, в том числе путем предупреждения и пресечения соответствующих правонарушений.

Государственное регулирование противодействия домашнему насилию должно учитывать особенности регулирования брачно-семейных отношений в Республике Казахстан, которое тесно связана со сферой обеспечения социальной стабильного развития общества и государства.

Основываясь на представленных позициях, следует отметить, что предупреждение и пресечение домашнего насилия, реализуемое посредством применения соответствующих административно-правовых методов, обеспечивается организационно-правовым влиянием на объект домашнего насилия, имеет урегулированную нормативно-правовыми актами общую, упорядоченную, организованную деятельность правоохранительных органов, местных представительных и исполнительных органов, соответствующих уполномоченных комиссий, органов в системе образования и здравоохранения, общественных организаций, принимающих соответствующие меры по предупреждению и противодействию, выявлению фактов и установлению детерминант домашнего насилия, и привлечению правонарушителей к уголовной, административной, гражданско-правовой ответственности.

Следовательно, предотвращение и предупреждение домашнего насилия находится в плотной взаимосвязи с противодействием домашнему насилию, однако в отличие от последнего оно является индивидуально направленным и реализуется до совершения лицом административного правонарушения, в процессе подготовки к его совершению или непосредственно на этапе совершения до наступления общественно опасных последствий.

Пределы функционирования терминосистемы противодействия домашнему насилию определяются конкретной ситуацией прекращения (предупреждения и пресечения) административного правонарушения, оказания помощи и защиты лицу, против которого такое правонарушение реализовалось или планировалось к реализации, формирования неравнодушного отношения к лицам, в отношении которых совершаются или могут быть совершены акты домашнего насилия, прежде всего к заведомо слабым социальным категориям – детям, инвалидам, социально зависимым взрослым лицам, искоренению представлений и насилии в семье как в норме и к традициям осуществления насилия как неадекватной нормам закона и социума мере воспитательного воздействия или внутрисемейного взаимодействия.

Пределы применения терминосистемы, связанной с определением сущности и содержания методов предупреждения и пресечения домашнего насилия, определяются собственно процедурой профилактики домашнего насилия, а также спецификой расследования уже совершенных актов насилия, привлечением к ответственности виновных лиц, изменением их поведения, повышением уровня осведомленности общества о формах, причинах и последствиях домашнего насилия, формированием нетерпимого отношения к насильственным действиям в семейных отношениях.

Проанализированные аспекты обуславливают значимость дальнейшего исследования специфики предупреждения и пресечения домашнего насилия в Республике Казахстан, в том числе с применением административно-правовых методов осуществления таковой деятельности, реализуемой органами внутренних дел Республики Казахстан.

Литература

1. Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2009 года №214-IV «О профилактике бытового насилия» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.07.2020 г.) // Казахстанская правда. 2009. № 293 (26037).
2. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.07.2021 г.) // Казахстанская правда. 2014. № 135 (27756).

3. На 4,7% возросло количество бытовых преступлений в Казахстане за год [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kursiv.kz/news/obschestvo/2021-04/na-47-vozroslo-kolichestvo-bytovykh-prestupleniy-v-kazakhstane-za-god> (дата обращения: 20.09.2021 г.)
4. Новости ООН. Бытовое насилие в Казахстане: «Все это свалилось на нас буквально за месяц» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://news.un.org/ru/interview/2020/05/1377672> (дата обращения: 15.09.2021 г.)
5. Рукавишникова И.В. Метод финансового права / Отв. ред. Н.И. Химичева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 288 с.
6. Гавриков В.П. Теория государства и права. М.: Юрайт, 2019. 454 с.
7. Закон Республики Казахстан от 29 апреля 2010 года № 271-IV «О профилактике правонарушений» // Казахстанская правда. 2010. № 118 (26179).
8. Информация МВД РК о проблемах бытового насилия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.hrw.org/sites/default/files/supporting_resources/kaz_interior_ministry_replytohrw.pdf (дата обращения: 25.09.2021 г.)
9. Гайдуков А.А. Административно-правовое регулирование деятельности полиции по предупреждению и пресечению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений: дис. ... к.ю.н. Омск, 2018. 180 с.
10. Тогабаева Ш.С., Тогабаев А.И., Тогабаев Д.И., Курмангожина А.Н. Совершенствования законодательства Республики Казахстан по предотвращению насилия в отношении женщин // Вестник Омского регионального института. 2018. № 1. С. 286 – 290.
11. Демидов Ю.Н., Костенников М.В., Куракин А.В. Административная деятельность органов внутренних дел: учебник: в 2 ч. Домодедово: ВИПК МВД России, 2016. Ч. 1: Общая часть. 285 с.
12. Посулихина Н.С. Актуальные проблемы административного права и процесса // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4. С. 31 – 33.
13. Лазарев Б.М. Государственное управление на этапе перестройки. М.: Юрид. лит, 1988. 320 с.

References

1. Zakon Respubliki Kazahstan ot 4 dekabrya 2009 goda №214-IV «O profilaktike bytovogo nasiliya» (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 07.07.2020 g.). Kazahstanskaya pravda. 2009. № 293 (26037).
2. Kodeks Respubliki Kazahstan ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 5 iyulya 2014 goda № 235-V (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 02.07.2021 g.). Kazahstanskaya pravda. 2014. № 135 (27756).
3. Na 4,7% vozroslo kolichestvo bytovyh prestuplenij v Kazahstane za god [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://kursiv.kz/news/obschestvo/2021-04/na-47-vozroslo-kolichestvo-bytovykh-prestupleniy-v-kazakhstane-za-god> (data obrashcheniya: 20.09.2021 g.)
4. Novosti OON. Bytovoe nasilie v Kazahstane: «Vse eto svalilos' na nas bukval'no za mesyac» [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://news.un.org/ru/interview/2020/05/1377672> (data obrashcheniya: 15.09.2021 g.)
5. Rukavishnikova I.V. Metod finansovogo prava. Otv. red. N.I. Himicheva. M.: Norma: INFRA-M, 2011. 288 s.
6. Gavrikov V.P. Teoriya gosudarstva i prava. M.: YUralt, 2019. 454 s.
7. Zakon Respubliki Kazahstan ot 29 aprelya 2010 goda № 271-IV «O profilaktike pravonarushenij». Kazahstanskaya pravda. 2010. № 118 (26179).
8. Informaciya MVD RK o problemah bytovogo nasiliya [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.hrw.org/sites/default/files/supporting_resources/kaz_interior_ministry_replytohrw.pdf (data obrashcheniya: 25.09.2021 g.)
9. Gajdukov A.A. Administrativno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti policii po preduprezhdeniyu i presecheniyu pravonarushenij v sfere semejno-bytovyh otnoshenij: dis. ... k.yu.n. Omsk, 2018. 180 s.
10. Togabaeva SH.S., Togabaev A.I., Togobaev D.I., Kurmangozhina A.N. Sovershenstvovaniya zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan po predotvrazheniyu nasiliya v otnoshenii zhenshchin. Vestnik Omskogo regional'nogo instituta. 2018. № 1. S. 286 – 290.
11. Demidov YU.N., Kostennikov M.V., Kurakin A.V. Administrativnaya deyatel'nost' organov vnutrennih del: uchebnik: v 2 ch. Domodedovo: VIPK MVD Rossii, 2016. CH. 1: Obshchaya chast'. 285 s.
12. Posulihina N.S. Aktual'nye problemy administrativnogo prava i processa. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2015. № 4. S. 31 – 33.
13. Lazarev B.M. Gosudarstvennoe upravlenie na etape perestrojki. M.: YUrid. lit, 1988. 320 s.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УТИЛИЗАЦИИ СУДОВ

Анянова Е.С., кандидат юридических наук,
Legum Magister, Doctor iuris
юрисконсульт ООО «Балтторг»

Аннотация: в статье речь идет о научно-правовом анализе положений Международной конвенции об удалении затонувших судов и Гонконгской международной конвенции о безопасной и экологически приемлемой переработке судов. Оба документа в настоящее время на территории Российской Федерации не действуют.

Началом в решении проблемы цивилизованной утилизации судов является присоединение России к Международной конвенции об удалении затонувших судов, принятой в г. Найроби (Кения) 18 мая 2007 г. В настоящее время на рассмотрении в Государственной думе РФ находится проект федерального закона «О присоединении Российской Федерации к Найробийской международной конвенции об удалении затонувших судов 2007 года».

Делается предложение создать фонд утилизации судов или альтернативного механизма финансирования (грантов, займов или технической помощи) с целью улучшения стандартов утилизации судов. Поскольку утилизация судов – дорогостоящий процесс, не всегда возможно утилизировать судно за счет владельцев. А утилизационные гранты позволяют судовладельцу утилизировать старое судно, а после получить возмещение расходов в размере до 10% стоимости утилизированной единицы флота. Представляется, что данная мера повысит интерес к утилизации среди судовладельцев, а издержки, связанные с улучшением качества защиты здоровья людей и окружающей среды, будут тем самым нести сами предприятия по утилизации судов.

Ключевые слова: разборка судов; верфь, демонтаж судов, утилизация судов, охрана окружающей среды, международное морское право

INTERNATIONAL LEGAL PROBLEMS OF THE UTILIZATION OF THE VESSELS

Anyanova E.S., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.),
Legum Magister, Doctor iuris,
LLC «BALTTORG», Legal Consultant

Abstract: the article is about the scientific legal analysis of the Nairobi International Convention on the Removal of Wrecks the Hong Kong International Convention for the Safe and Environmentally Sound Recycling of Ships. The both documents at present are not valid at the territory of the Russian Federation.

The beginning in the solution of the issue of the civilized utilization of the vessels is the accession of Russia to the International Convention for the Safe and Environmentally Sound Recycling of Ships, adopted in Nairobi (Kenya) on 18 May 2007. At present the State Duma of Russia considers the draft of the Federal law "On the accession of the Russian Federation to the

Nairobi International Convention on the Removal of Wrecks of 2007".

The proposal is made to establish a foundation on the utilization of vessels or alternative mechanism of financing (grants, loans or technical assistance) with the purpose to improve the standards of the utilization of ships. Since the utilization of ships is an expensive process, it is not always possible to utilize the vessel at the cost of owners. The utilization grants allow to the ship owner to utilize the old vessel, and after to receive the reimbursement of expenses in the amount of 10% of the price of the utilized fleet unit. It seems that this measure increases the interest to the utilization among the shipowners and the expenses connected with the improvement of the quality of the protection of the people's health and environment would be borne by that by the enterprises on the vessels utilization.

Keywords: ship breaking; shipyard; ship dismantling; utilization of ships; environment protection; international law of the sea

Введение

Целью данной статьи является исследование вопросов разборки судов в контексте международного морского права.

Брошенные суда причиняют вред окружающей среде повышенной концентрацией загрязняющих веществ. Помимо экологических проблем затопленные суда могут создавать и транспортные помехи. Еже-

годно во всем мире демонтируется и утилизируется около 600-700 списанных судов валовым тоннажем (ВТ) в 500 т и выше [2, с. 185]. Крупнейшими центрами утилизации судов являются такие государства как Китай, Индия (г. Аланг), Бангладеш (Читтагонг), Турция и Пакистан (побережье Гадани). 70% судов утилизируется в Южной Азии. В 2018 и 2019 г.г. на демонтаж в Южной Азии было продано 987 судов из 1418, переданных на разборку [6, р. 5]. И российские суда нередко разделяются и в странах Южной Азии. Привлекательными данные районы для разборки судов делают отсутствие социальных гарантий работающих и отсутствие строгих норм природоохранного законодательства.

Безусловно, в сфере судоходства необходимо дальше развивать привычку утилизировать суда, а не бросать их у причалов или в отдаленных, глухих частях морского пространства, как это принято в России. Оставшийся от судов металлом можно использовать для изготовления наперстков, иголок, строительства и др.

Однако, при демонтаже судна создаются опасные рабочие условия, ненужный ущерб для здоровья людей и для окружающей среды. Поэтому процесс их утилизации должен быть экологически грамотным, хотя в российском законодательстве обязанности утилизировать суда правильно с минимальным вредом окружающей среде не существует.

Началом в решении проблемы цивилизованной утилизации судов является присоединение России к Международной конвенции об удалении затонувших судов, принятой в г. Найроби (Кения) 18 мая 2007 г. 12 июля на рассмотрение в Государственную думу России был внесен проект федерального закона «О присоединении Российской Федерации к Найробийской международной конвенции об удалении затонувших судов 2007 года».

В статье рассматривается переработка судов с точки зрения международного права. Особое внимание уделяется утилизации судов в России.

Также рассматривается предложение создать фонд утилизации судов или альтернативного механизма финансирования с целью улучшения стандартов утилизации судов. Создание фонда необходимо, поскольку утилизация судов – дорогостоящий процесс, не всегда возможно утилизировать судно за счет владельцев. Для таких случаев предлагается утилизировать суда через предоставление Правительством РФ грантов на утилизацию судов, займов или технической помощи [1, с. 29].

Утилизационные гранты позволяют судовладельцу переработать старое судно, после получить возмещение расходов в размере до 10% стоимости утилизированной единицы флота. Представляется, что данная мера повысит интерес к утилизации среди судовладельцев, а издержки, связанные с улучшением качества защиты здоровья людей и окружающей среды, будут тем самым нести сами предприятия по утилизации судов.

Делаются выводы и предложения касательно совершенствования существующих международно-правовых документов.

1. Демонтаж

Более 95% судна можно утилизировать, а переработанные материалы использовать повторно.

Процессы демонтажа судов (также разборка старых судов или утилизация [1, с. 7]) проходят по-разному в зависимости от того, развитое это государство или нет. Процесс утилизации может быть высокомеханизированным (роботизированные резаки) с минимальным использованием рабочей силы (с дорогими средствами защиты и страхованием рабочих), а также с соблюдением экологических и санитарных требований при сливе технических жидкостей и дегазации. Подобный процесс демонтажа очень долгий и не самоокупается. Даже перепродажа металлом не покрывает затрат на демонтаж. Процесс разборки судов в Южной Азии немеханизированный и проводится усилиями значительного количества рабочей силы без социальной защиты.

В Турции, Китае и на некоторых верфях в Латинской Америке демонтаж судов ограниченно механизирован, но также предполагает значительное привлечение рабочей силы [1, с. 9].

2. О вреде утилизации судов

Считается, что процесс разборки судов приносит с собой значительное число пострадавших рабочих, однако точные статистические данные отсутствуют. Кроме того, симптомы некоторых заболеваний в том числе с летальным исходом начинаются лишь только через несколько лет после выполнения опасных работ [1, с. 16]. С 2009 г. было задокументировано по крайней мере 400 смертных случаев на пляжах, где занимаются разборкой. Большое количество рабочих получают профессиональные заболевания, включая рак и асбестоз [6, р. 4].

Не останавливают такие работы ни угроза окружающей среде, ни протесты активистов. К примеру, печально известный разлив нефти танкер “Exxon Valdez” был продан в марте 2012 г. судоразделочной компании GMS. Демонтаж был проведен несмотря на протесты активистов, которые требовали предостав-

вить судно для разборки в экологически чистом состоянии. Верховный суд Индии решил в 2012 г., что хотя вредные вещества находятся на судне, они будут удалены с судна только во время самого демонтажа, таким образом продолжив эпоху бесжалостной эксплуатации рабочих для разборки судов в Аланге Индии [5].

Утилизация судов оказывает вредное воздействие на окружающую среду, в особенности в Южной Азии. Это связано с неблагоприятным воздействием опасных отходов и продуктов, находящихся на списанных судах (асбест, ртуть, свинец, полихлорированные бифенилы, озоноразрушающие вещества). Посадка на мель на пляжи Южной Азии на открытом воздухе приводит к серьезному загрязнению береговых почв, воздуха, ресурсов морских и подземных вод [1, с. 2]. Однако затопленные неутилизированные суда не менее опасны для окружающей среды, поскольку при ржавении судна в воду выделяются токсичные материалы и не слитые жидкости.

3. Проблема брошенных кораблей в России

В условиях старения российского флота российскими судовладельцами стал приобретаться подержанный заграничный флот, что даже привело к внесению в КТМ РФ 1999 г. п. 1 ч. 7 ст. 33 положения о том, что запрещено регистрировать суда в Российском международном реестре судов старше 15 лет, хотя в других юрисдикциях регистрируют суда старше 20 лет. Введение подобной нормы неудивительно, ведь механизмы избавления от устаревшего гражданского флота в мире, практически, отсутствуют.

Официальные требования по утилизации судов в России по строгости соответствуют международным: корабли можно разбирать только в специально оборудованных доках, где они не могут загрязнить окружающую среду. В России, к примеру, демонтажом судов занимается ООО «Поморская судоверфь» в Архангельске (но она получает всего лишь несколько заказов в год).

В России значительное количество судов не утилизируются, а так и бросаются, затапливаются в акватории морских портов, причем места расположения таких судов указываются во внутренних нормативных актах портов с указанием координат расположения подводных препятствий в акватории морского порта (например, на территориях Сибири – Обь-Иртышский бассейн, на дне Канала имени Москвы и др.). Представляется необходимым внести законодательный запрет на затопление кораблей в связи с большим вредом, причиняемым окружающей среде, и сделать подобные действия административным правонарушением.

В настоящее время проводится значительная работа по подъему затонувших судов, в частности, из акватории Авачинской бухты, Магадана.

Соблюдение требований охраны окружающей среды, природопользования и экологической безопасности приводит к повышенной стоимости утилизации, в результате чего интерес даже к «серым» схемам у судовладельцев отсутствует.

Значительным минусом в отечественной утилизации судов является и сопровождающие утилизацию судов уголовные процессы [3], как, например, в случае с распилом рыболовного морозильного траулера "Камчатский лосось" на заводе "Объединённой судостроительной корпорации" (ОСК) "10 Ордена трудового красного знамени судостроительного завода" (10 СРЗ) в г. Полярный в 2021 г. в связи с подозрениями в мошенничестве в особо крупном размере.

4. Российская практика утилизации через суды

Заставить судовладельца производить утилизацию в России нельзя. Не существует и государственного органа с компетенцией контроля над утилизацией. Выданные администрацией порта предписания с требованием поднять судно, судовладелец может проигнорировать. Тогда администрация морского порта может требовать поднятия и утилизации судна, или компенсации собственных расходов на произведение данных действий, через суд. В российской действительности охрана окружающей среды при утилизации судов обеспечивается только через обращение в суд с участием прокурора. Это лишний раз говорит об отсутствии четкого механизма утилизации судов.

Таким образом, российская судебная практика (к примеру, административное дело N 2а-520/2019 по административному исковому заявлению Байкало-Ангарского транспортного прокурора на Федеральное бюджетное учреждение "Администрация Байкало-Ангарского бассейна внутренних водных путей"; определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24 февраля 2021 г. N 88-2341/2021 на гражданское дело N 2-251/2020 по иску Ханты-Мансийского межрайонного природоохранного прокурора в водоохранной зоне и русле реки Аган, где размещается металлом (затопленная баржа); определение Верховного Суда РФ от 28.06.2021 N 303-ЭС21-9178 по делу N A51-335/2020; определение судебной коллегии по гражданским делам Магаданского областного суда от 11 сентября 2018 года по делу N 33-610/2018 и апелляционной инстанции по иску Магаданского транспортного прокурора на территориальное управление Федерального агентства по управлению государственным имуществом в Магаданской области возложена

обязанность произвести подъем и удаление с акватории морского порта затонувшее судно FISH CARRIER "Малли") наглядно демонстрирует, что затонувшее имущество создает серьезную и непосредственную угрозу безопасности мореплавания или непосредственную угрозу причинения значительного ущерба морской среде загрязнением либо значительно препятствует осуществлению рыболовства, деятельности в порту и проводимым в нем работам (гидротехническим и другим). Также демонстрируется необходимость присоединения к международно-правовым документам.

5. Нормы международного права для утилизации кораблей

5.1. Найробийская международная конвенция об удалении затонувших судов

Началом в решении проблемы цивилизованной утилизации судов является присоединение России к Международной конвенции об удалении затонувших судов, принятой в г. Найроби (Кения) 18 мая 2007 г. Конвенция вступила в силу в 2015 г. 12 июля на рассмотрение в Госдуму был внесен проект федерального закона «О присоединении Российской Федерации к Найробийской международной конвенции об удалении затонувших судов 2007 года».

В соответствии со ст. 7 конвенции по получении известия о затонувшем судне затронутое государство должно срочно предупредить о характере и местонахождении затонувшего судна.

Согласно конвенции, если затонувшее судно представляет опасность, собственник представляет затронутому государству доказательства страхового или иного финансового обеспечения и удаляет затонувшее судно, представляющее опасность; если собственник не удаляет затонувшее судно, затронутое государство может удалить его наиболее быстрыми способами с учетом собственной безопасности и защиты морской среды, т. е. предусмотренный Конвенцией универсальный механизм страхования ответственности в части удаления затонувших судов позволит: обеспечить финансирование работ, необходимых для осуществления удаления затонувшего имущества собственником этого имущества или администрациями морских портов.

Всякое требование о возмещении расходов, возникающее на основании настоящей Конвенции, может быть предъявлено непосредственно к страховщику или к иному лицу, предоставившему финансовое обеспечение ответственности зарегистрированного собственника.

А вот в российском законодательстве не проработан вопрос предоставления гарантий или финансового обеспечения от возможного ущерба, связанного с морским судоходством, в части удаления затонувших судов во внутренних морских водах, территориальном море РФ и исключительной экономической зоне РФ, что делает необходимым и важным присоединение к данной конвенции.

Неучастие Российской Федерации в Конвенции делает Россию зоной вне контроля для списанных судов.

5.2. Гонконгская международная конвенция о безопасной и экологически приемлемой переработке судов

Еще одним документом, способным повлиять на процесс цивилизованной утилизации судов является Гонконгская международная конвенция о безопасной и экологически приемлемой переработке судов, принятая 15 мая 2009 года под эгидой Международной морской организации (ИМО). Ратифицирована эта конвенция лишь незначительным количеством государств, в т.ч. Бельгии, Конго, Хорватией, Данией, Эстонией, Францией, ФРГ, Ганой, Индией, Японией, Мальтой, Голландией, Сербией, Норвегией, Панамой, Испанией, Турцией.

Россия данную конвенцию не ратифицировала. Кроме того, Конвенция еще не вступила в силу.

Согласно положениям Конвенции выдается международный сертификат о готовности судна к утилизации, что подразумевает удаление с судна опасных материалов и т. п. Стороны Конвенции обязаны запрещать и/или ограничивать размещение или использование опасных материалов, перечисленных в приложении 1 (асбест, озоноразрушающие вещества, ПХД и составы и системы для удаления загрязнений), на судах, несущих их флаг или зарегистрированных в них либо эксплуатируемых под их властью (положение 4.1) [1, с. 26].

Таким образом, Конвенция об утилизации судов должна сводить к минимуму вред для окружающей среды от демонтажа судов (статья 1.1).

Но Конвенция подробно не регулирует многие важные аспекты деятельности по демонтажу судов, такие, как предупреждение неблагоприятных последствий для здоровья людей и окружающей среды [1, с. 28], что по сути делает отчасти бесполезным [4, р. 196].

Представляется чрезмерно большой и ответственность развивающихся стран за демонтаж судов (требования минимизации объема остаточных грузов, топливного масла и отходов на борту до направления судов на предприятие по утилизации), что является недостатком Конвенции. Гонконгская конвенция презумирует формальное равенство между развитыми и развивающимися государствами.

В настоящее время невозможно полностью прекратить судоразборку в развивающихся государствах. Общий запрет примитивной судоразборки результируется в аккумулировании списанных судов с большим вредом окружающей среды.

Также конвенция не включает положений о фонде для целей переработки судов [4, р. 229].

В пользу принятия Гонконгской международной конвенции говорит потребность в том, чтобы списываемые суда не создавали ненужных рисков для здоровья и безопасности людей и окружающей среды при демонтаже [2, с. 188].

6. Гранты

Как уже было упомянуто выше, необходимо скорее создать фонд утилизации судов или альтернативного механизма финансирования (предоставление грантов на утилизацию судна, займов или техническая помощь) с целью улучшения стандартов утилизации судов [1, с 29-30]. В концепции фонда расходы на переработку должны ложиться на продуманный субъект, чтобы расходы на охрану окружающей среды не превышали экономическую выгодность [4, р. 230].

Утилизационные гранты позволяют судовладельцу утилизировать старое судно, после получить возмещение расходов в размере до 10% стоимости утилизированной единицы флота. Представляется, что данная мера повысит интерес к утилизации среди судовладельцев, а издержки, связанные с улучшением качества защиты здоровья людей и окружающей среды, будут тем самым нести сами предприятия по утилизации судов.

Заключение

Так как проблема утилизации продолжает оставаться нерешенной, государства должны способствовать тому, чтобы судовладельцы обращались для сохранения экологии и окружающей среды в специализирующиеся предприятия по разделке и утилизации судов. Хотя демонтаж судов является важным источником доходов для соответствующих стран и обеспечивает работой многих людей, отказаться от "пляжного" метода демонтажа судов, мировая промышленность должна отказаться от "пляжного" метода, однако в настоящий момент подобное практически неосуществимо, особенно в развивающихся государствах. Общий запрет примитивной судоразборки результируется в аккумулировании списанных судов с большим вредом окружающей среды..

Существующие международные документы не регулируют многие важные аспекты деятельности по демонтажу судов [1, с. 28]. Представляется чрезмерно большой и ответственность развивающихся стран за демонтаж судов (требования минимизации объема остаточных грузов, топливного масла и отходов на борту до направления судов на предприятие по утилизации), что делает необходимым создание фонда утилизации судов или альтернативного механизма финансирования, с целью улучшения стандартов утилизации судов (предоставление грантов на утилизацию судов, займов или технической помощи).

Данная мера должна повысить интерес к утилизации среди судовладельцев.

Литература

1. ГА ООН. Совет по правам человека. Доклад Специального докладчика по вопросу о неблагоприятных последствиях незаконных перевозок и захоронения токсичных и опасных продуктов и отходов для осуществления прав человека Окечукву Ибеану. A/HRC/12/26. 15 июля 2009.
2. Гредасова И.Б. Анализ требований безопасности при утилизации судов // Вестник государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова. 2012. № 3 (15). С. 185 – 188.
3. Смирнов В., Калинин А. ФСБ открыла большую игру на контрактах ОСК в Мурманске. Начали с распиленного траулера // 47news. 20.08.2021 г. URL: <https://47news.ru/articles/198635/> (дата обращения: 04 октября 2021 г.)
4. Bhattacharjee S. From Basel to Hong Kong: International Environmental Regulation of Ship-Recycling Takes One Step Forward and Two Steps Back // Trade, Law and Development. 2009. Vol. 1. Issue 2. P. 193 – 230.
5. Exxon Valdez // NGO Shipbreaking Platform. 03.08.2012. URL: <https://shipbreakingplatform.org/> (дата обращения: 04 октября 2021 г.)
6. Impact report. 2018-2019 // NGO Shipbreaking Platform. 03.08.2012. URL: <https://shipbreakingplatform.org/> (дата обращения: 04 октября 2021 г.)

References

1. GA OON. Sovet po pravam cheloveka. Doklad Special'nogo dokladchika po voprosu o neblagopriyatnyh posledstviyah nezakonnnyh perevozok i zahoroneniya toksichnyh i opasnyh produktov i othodov dlya osushchestvleniya prav cheloveka Okechukvu Ibeanu. A/HRC/12/26. 15 iyulya 2009.
2. Gredasova I.B. Analiz trebovaniy bezopasnosti pri utilizacii sudov. Vestnik gosudarstvennogo universiteta morskogo i rechnogo flota im. admirala S. O. Makarova. 2012. № 3 (15). S. 185 – 188.
3. Smirnov V., Kalinin A. FSB otkryla bol'shuyu igru na kontraktah OSK v Murmanske. Nachali s raspilennogo traulera. 47news. 20.08.2021 g. URL: <https://47news.ru/articles/198635/> (data obrashche-niya: 04 oktyabrya 2021 g.)
4. Bhattacharjee S. From Basel to Hong Kong: International Environmental Regulation of Ship-Recycling Takes One Step Forward and Two Steps Back. Trade, Law and Development. 2009. Vol. 1. Issue 2. P. 193 – 230.
5. Exxon Valdez. NGO Shipbreaking Platform. 03.08.2012. URL: <https://shipbreakingplatform.org/> (data obrashcheniya: 04 oktyabrya 2021 g.)
6. Impact report. 2018-2019. NGO Shipbreaking Platform. 03.08.2012. URL: <https://shipbreakingplatform.org/> (data obrashcheniya: 04 oktyabrya 2021 g.)

**ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОГОВОРНОЙ РАБОТЫ АВТОНОМНОЙ
НЕКОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ЦЕЛЯХ ПРОВЕДЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ СТУДЕНЧЕСКИХ ИГР – УНИВЕРСИАДЫ
2023 В Г. ЕКАТЕРИНБУРГ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

**Высокинский Л.А.,
Могилевский С.Д., доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы**

Аннотация: социальные процессы из сферы физической культуры и спорта десятилетиями притягивают к себе внимание со стороны исследователей-правоведов, юристов-практиков. Связано это с большим кругом правовых вопросов, которые рассматриваются в правовой практике, связанной с организацией спортивного мероприятия, строительства спортивного объекта. Создание инфраструктуры для проведения важного спортивного мероприятия – важный этап социальной политики государства в развитии международной системы спорта. Каждое спортивное сооружение должно отвечать должным критериям оценивания, что достигается за счет эффективного использования современных достижений юридической и административно-правовой науки, договорных конструкций. В статье раскрыты некоторые аспекты деятельности Финансово-юридического Департамента Автономной Некоммерческой Организации в реализации поставленных Органами Государственной Власти задач по реализации спортивных мероприятий по подготовке Всемирных Студенческих Игр – Универсиада 2023 г. в Екатеринбурге. Отражено понимание общих пунктов, которые входят практически в каждый гражданско-правовой договор. Сделаны выводы о наиболее частом использовании конструкций договора Подряда, его разновидностей. Отдельное значение имеет соблюдение стадий создания основных и предварительных договоров, соблюдение данного порядка целесообразно для разрешения конкретной цели – проведения мероприятия, предоставление услуг гостиничного комплекса контрагенту, условия пользования объектом. Данные особенности заключения предварительного и основного договоров обговорены в специально созданном Юридическом Заключении. Отдельного внимания заслуживают и согласительные процедуры административно-правового характера. Автономная Некоммерческая Организация согласует административно-правовые регламенты применения пиротехнических средств на спортивных объектах, что позволяет создать благоприятные условия для открытия, проведения, закрытия любого спортивного мероприятия.

Ключевые слова: спортивное мероприятие, гражданско-правовой договор, пункт договора, договорная и судебная практика, подряд, предварительный договор, основной договор, согласительные процедуры

**PRACTICAL ASPECTS OF THE CONTRACTUAL WORK OF AN
AUTONOMOUS NON-PROFIT ORGANIZATION FOR THE PURPOSE OF
THE INTERNATIONAL STUDENT GAMES - UNIVERSIADE 2023
IN YEKATERINBURG: LEGAL ANALYSIS**

**Vysokinsky L.A.,
Mogilevsky S.D., Doctor of Juridical Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Russian Academy of National
Economy and Public Administration**

Abstract: social processes in the sphere of physical education and sports have been attracting attention from legal researchers and practicing lawyers for decades. This is due to a wide range of legal issues that are considered in legal practice related to the organization of a sports event, the construction of a sports facility. The creation of infrastructure for holding an important sporting event is an important stage in the social policy of the state in the development of the international sports system. Each sports facility must meet the proper assessment criteria, which is achieved through the effective use of modern achievements of civil law and administrative law science, contractual structures. The article reveals some aspects of the activities of the Financial and Legal Department of the Autonomous Non-Profit Organization in the implementation of the tasks set by the State Authorities for the implementation of sports events for the preparation of the World Student Games - Universiade 2023. In Ekaterinburg. The understanding of common points that are included in almost every civil contract is reflected. Conclusions are

drawn about the most frequent use of contract structures, its varieties. Of particular importance is the observance of the stages of creation of basic and preliminary contracts, compliance with this procedure is advisable for resolving a specific purpose - holding an event, providing hotel complex services to a counterparty, conditions for using the facility. These features of the conclusion of the preliminary and main contracts are discussed in a specially created Legal Opinion. Conciliation procedures of an administrative and legal nature deserve special attention. The Autonomous Non-Profit Organization coordinates the administrative and legal regulations for the use of pyrotechnics at sports facilities, which allows creating favorable conditions for the opening, holding, and closing of any sporting event.

Keywords: sports event, civil contract, clause of the contract, contractual and judicial practice, contract, preliminary contract, main contract, conciliation procedures

Договорная деятельность любой организации направлена на выполнение конкретных целей и задач в реализации отдельных мероприятий. Цели и задачи формируют особенности договорной практики. Отдельное внимание в деятельности АНО уделяется вопросам подготовки гражданско-правовых договоров, которые позволяют ускорить процесс создания спортивных объектов, влияют на создание комфортных условий для пользования объектами. Таким образом решаются как организационно-практические вопросы, так и досуговые цели пользования объектами.

Договорная практика АНО в целях проведения спортивного мероприятия обозначена широким кругом отдельных договоров, правовых конструкций для создания объектов будущих игр. Можно обозначить и перечислить следующие договорные конструкции, которые наиболее часто встречаются на практике: подряд, строительный подряд, лицензирование, купля-продажа.

При этом в каждом договоре интересен порядок соблюдения пунктов договора. Среди них можно перечислить следующие: конфиденциальность, персональные данные, соблюдение антикоррупционных требований, ответственность, защита прав FIFA, ФОРС-МАЖОР, сроки действия договора, особенности его распоряжения, разрешение споров, прочие положения. Данные пункты содержат в себе отдельные характеристики, которые помогут на практике решить вопрос с реализацией отдельных направлений договорной деятельности, обезопасить контрагентов от договорных рисков.

Категория «конфиденциальности» связана с тем, что каждая из сторон обязуется сохранять информацию о деятельности друг друга на протяжении действия всего договора и в течение года после его окончания. Под конфиденциальной информацией представляется любая информация, которая представляет из себя действие стороны по передаче другой стороне информации на документальном носителе. За конфиденциальность определяют и процесс любого обмена информации между сторонами. Стороны отвечают за безопасное хранение конфиденциальной информации, что дополнительно выражается в возможности контрагентов требовать друг от друга конфиденциальную информацию на уничтожение.

Персональные данные каждой из сторон основываются на требованиях ФЗ №152 «О персональных данных» [1]. Подрядчик предоставляет Заказчику свои персональные данные, что на практике создает обязанность Заказчика обработать персональные данные Подрядчика. Подрядчик, в свою очередь, будет нести ответственность перед заказчиком в получении согласия об обработке персональных данных.

Одним из важных критериев любого договора есть антикоррупционные требования. Предварительно перед заключением договора сотрудники АНО тщательно проверяют историю сделок Подрядчика с другими организациями, предшественниками нового договора. Данная операция необходима для выявления благотворных условий заключения нового соглашения с подрядчиком, определения «прозрачности» его действий.

Критерий ответственности выступает основным в гражданско-правовых договорах. Критерий устанавливает ответственность сторон за проводимые мероприятия в рамках выполнения конкретных задач по созданию инфраструктуры, новых объектов. Зачастую в договорах можно встретить формулировку «ответственность ограничена реальным ущербом подрядчика», что означает сужение показателя ответственности под критерий реального ущерба. При этом реальный ущерб укладывается в следующие критерии: косвенные и непрямые убытки, снижение прибыли, снижение объемов хозяйственной деятельности, ухудшение деловой репутации, возможностей. Ответственность Заказчика будет зависеть от итоговой суммы, указанной в договоре. Данная сумма не будет превышать показатели по проделанной работе, будет укладываться в стоимость фактически, выполненных работ. В вопросе использования фирменной символики FIFA также имеется вопрос ответственности подрядчика перед организацией FIFA. Так, Подрядчик берет на себя обязательства не использовать билеты, связанные с брендом FIFA в сторонних от договора действиях.

Условия непреодолимой силы указывают на различные действия природного или ситуативного характера, которые не зависят от воли людей. При этом важным фактором выступают процессы, которые влияют

на проведение сторонами обязанностей в соглашении. Процессы техногенного характера, нестабильность политической обстановки и т.д. повлияют на действия контрагентов в решении договорных задач. При этом необходимо отметить, что если одна сторона не соблюдет порядок уведомления другой стороны о появлении форс-мажорных обстоятельств в исполнении контракта, то она не сможет ссылаться на наличие данных обстоятельств.

Условия расторжения договора также очень важны в порядке его реализации. В большинстве случаев определяется порядок расторжения договоров, который связан с тем, что он может быть расторгнут в любое время по соглашению сторон. При этом важен порядок соблюдения сроков. Например, необходимо направить подрядчику уведомление о расторжении договора в течение 30 дней до предполагаемой даты расторжения договора.

После рассмотрения отдельных общих положений для любого гражданско-правового договора необходимо рассмотреть особенности появления рисков в связи с реализацией проекта. Например, при реализации договора подряда существуют определенные требования к подрядчику по порядку выполнения им работ. Вопрос выполнения работ во многом связан с тем, что Заказчик не имеет информации относительно нового подрядчика, того, чем он занимался до нового контакта. Отдельного внимания заслуживает изучение истории работы подрядчика с предыдущими Заказчиками. Данный опыт указывает на то, что на практике возникает много проблемных ситуаций по установлению, проверке соответствующего благоприятного или неблагоприятного опыта. Отдельные вопросы судебной практики затрагивают наше внимание относительно того, какие вопросы должны быть обозначены и проверены. АНО необходимо доказать целесообразность наличия шага проверки деятельности Подрядчика. Одновременно с этим необходимо сказать о том, что прямого запрета на указание данного пункта в договоре нет. ФЗ 223 [2] указывает на это.

Заказчик вправе требовать у Подрядчика наличия соответствующего оборудования, подготовленного персонала, а также отдельного опыта выполнения работ. При проверке также проверяется и соответствие действий Подрядчика в предыдущих контрактах с конкретным предметом деятельности, подрядом. Центральным требованием выступает требование к критериям оценки истории деятельности подрядчика. При определении данных критериев необходимо понимать, что создание точных формулировок позволит потенциальному контрагенту лучше разобраться соответствует ли он таким требованиям. Отдельно предмет закупки отвечает следующим показателям: *опыт выполнения работ, оказания услуг, аналогичных объекту закупки; наличие у участника определенных финансовых показателей*. В первом случае обычно происходит коллизия в принятии решения и оценке действий со стороны контрольных органов, которые зачастую на практике не допускают возможности установления в договоре требований, а Арбитражное судопроизводство, наоборот, имеет практику благоприятствования в решении задач (например, Решение ФАС России от 08.08.2018 N 223Ф3-570/18[3] и Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23.05.2016 N Ф06-8366/2016[4]). Во втором случае, данное требование можно предъявить только к участникам, которые позволяют дополнительно получить гарантии исполнения договора. Так, показателем будет предоставление информации об устойчивом хозяйственном положении контрагента за истекший период. Например, Решение Московского УФАС России от 22 февраля 2018 г. N 1-00-2756/77-17 (закупка N 31705919321) [5].

Каждый опыт выполнения договоров связан с наличием договоров и дубликатов к ним. К оригиналам и дубликатам документов содержатся сведения в соответствии с Федеральным Законом от 05.04.2013г. N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [6], либо в реестре договоров, заключенных по результатам закупок в соответствии с Федеральным законом N 223-ФЗ, является общепринятой и допустимой практикой.

Каждая организация может принять в качестве дополнительных способов по урегулированию спорных ситуаций отдельные письма, в которых объясняется природа спора между сторонами, определяются способы его разрешения. Создание писем обуславливает данную практику, направляет ее. Частой проблемой для любой международной организации и структур, ведущих деятельность на территории РФ, являются споры по преддоговорным и основным соглашениям между контрагентами. В отдельном письме по размещению «семьи FISY» в гостиничных комплексах под руководством ООО «Альфа» и ООО «Хотел Девелопмент Компани» возникли вопросы относительно принципиального наличия или отсутствия преддоговорного соглашения между АНО «Исполнительная дирекция «Универсиада 2023» и гостиничным комплексом перед заселением. В ходе выстраивания правовой позиции организации перед FISY было установлено, что заключение предварительного договора обязывает субъектный состав соглашения к заключению основного договора в будущем. Ст. 429 ГК РФ устанавливает общий порядок действия предварительных соглашений с дальнейшим заключением основного договора в обязательном порядке. Данная мера была введена законодателем для того, чтобы упорядочить отношения между контрагентами, доводить отдельные намерения сторон до обязательного исполнения. Тем не менее в условиях практики нередко встречаются случаи, когда

одна из сторон в рамках сотрудничества предлагает преждевременно заключить основной договор минуя стадию заключения предварительного соглашения, что противоречит условиям определения обязательственных отношений между сторонами при переходе к основному договору.

При изучении отдельных преддоговорных соглашений, заключенных между АНО «Исполнительная дирекция «Универсиада 2023» и такими организациями гостиничного бизнеса, как ООО «Альфа» и ООО «Хотел Девелопмент Компани», с другой стороны, были выявлены основания сотрудничества организаций. В целях проведения Международной Летней Универсиады студенческих игр в г. Екатеринбург, подготовлены отдельные договоры по предоставлению гостиничных услуг представителям организационного комитета FISY. В рамках ознакомления с предварительными соглашениями, подготовленными АНО «Исполнительная дирекция «Универсиада 2023», организационный комитет FISY выразил претензии относительно наличия предварительных соглашений и отсутствия прямых основных договоров между АНО «Исполнительная дирекция «Универсиада 2023» и ООО «Альфа», ООО «Хотел Девелопмент Компани». При этом следует отметить, что в контракте, заключенном между АНО «Исполнительная дирекция «Универсиада 2023» и организационным комитетом FISY отдельно не обговаривался формат соглашения с гостиницами. Именно поэтому в рамках субъективного права юридического лица и принципа целесообразности со стороны АНО «Исполнительная дирекция «Универсиада 2023» были заключены предварительные договоры.

При этом отдельный пункт в ст. 429 ГК РФ[7], обговаривающий заключение основного договора в будущем, не гарантирует у контрагентов в предварительных соглашениях появления больше прав или обязанностей, что сохраняет статику договорных отношений – у контрагентов не появляется больше прав и обязанностей. На основании п. 8.3 контракта между FISY и АНО «Исполнительная дирекция «Универсиада 2023»[8] были подготовлены предварительные соглашения, что требует дополнительно раскрыть сущность данной правовой категории. Пункт 1 ст.429 ГК дает определение предварительного договора. Данное определение является явно неполным и требует расширительного толкования. Согласно п.1 ст.429 ГК предварительный договор – это договор, по которому стороны обязуются заключить в будущий основной договор на условиях, указанных в предварительном. При этом к возможным вариантам основного договора, заключаемого на основании предварительного, отнесены договоры на передачу имущества, оказание услуг или выполнение работ. Данный перечень следует толковать как иллюстративный и неисчерпывающий. Договорные модели не исчерпываются договорами на оказание услуг, выполнение работ или передачу имущества. В обороте встречаются и иные договоры (акционерные соглашения, простое товарищество, соглашения о конфиденциальности и др.). При этом следует отметить, что при желании одной стороны заключить основной договор сразу, минуя стадию предварительного соглашения, могут иметь место возражения со стороны другого контрагента. Заключение основного договора без стадии предварительных соглашений не участникам соглашения полноценно отразить совокупность прав и обязанностей, рисков, связанных с проведением договора. По общему правилу предварительный договор является двусторонним организационным договором. Обязательства заключить основной договор возникают у каждой из его сторон. В то же время в силу принципа свободы договора нельзя исключать заключение и одностороннего предварительного договора, в котором обязательство заключить основной договор по требованию контрагента возникает лишь у одной из сторон, в то время как контрагент заключать основной договор не обязан, но имеет право требовать от другой стороны заключения такого договора. В таком случае в договоре может появиться условие о вознаграждении обязанной стороны за принятие на себя в одностороннем порядке такого обязательства и предоставление другой стороне права требовать заключения основного договора (наподобие опционной премии в опционе). В таких случаях односторонний предварительный договор теряет характер сугубо организационного и становится возмездным.

В силу положений ст. 429 ГК (в частности п.6 данной статьи) обязательства каждой из сторон заключить основной договор актуализируется (созревает) в случае предъявления другой стороной требования о заключении основного договора. При этом такое требование может быть сразу оформлено как оферта по заключению основного договора. Другая сторона, получив такое требование, обязана заключить основной договор (акцептовать поступившую оферту). Фактически в данном случае речь идет об обязательствах с исполнением до востребования. Если ни одна из сторон такого требования не предъявляет, то обязательства по заключению основного договора исполнено быть не может.

Общая характеристика конструкции предварительного договора и особенностей составления контракта между организационным комитетом FISY и АНО «Исполнительная дирекция «Универсиада 2023» позволяет сделать вывод о том, что специально в контракте не было прописано положение о итоговой форме соглашения АНО с представителями гостиничного бизнеса. В целях преодоления договорной неопределенности специалистами АНО было принято решение о проведении отдельных предварительных соглашений с ООО «Альфа» и ООО «Хотел Девелопмент Компани» для согласования совместных прав и обязанностей

при предоставлении гостиничных услуг сотрудникам организационного комитета FISY. Одновременно с этим требование организационного комитета FISY о заключении основного договора является преждевременной, во многом отражающей отсутствие у контрагента понимания того, что из себя представляют предварительные соглашения, их роли в обязательственных отношениях. Проведение основных договоров, без стадии предварительного обсуждения прав и обязанностей сторон, установит правовую неопределенность АНО в основном договоре, создаст условия дополнительных рисков, которые будут обусловлены отсутствием закрепления дополнительных прав организации. Для дальнейшего укрепления сотрудничества и взаимодействия АНО «Исполнительная дирекция «Универсиада 2023» и организационного комитета FISY необходимо создать условия под учет предварительных соглашений с дальнейшим переходом к основному договору.

Работа в структуре АНО связана и с особенностями регулирования отношений в сфере административно-правовых соглашений различного уровня. Отдельных особенностей взаимодействия Органов Государственной Власти и Органов Местного Самоуправления в вопросе строительства конкретных объектов, организации площадок проведения мероприятий, до отдельных согласительных процедур в целях использования средств, на которые распространяется особый охранный режим действия.

Отдельной проблемой публично-правового характера является вопрос использования пиротехнических средств на спортивных объектах. Зачастую на практике актуальным является вопрос: «А можно ли использовать данные средства при открытии, проведении, закрытии спортивного мероприятия?»

Вопрос применения пиротехники имеет организационный характер, требует отдельных усилий АНО или иных организационных структур по согласованию применения пиротехники с центром безопасности на культурном объекте. Перед организацией тех или иных крупных событий в рамках Спорта, по инициативе властных субъектов, создаются отдельные рекомендации, которые позволяют предотвратить риски при организации спортивного события. В качестве примера можно привести НПА, посвященный организации Кубка конфедерации за 2018 г.[9] Интересен п. 10, где указывается порядок рекомендации организации противопожарной безопасности в случае применения пиротехники.

Сначала необходимо определиться с тем, какие цели преследует АНО от установки пиротехники и ее использования при организации спортивного мероприятия. Данное волевое намерение властного субъекта требует отдельного согласования намерений с организационными структурами объекта культурного наследия и самое главное – все должно осуществляться в процессе подготовки мероприятия, тогда порядок административной ответственности за использование не будет распространяться на организаторов. Одновременно с этим порядок административной ответственности за применение пиротехнических средств имеет общий характер и по общему порядку распространяется на индивидуальные случаи правонарушения. В общем, необходимы дополнительные согласительные процедуры, тогда все будет нормально. По мимо самого стадиона, где располагаются отдельные спортивные сооружения существуют и отдельные объекты, которые входят в понятие зону действия стадиона. Таким образом, при установке чего-либо за пределами стадиона тоже потребуется дополнительное согласование, но все это приемлемо, так как согласуется одним волевым центром в отношении другого волевого центра не на уровне соподчинения, а на уровне координации, в целях реализации мероприятия общественной значимости.

Договорная практика отдельной организации по проведению крупного спортивного мероприятия требует больших усилий и затрат специалистов, юристов-практиков для создания надежной правовой основы под реализацию конкретных мероприятий. Преимущественно в рамках организации спортивного мероприятия на первый план выступают подрядные работы, так как именно они принимают решающее значение как при возведении объектов, так и при обеспечении их функционалом. Соглашения публично-правового уровня придают конкретным объектам легитимацию тем процессам, которые происходят на территории объектов. Справедливо можно констатировать тесное переплетение начал частного и публичного правопорядка в процессе реализации спортивного объекта, работы спортивной инфраструктуры в целом, что достигается за счет эффективного использования конструкции подряда, согласования интересов сторон при создании предварительных и основных договоров, соблюдения административных регламентов при проведении мероприятия.

Литература

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 152-ФЗ "О персональных данных" // СПС КонсультантПлюс
2. Федеральный закон от 18.07.2011 N 223-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // СПС КонсультантПлюс
3. Решение ФАС России от 08.08.2018 N 223Ф3-570/18 https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-povprosam-sviazannym-s_1/ (дата обращения: 08.10.2021).

4. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23.05.2016 N F06-8366/2016 https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-po-voprosam-sviazannym-s_1/ (дата обращения: 08.10.2021)
5. Решение Московского УФАС России от 22 февраля 2018 г. N 1-00-2756/77-17 <https://br.fas.gov.ru/to/moskovskoe-ufas-rossii/1-00-2756-77-17/> (дата обращения: 08.10.2021)
6. Федеральный закон "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" от 05.04.2013 N 44-ФЗ // СПС КонсультантПлюс
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) / Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, N 5, ст. 429
8. Summer Universiade 2023 (Ekaterinburg) Attribution Agreement Execution Version. (дата обращения: 09.10.2021)
9. Временные рекомендации по обеспечению противопожарного режима на объектах при подготовке и проведении Кубка конфедераций FIFA 2017 года и Чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года. file:///C:/Users/ЛевВысокинский/Downloads/временные рекомендации.pdf (дата обращения: 09.10.2021)

References

1. Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2006 g. N 152-FZ "O personal'nyh dannyh". SPS Konsul'tantPlyus
2. Federal'nyj zakon ot 18.07.2011 N 223-FZ (red. ot 01.07.2021) «O zakupkah tovarov, rabot, uslug otdel'nymi vidami yuridicheskikh lic». SPS Konsul'tantPlyus
3. Reshenie FAS Rossii ot 08.08.2018 N 223FZ-570/18 https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-po-voprosam-sviazannym-s_1/ (data obrashcheniya: 08.10.2021).
4. Postanovlenie Arbitrzhnogo suda Povolzhskogo okruga ot 23.05.2016 N F06-8366/2016 https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-po-voprosam-sviazannym-s_1/ (data obrashcheniya: 08.10.2021)
5. Reshenie Moskovskogo UFAS Rossii ot 22 fevralya 2018 g. N 1-00-2756/77-17 <https://br.fas.gov.ru/to/moskovskoe-ufas-rossii/1-00-2756-77-17/> (data obrashcheniya: 08.10.2021)
6. Federal'nyj zakon "O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd" ot 05.04.2013 N 44-FZ. SPS Konsul'tantPlyus
7. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 N 14-FZ (red. ot 29.07.2018) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2018). Sobranie zakonodatel'stva RF, 29.01.1996, N 5, st. 429
8. Summer Universiade 2023 (Ekaterinburg) Attribution Agreement Execution Version. (data obrashcheniya: 09.10.2021)
9. Vremennye rekomendacii po obespecheniyu protivopozharnogo rezhima na ob"ektah pri podgotovke i provedenii Kubka konfederacij FIFA 2017 goda i CHampionata mira po futbolu FIFA 2018 goda. file:///C:/Users/LevVysokinskij/Downloads/vremennye rekomendacii.pdf (data obrashcheniya: 09.10.2021)

ДОКТРИНА УТРАТЫ ШАНСА: ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ КОНЦЕПЦИИ НА ОСНОВЕ ОБЗОРА МОДЕЛЬНЫХ КАЗУСОВ

Козлов И.А., аспирант,

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, магистр частного
права (РШЧП), советник Департамента корпоративного
регулирования Минэкономразвития России

Аннотация: в статье сделана попытка дать общее представление о крайне популярной на сегодня за рубежом теории ответственности, известной как «доктрина утраты шанса» (*loss of chance*). Очерчивается потенциальная сфера ее применения: раскрывается – какие сложные правовые ситуации, которые в России пока не имеют своего решения, она позволяет справедливо урегулировать. Лучшими иллюстрациями являются судебные дела, рассматривавшиеся в то или иное время в различных юрисдикциях.

Доктрина утраты шанса, решает так называемую проблему осложненной причинности, когда на место возможной причины наступления вреда претендует сразу два факта – это в равной степени могут быть как действия ответчика, так и риск, находящийся в сфере контроля самого потерпевшего.

Причина такой неопределенности – ограниченность возможностей человеческого познания в установлении того, реализовал бы потерпевший свой шанс, если бы не был его лишен или нет. В таких ситуациях классическая теория ответственности бессильна, поскольку она требует установить единственную причину наступившего вреда, выполнив строгий стандарт доказывания (как минимум, уверенность суда должна быть больше пятидесяти процентов). Таким образом, потерпевший утративший шанс получает «все или ничего» – либо полную сумму компенсации, либо отказ в иске. Доктрина утраты шанса же, напротив, предполагает присуждение суммы возмещения пропорционально проценту утраченных шансов, что представляется более справедливым.

Ключевые слова: доктрина утраты шанса, деликт, вред, осложненная причинность, пропорциональная компенсация

THE LOSS OF CHANCE DOCTRINE: AN OVERVIEW OF THE CONCEPT BASED ON A REVIEW OF MODEL CASES

Kozlov I.A., Postgraduate,

Civil Law and Procedure Department of the Institute
of Legislation and Comparative Law under the Government of the
Russian Federation, Master of Laws (Russian School of Private Law),
Advisor of the Department for Corporate Regulation of the
Ministry of Economic Development of the Russian Federation

Abstract: this article attempts to give a general idea of the theory of responsibility that is extremely popular today abroad, also known as the "loss of chance" doctrine. The potential scope of its application is shown: it has been uncovered what complex legal situations that has not yet had their solution in Russia, it could help fairly settle. The best illustrations are court cases that have been heard at one time or another in various jurisdictions.

The doctrine of loss of chance solves the so-called problem of complicated causality, when two facts claim to be the possible cause of harm at once – this can equally be both the actions of the defendant and the risk that is in the control of the victim himself.

The reason for this uncertainty is the limited possibilities of human knowledge in establishing whether the victim would have realized his/her chance if he/she had not been deprived of it or not. In such situations, the classical theory of liability is powerless, since it requires establishing the only cause of the harm that has occurred, following a strict standard of proof (at least, the court's confidence should be more than fifty percent). Thus, the victim who has lost the chance will receives "all or nothing" in result - either the full amount of compensation, or a rejection of the claim. The doctrine of loss of chance, on the other hand, presupposes the awarding of the amount of compensation in proportion to the percentage of the lost chances, which seems to be more fairly.

Keywords: loss of chance, tort, harm, complicated causality, proportional compensation

Обзор модельных казусов по доктрине утраты шанса

Для более наглядной демонстрации тех теоретических проблем, которые связаны с теорией, рассмотрим несколько классических, наиболее часто анализируемых и цитируемых в литературе, посвященной данной проблематике, казусов, центральным предметом рассмотрения которых стал вопрос утраты шанса.

Так, в частности, проблематика, связанная с утратой шанса, была рассмотрена в нескольких известных делах в области контрактов.

Английское дело *Chaplin v Hicks* [1] (1911 год). Это дело послужило источником появления доктрины в Англии. Истица – молодая девушка, которая стала участницей объявленного газетой конкурса красоты. Для участия было необходимо направить свою фотографию в редакцию газеты. Читатели из 300 девушек отобрали 50 финалисток. Истица попала в число тех 50 претенденток на победу, которые были определены по результатам читательского голосования. Что сформировало договорные отношения. Далее каждая из финалисток должна была встретиться с агентами ответчика, после чего по результатам интервью определялись двенадцать победительниц, которым достаётся работа в качестве актрисы шоу и гонорар. Истица не смогла принять участие в финальном интервью, поскольку в нарушение условий конкурса организаторы не уведомили ее о месте и времени его проведения. По результатам рассмотрения всех обстоятельств данного дела суд постановил, что истница, хотя и не может требовать гонорара победительницы в полном размере, поскольку не может доказать, основываясь на стандарте доказывания «баланс вероятностей», что если бы она приняла участие в финальной стадии, то обязательно бы выиграла, однако суд признал, что «если бы не действия ответчика, у истицы был бы хотя бы сам шанс участвовать в конкурсе. Этот шанс сам по себе является ценным правом, потеря которого может быть компенсирована» [2]. Суд отклонил довод о том, что всякий раз, когда непредсказуемые обстоятельства, от которых зависит результат, многочисленны и их невозможно преодолеть, следует отказывать в возмещении ущерба за потерю шанса выиграть приз. Вместо этого суд постановил, что поскольку в среднем попасть в число 12 победительниц могла примерно каждая четвертая участница, то истице следует присудить компенсацию в размере 25 процентов от суммы гонорара победительницы.

В американском деле *Miller v. Allstate Insurance* [3] страховщик нарушил обязательство по возврату поврежденного довольно серьезно в результате аварии автомобиля, остатки которого были необходимы как доказательство в деле об ответственности производителя машины. Апелляционный суд третьего округа штата Флорида постановил, что застрахованный может взыскать со страховщика упущеный шанс выиграть дело об ответственности за качество продукции. Суд установил, что в настоящее время «принятым принципом договорного права является то, что возмещение будет присуждено, если истец был лишен возможности или шанса получить вознаграждение или прибыль, даже если ущерб неопределен».

Дело об ответственности юристов, рассмотренное в 2004 году ВС Испании [4]. Женщина, работавшая секретарем менеджера по продажам крупной розничной сети, была уведомлена о том, что ее собираются перевести в другой отдел. Такой перевод привел бы к изменениям ее рабочего времени и условий труда. Адвокат женщины своевременно не подал исковое заявление от ее имени в суд по трудовым спорам в течение установленного срока. Как следствие, иск был отклонен. После этого женщина подала иск против своего адвоката, требуя от него компенсацию за убытки, включающие возможные санкции за нарушение трудового договора, а также невозможность получения пособий по безработице, на которые она имела бы право, если бы иск был удовлетворен. Таким образом, из-за действий адвоката осталось неясным, выиграла ли бы женщина в трудовом споре, если бы иск был подан адвокатом своевременно. В результате в данном деле суд удовлетворил иск об утрате шанса выиграть в трудовом споре и получить соответствующие компенсации.

Известнейшее английское дело об ответственности юристов – *Allied Maples Group v Simmons & Simmons* [5] (1995 год). *Allied Maples* подали иск против своих юридических консультантов за халатность, проявленную ими при составлении и заключении договора о покупке акций. В данном деле компания *Allied Maples* хотела приобрести права на аренду нескольких конкретных объектов недвижимости, но договоры аренды содержали запрет на уступку. Ответчики посоветовали истцам приобрести стопроцентный пакет акций компании, являющейся арендатором, и занялись составлением и согласованием проекта договора по приобретению акций. В ходе переговоров о приобретении акций ответчики, представлявшие интересы истца, согласились на замену условия договора о предоставлении продавцом акций гарантии отсутствия у него обязательств и долгов в отношении арендуемых объектов недвижимости, интересовавших истцов, условием о том, что продавец акций обязуется компенсировать убытки, которые могут возникнуть в случае предъявления к приобретаемой компании каких-либо претензий из обязательств, отраженных в балансе компаний на момент закрытия сделки по приобретению акций. В итоге сделка состоялась. Но спустя некоторое время, арендодатель интересовавших истцов объектов недвижимости, ради получения права

аренды которых собственно и приобреталась компания, подал против компании-арендатора иски из договоров аренды по обязательствам, которые не были отражены в балансе компании на момент ее покупки. А исходя из согласованной юридическими консультантами сделки, по условиям которой компенсации подлежали только убытки по конкретным обязательствам, отраженным в балансе на момент покупки, продавец акций не отвечает за предъявление такого рода претензий. В силу чего убытки взыскать с него было невозможно. На этом основании Allied Maples предъявили иск о взыскании понесенных убытков своим юридическим консультантам Simmons & Simmons, утверждая, что те проявили небрежность, не предупредив своего клиента Allied Maples о том, что замена условия о гарантии на условие о компенсации не защитит их исков, подобных тем, которые были поданы против них впоследствии. Allied Maples утверждали, что если бы их вовремя предупредили о возникающих рисках, то они возможно смогли бы согласовать более выгодные условия сделки по приобретению акций. В итоге, суд рассмотрел указанный иск об утрате шанса заключить более выгодный для себя контракт. Неопределенность заключалась в следующем. Во-первых, согласилась ли бы третья сторона с другими условиями контракта, если бы юристы дали правильные рекомендации истцу. И во-вторых, действовал ли бы сам истец в соответствии с этими рекомендациями. Таким образом, неопределенность была связана главным образом с гипотетическими действиями третьей стороны. Неопределенность такого же рода, следует отметить, имелась и в деле *Chaplin v Hicks* – прародителе доктрины утраты шанса в Англии, где она также касалась гипотетических действий третьей стороны – решения жюри финального этапа конкурса. В итоге иск об утрате шанса в деле Allied Maples был удовлетворен, так как, по мнению суда, шанс был реальный и существенный, а не умозрительный.

Далее рассмотрим два английских дела о медицинской халатности, в которых английские суды отказали в возмещении. Но, надо отметить, что во многих американских штатах в схожих случаях подобные иски удовлетворяются. Положительная практика также имеется и во Франции.

Английское дело *Hotson v East Berkshire Health Authority* [6] (1989 год). Тринадцатилетний летний мальчик упал с качелей, повредив в результате падения бедро. Его доставили в больницу, осмотрели, но полученные травмы были неверно диагностированы. И мальчика просто отпустили домой. Позже у него обнаружили некроз сосудов в тазобедренном суставе – диагноз, приводящий к инвалидности. К больнице был предъявлен иск о причинении вреда. Ответчик признал халатность врачей, но утверждал, что, когда мальчик был доставлен в больницу, инвалидность уже была неизбежна. Факты дела свидетельствовали о том, что существовала 25% вероятность того, что некроз сосудов не развился бы, если бы медицинская помощь была оказана своевременно. То есть, иными словами, было установлено, что постановка неверного диагноза лишила мальчика 25% шанса избежать инвалидности. Тем не менее в иске было отказано, на том основании, что истец не смог доказать, что именно ответчик помешал мальчику избежать инвалидности, поскольку первоначальная вероятность излечения уже была ниже 50%.

В другом английском деле – *Gregg v Scott* [7] – ответчик, чье поведение было оценено как небрежное, диагностировал злокачественную раковую опухоль истца как доброкачественную. В результате лечение было отложено на девять месяцев. Такая задержка снизила шансы пациента на «излечение» примерно с 42% до 25%. Проблема доказывания вреда, с которой столкнулся истец, заключалась в том, что до небрежности ответчика шансы на успешное проведение лечения составляли всего 42%, что в свою очередь означало невозможность в соответствии с принятым в Англии стандартом доказывания доказать факт того, что именно действия ответчика явились единственной причиной наступления вреда. С учетом этого позиция истца строилась на том, что, хотя он и не может требовать с ответчика полной компенсации, у него должно оставаться право на возмещение за утрату шанса на излечение, поскольку, со всей очевидностью, шанс был потерян именно в результате небрежных действий ответчика. Истец просил удовлетворить требование о выплате ему компенсации в размере 17% от общей суммы наступившего вреда. С небольшим перевесом голосов – три к двум – Палата Лордов в иске отказалась, но была как никогда близка к удовлетворению подобного требования. Само решение, надо отметить, содержит массу аргументов как в пользу одной, так и в пользу другой позиции. Кстати, в практически идентичном по фактам американском деле *Herskovits v. Group Health Cooperative* [8] иск об утрате 14% шансов на излечение, произошедшей в результате халатности врачей, был удовлетворен.

Отметим крайне важное английское дело, в котором был удовлетворен иск о привлечении к ответственности адвокатов за утрату шанса на победу в судебном споре, – *Kitchen v. RAF Association* (1958 год). В связи с данным делом также следует сделать небезынтересное замечание, что в схожих случаях большинство штатов США иски об ответственности юристов отклоняет. Таким образом, можно даже сказать, что сложилась крайне интересная тенденция. Крайне схожие правопорядки – Англия и США – почему-то заняли прямо противоположные позиции в отношении дел о медицинской халатности и об ошибках адвокатов. Так, если английские суды удовлетворяют иски об ошибках адвокатов, но отказывают в делах о медицин-

ской халатности, то американские суды, в свою очередь, решают дела с точностью до наоборот – удовлетворяют иски о медицинской халатности и отказывают в делах об ошибках адвокатов.

В деле *Kitchen v. RAF Association* адвокаты пропустили срок исковой давности на подачу заявления в суд, в результате чего был упущен шанс на победу в судебном споре. Истица потребовала возмещения убытков с адвокатов, допустивших ошибку. Иск был удовлетворен. Судья, оценив шансы на победу в деле примерно в 75%, присудил компенсацию в размере 2/3 от общей суммы первоначального иска.

Дело, рассмотренное в 2004 году Бельгийским кассационным судом [9]. Молодая девушка, получив серьезные угрозы от своего бывшего парня, сообщила об этом в местную полицию, которая не предприняла никаких мер по обеспечению безопасности и защиты женщины. После этого молодой человек напал на девушку с кислотой, в результате чего ей был нанесен серьезный вред. Потерпевшая и ее родители подали в суд на город Льеж и бельгийское правительство, требуя возмещения убытков за халатность, проявленную полицией. Рассмотрев данное дело, апелляционный суд Брюсселя присудил в пользу девушки компенсацию. Суд указал, что хотя было бы невозможно предоставить ей 100% защиту от такого нападения, однако бездействие местной полиции лишило девушку 80% шансов избежать его. Потеря такой возможности оправдывает выплату компенсации в размере 80% нанесенного ущерба.

Греческое дело 1987 года. Человек купил лотерейный билет. Во время лотереи один из номеров выпал дважды. Позже выяснилось, что из-за небрежности, проявленной со стороны организаторов, номер истца не был включен в лототрон, в то время как выигрышный номер был включен дважды. Обладатель билета подал иск, требуя сумму более высокого приза, или по крайней мере половину его.

С концепцией утраты шанса вообще связана масса дел о конкурсах, соревнованиях и других случаях соперничества в конкурентной борьбе.

Так, в немецком кейсе архитектор был несправедливо исключен из архитектурного конкурса.

В Греческом деле лошади, которые были одними из фаворитов на победу, были исключены из участия в скачках. Владельцы лошадей требовали компенсации за лишение их призовых денег, которые они выиграли бы, если бы лошади могли участвовать.

В Швейцарском кейсе, участница конкурса Мисс Швейцария получила травму в ДТП, из-за чего она не смогла принять участие в конкурсе красоты.

В Ирландском деле в соответствии с актом, который впоследствии был объявлен неконституционным, политическому деятелю было запрещено участвовать в национальных и европейских выборах. Политик утверждал, что потерял шанс быть избранным.

Главное, на что хочется обратить внимание по результатам обзора дел, – невероятно обширный диапазон случаев, в которых судами разных стран была рассмотрена и применена доктрина утраты шанса.

Концепция доктрины

К пониманию доктрины утраты шанса глобально существует два противоположных подхода. Первый подход относит ее к проблематике причинно-следственной связи, рассматривая теорию как один из осложненных случаев причинности. В его рамках предлагаются различные варианты решения проблемы, в том числе: через подход ослабленной причинности (relaxed causation); с помощью NESS-теста; а также через различные процессуальные механизмы (перекладывание бремени доказывания и т.п.). Второй же подход рассматривает доктрину не как теорию причинности, а как теорию вреда. Согласно этому подходу само количественное сокращение шансов уже является наступившим вредом, который, соответственно, подлежит пропорциональной компенсации.

В целях лучшего понимания сущности теории представляется целесообразным рассмотреть ее в так называемом «чистом» (т.е. наиболее полном и развитом) виде. Так сказать, «во всей красе» – то, как она в идеале, по представлениям ее сторонников, должна работать, без каких-либо ограничений и модификаций.

Ключевым положением «чистой» доктрины утраты шанса является признание того, что утрата некоторого шанса как таковая уже сама по себе является самостоятельным конечным вредом, который подлежит возмещению. Такой, надо сказать, нетрадиционный для классической юриспруденции постулат обосновывается тем, что у самого по себе шанса, как и у прочих классических объектов посягательств, есть некоторая самостоятельная ценность.[10] Так, если опросить простых граждан – подавляющее большинство скажет, что безусловно чувствуют для себя ценность шансов (на излечение, на выигрыш и т.д.), которые они имеют, и их утрата психологически ничуть не менее ценна и чувствительна, чем утрата классических, защищаемых правом благ (собственности, интеллектуальных прав и т.д.). Как следствие, на этом фундаменте, естественно, делается вывод, что насилиственное лишение шансов должно подлежать компенсации гражданским правом. А также, кстати, и караться со стороны уголовного закона – в уголовном праве доктрина утраты шанса также применяется.

В принципе далее после принятия данного фундаментального для этой доктрины постулата, что утрата шанса является самостоятельным видом вреда, достойным возмещения, применяются традиционные правила гражданско-правовой ответственности как деликтной, так и договорной.

И так как классическими условиями гражданско-правовой ответственности являются: противоправность, вред, причинно-следственная связь между действиями причинителя и вредом, а также вина, то возложение ответственности за утрату шанса (в наиболее широком и полном варианте концепции) происходит, в общих чертах, по следующей схеме. Если потерпевший утратил некоторый имевшийся у него шанс на благоприятный исход (например, у него имелся 40% шанс на выздоровление, но из-за ошибки врача и этот шанс был потерян, и пациент в итоге умирает), то сама такая утрата шанса и будет признана вредом (а не вред жизни в целом). После этого устанавливается причинно-следственная связь между противоправными действиями причинителя вреда (например, медицинская ошибка врача по небрежности), причиненными виновно, и наступившим вредом – потерей шанса (к примеру, потерей пациентом 40% шанса на выживание). В итоге потерпевшему присуждается компенсация, размер которой определяется на основе применения пропорционального метода оценки убытков (в приведенном примере – в размере 40% от размера возмещения, присуждаемого в случае причинения смерти по неосторожности).

Надо отметить, что по классическому подходу «все или ничего» подобные случаи не подлежат компенсации, и следует отказ в иске. Так, даже в странах общего права с их довольно либеральным подходом к стандарту доказывания (баланс вероятностей) в приведенном выше примере истец не смог бы доказать с вероятностью более 50%, что смерть наступила в результате действий врача, поскольку такая вероятность составляет лишь 40%. Соответственно, в иске было бы отказано.

Теория, надо сказать, сама по себе изначально появилась по причине все нараставшей неудовлетворенности традиционным подходом «все или ничего», который в случаях утраты шансов, давал очевидно несправедливые результаты – человек потерял из-за халатности ответчика, и порой очень грубой, свою «последнюю надежду», а право оставляет его без каких либо средств защиты, поскольку данный случай не подпадает под общие формальные требования установления причинности. Так, согласно традиционному правилу, если на вопрос: явились ли причиной конечного неблагоприятного результата именно действия ответчика, ответом будет скорее «да», нежели чем «нет», то истец сможет возместить убытки в полном размере. В обратном же случае, когда истец, который не в состоянии на «перевесе доказательств» показать, что действия ответчика повлекли за собой конечный результат, вообще ничего не компенсирует. Таким образом, суды в рамках традиционного подхода в большинстве случаев приходили к выводу, что когда в результате противоправного поведения истец потерял 51% и более шансов на благоприятный исход, то истец может возместить убытки, эквивалентные общему негативному результату, т.е. в полном объеме. А в случае, если истец потерял только 49% и менее шансов на благоприятный исход, он ничего не компенсирует. Здесь, очевидно, чувствуется какая-то несправедливость, основанная на крайнем формализме. Хотя ведь от потерпевшего ровным счетом ничего не зависит, он никак не виноват в сложившейся неопределенности – дело не в том, что он не может выполнить стандарт доказывания из-за того, что у него мало доказательств, а в том, что люди в принципе не могут оценить такого рода ситуации иначе как в вероятностных терминах – рисков и шансов. Почему же именно потерпевший должен страдать из-за сложившейся неизбежной неопределенности?

Доктрина утраты шанса, в свою очередь, позволяет решить эту проблему, предлагая не требовать от людей все равно невозможного в таких обстоятельствах – искать «истинную причину», а остановиться на том, что сам шанс, который имелся у потерпевшего, – это уже самостоятельная значимая ценность, за уничтожение которой деликвент должен заплатить пострадавшему соответствующую пропорциональную компенсацию. Такой вариант кажется наиболее оптимальным компромиссным решением – и истец не остается «у разбитого корыта», получая компенсацию, соответствующую тому количеству шансов, которое у него имелось, и ответчик платит ровно за тот вред, который он причинил.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): [Принят Гос. Думой 21 октября 1994 года, с изменениями и дополнениями по состоянию на 01 октября 2019 г.] // СПС «КонсультантПлюс»
2. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 26.11.2001). Утратил силу // СПС «КонсультантПлюс»
3. Барков А.В., Габов А.В., Голубцов В.Г. и др. Гражданский кодекс Российской Федерации: постатейный комментарий к главам 1-5 / под ред. Л.В. Санниковой. М.: Статут, 2016. 662 с. (Актуальный комментарий).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации: постатейный комментарий к главам 6-12 / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Санниковой. М.: Статут, 2014. 383 с. (Актуальный комментарий).

5. Витрянский В.В., Ем В.С., Козлова Н.В. и др. Гражданское право: в 2 т. Т. 2. Полутом 2: учебник / отв. ред. проф. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 2000. 544 с.

6. Федеральный закон от 28.06.2013 № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям». Режим доступа: СПС «Консультант Плюс»

7. Федеральный закон от 28.12.2016 № 488-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Режим доступа: СПС «Консультант Плюс»

8. Постановление Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств». Режим доступа: СПС «Консультант Плюс»

9. Постановление Президиума ВАС РФ от 01.02.2005 № 12158/04 по делу № А 32-22595/2003-15/481. Режим доступа: СПС «Консультант Плюс»

10. Будылин С.Л. Возмещение потерь. Семь примеров того, как суды толкуют новую норму // Арбитражная практика для юристов. 2017. № 10. С. 68 – 77.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya): [Prinyat Gos. Dumoj 21 oktyabrya 1994 goda, s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 01 oktyabrya 2019 g.]. SPS «Konsul'tantPlyus»

2. Grazhdanskij kodeks RSFSR (utv. VS RSFSR 11.06.1964) (red. ot 26.11.2001). Utratil silu. SPS «Konsul'tantPlyus»

3. Barkov A.V., Gabov A.V., Golubcov V.G. i dr. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii: postatejnyj kommentarij k glavam 1-5. pod red. L.V. Sannikovo. M.: Statut, 2016. 662 s. (Aktual'nyj kommentarij).

4. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii: postatejnyj kommentarij k glavam 6-12. pod red. d.yu.n., prof. L.V. Sannikovo. M.: Statut, 2014. 383 s. (Aktual'nyj kommentarij).

5. Vitryanskij V.V., Em V.S., Kozlova N.V. i dr. Grazhdanskoe pravo: v 2 t. T. 2. Polutom 2: uchebnik. otv. red. prof. E.A. Suhanov. 2-e izd., pererab. i dop. M.: BEK, 2000. 544 s.

6. Federal'nyj zakon ot 28.06.2013 № 134-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti protivodejstviya nezakonnym finansovym operaciyam». Rezhim dostupa: SPS «Konsul'tant Plyus»

7. Federal'nyj zakon ot 28.12.2016 № 488-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii». Rezhim dostupa: SPS «Konsul'tant Plyus»

8. Postanovlenie Plenuma VS RF ot 24.03.2016 № 7 «O primenenii sudami nekotoryh polozhenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii ob otvetstvennosti za narushenie obyazatel'stv». Rezhim dostupa: SPS «Konsul'tant Plyus»

9. Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 01.02.2005 № 12158/04 po delu № А 32-22595/2003-15/481. Rezhim dostupa: SPS «Konsul'tant Plyus»

10. Budylin S.L. Vozmeshchenie poter'. Sem' primerov togo, kak sudy tolkuyut novuyu normu. Arbitrazhnaya praktika dlya yuristov. 2017. № 10. S. 68 – 77.

**К ВОПРОСУ О РОЛИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ОБЕСПЕЧЕНИИ
ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ОБЪЕКТАХ
ВОЗДУШНОГО ТРАНСПОРТА**

Матюхин О.И.,
Академия управления МВД России

Аннотация: в статье проводится анализ системы органов внутренних дел на транспорте как элемента системы обеспечения безопасности на транспорте, исследуются основные структурные компоненты управления. Эффективное функционирование социальной системы обусловлено его управлением, обеспечивающим согласованность и упорядоченность действий для достижения цели и выполнения поставленных задач. Органы внутренних дел на транспорте непосредственно осуществляет свою деятельность на объектах транспорта, задачи и функции которых обеспечить общественную безопасность на обслуживающих объектах.

В статье выявлено, что положения ряда нормативных-правовых актов, касающихся деятельности органов внутренних дел в сфере обеспечения безопасности на воздушном транспорте нуждаются в совершенствовании, дополнении и конкретизации.

Результаты исследования позволили рассмотреть роль органов внутренних дел на транспорте, как непосредственного субъекта в системе транспортной безопасности на объектах воздушного транспорта и аргументировать целесообразность сохранения единой самостоятельной вертикали в организационном построении.

Сделан обоснованный вывод, что организационная структура управления отражает объективную действительность общественных отношений в сфере безопасности на объектах транспорта и находится в постоянной динамики и развитии. Совершенствование организационного построения органов внутренних дел на непосредственно влияет на эффективность их работы и достижение определенного состояния защищенности граждан и объектов воздушного транспорта от преступных и иных противоправных посягательств.

Ключевые слова: воздушный транспорт, органы внутренних дел, безопасность, система, объекты обслуживания, досмотр, преступные посягательства, организационная структура

**ON THE ISSUE OF THE ROLE OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN ENSURING
TRANSPORT SECURITY AT AIR TRANSPORT FACILITIES**

Matyukhin O.I.,
Academy of Management of the Interior Ministry of Russia

Abstract: the article analyzes the system of internal affairs bodies in transport as an element of the transport security system, examines the main structural components of management. The effective functioning of the social system is conditioned by its management, which ensures consistency and ordering of actions to achieve the goal and fulfill the tasks set. The internal affairs bodies in transport directly carry out their activities at transport facilities, the tasks and functions of which are to ensure public safety at the serviced facilities.

The article reveals that the provisions of a number of normative legal acts concerning the activities of internal affairs bodies in the field of ensuring safety in air transport need to be improved, supplemented and specified.

The results of the study made it possible to consider the role of internal affairs bodies in transport as a direct subject in the transport security system at air transport facilities and to argue the expediency of maintaining a single independent vertical in the organizational structure.

A reasonable conclusion is made that the organizational structure of management reflects the objective reality of public relations in the field of safety at transport facilities and is in constant dynamics and development. The improvement of the organizational structure of the internal affairs bodies directly affects the effectiveness of their work and the achievement of a certain state of protection of citizens and air transport facilities from criminal and other illegal encroachments.

Keywords: air transport, internal affairs bodies, security, system, service facilities, inspection, criminal encroachments, organizational structure

Введение

Воздушный транспорт играет огромную роль в обеспечении национальных интересов России, в свою очередь безопасность транспортного комплекса зависит от эффективности реализации правоохранителях функций государства и определяется в том числе, конструктивным взаимодействием правоохранительных органов, организаций и общественных объединений, а также оптимальной организационной структурой системы безопасности [12].

Органы внутренних дел на транспорте (далее – ОВД на транспорте) – это социальная система, представляющая организованный коллектив, который выполняет определённые задачи, функции и компетенции [11, с. 32]. Также, это организационно самостоятельная система, созданная для обеспечения общественной безопасности, противодействия преступности и других правонарушений на объектах транспорта. Структурность является непременным условием существования системы и взаимоотношений как части и целого [13]. Структуру возможно определить, как внутреннюю форму построения системы, выражающую устойчивую взаимосвязь между элементами. Иными словами, структура – это упорядоченная совокупность устойчиво взаимосвязанных элементов, обеспечивающих функционирование и развитие системы как единого целого.

Так, при организации деятельности ОВД на транспорте каждое подразделение, входящее в его структуру, взаимообусловлено и осуществляя определенные функции действует самостоятельно и в тоже время взаимосвязано со всеми подразделениями, которые в совокупности представляют единое целое и обеспечивают достижение цели управления [14, с. 288-293].

Рассматривая ОВД на транспорте как систему функционирования в общей структуре МВД России можно выделить следующие составляющие ее элементы: субъект управления, система вертикальны и горизонтальных связей между элементами структуры; сотрудники, осуществляющие основную ролевую функцию; аппарат управления и применяемые методы и средства (организационные, правовые, административные, экономические и социальные, психологические). Эффективность функционирования системы зависит от согласованности и гармоничности всех элементов системы, в связи с чем совершенствование средств управления, организационных технологий, а также повышение значимости человеческих ресурсов способствует опережающему развитию в условиях динамично развивающейся внутренней и внешней среды.

Основная часть

Главным звеном системы управления ОВД на транспорте является Главное управление на транспорте Министерства внутренних дел Российской Федерации, в состав которого входят УТ по федеральным округам, управления, отделы, отделения и пункты полиции на железнодорожном, водном и воздушном транспорте [3]. Приказом МВД России от 30.06.2011 №760 утверждены схемы размещения и подчиненности территориальных органов МВД России, реализующих задачи и функции органов внутренних дел на транспорте [4].

Специфичность аэропортовых объектов состоит, в том, что на относительно небольшом пространстве осуществляют свою деятельность достаточно большое количество субъектов, определенных в ФЗ от 09.02.2007 №16-ФЗ «О транспортной безопасности» [1], полномочия которых содержатся в разных нормативно – правовых актах Российской Федерации.

В приказе МВД России от 28 марта 2015 г. №381 «Об организации взаимодействия территориальных органов МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте с иными территориальными органами МВД России и разграничении объектов оперативного обслуживания» [5] определены объекты воздушного транспорта, обслуживаемые ОВД на транспорте.

Согласно статьи 7.1. Воздушного кодекса Российской Федерации (далее – ВК РФ) к объектам воздушного транспорта относятся: аэродромы, вертодромы, обустроенные места для приводнения и причаливания воздушных судов, прочие объекты, необходимые для взлета, посадки, руления и стоянки воздушных судов; аэровокзалы (терминалы) и иные объекты, в том числе объекты капитального строительства, необходимые для посадки на воздушное судно и высадки из него пассажиров, погрузки, разгрузки и хранения грузов, перевозимых воздушным судном, обслуживания и обеспечения безопасности пассажиров и грузов; объекты единой системы организации воздушного движения; наземные объекты, необходимые для эксплуатации, содержания, строительства, реконструкции и ремонта аэропортов, аэродромов и вертодромов, подземные сооружения и инженерные коммуникации; здания, сооружения, расположенные на территориях аэропортов, аэродромов, вертодромов и предназначенные для обеспечения авиационной безопасности, оказания услуг, обеспечения государственного контроля (надзора) в области использования воздушного пространства [2].

Перечень объектов, указанных в вышеприведённых законодательных актах имеют некоторое различие, вместе с тем все они относятся именно к объектам транспортной инфраструктуры воздушного транспорта,

соответственно наблюдается несоответствие объектов обслуживания закрепленных за органами внутренних дел и фактически имеющимися. Вместе с тем, объекты, обозначенные в Воздушном Кодексе РФ подвержены различного рода угрозам, где также должны реализовываться правоохранительные функции.

Согласно ст. 85 ВК РФ в целях обеспечения безопасности пассажиров проводится предполётный и послеполётный досмотр граждан, багажа, их ручной клади, грузов, почты как в аэропорту, так и на воздушном судне. Предполётный и послеполётный досмотр осуществляется лицами служб авиационной безопасности, однако не исключается проведение такого досмотра сотрудниками полиции при осуществлении уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности. В соответствии с Законом «О полиции» сотрудники ОВД имеют право принимать участие в досмотре пассажиров, их ручной клади и багажа на железнодорожном, водном или воздушном транспорте. Однако, в законе «О полиции» не конкретизировано проведение других досмотров, как досмотр груза, почта и иных материальных объектов.

Таким образом, на объектах оперативного обслуживания органов внутренних дел на транспорте осуществляет свою деятельность, и служба авиационной безопасности (далее – САБ) и подразделения ведомственной охраны и другие организации, однако ОВД на транспорте не обеспечивают авиационную безопасность, а действуют в рамках ФЗ от 07.02.2011 №3-ФЗ «О полиции». В случае выявления правонарушений, либо обнаружении запрещенных предметов и веществ при проведении досмотра сотрудники САБ сообщают об этом сотрудникам органов внутренних дел, которые прибывают на место для пресечения противоправных действий. Специалисты группы досмотра авиационной безопасности могут привлекаться в качестве понятых и свидетелей.

В соответствии с правилами проведения предполетного и послеполетного досмотров [6], он проводится на всех внутренних и международных рейсах, выполняемых воздушными судами.

Так, на международных рейсах иностранных государств при осуществлении досмотровых или иных мероприятий в случае правонарушения, необходимо руководствоваться международными договорами, однако анализ норм национального законодательства различных государств позволяет сделать вывод о том, что они имеют отличия, как от положений международных договоров, так и друг от друга, соответственно наблюдается правовая неопределенность, и ситуация когда правоохранительные органы не проводят какие-либо процессуальные действия [10, с. 97-104].

В соответствии с пунктом 5 статьи 12 Федерального закона от 07.02.2011 г. №3-ФЗ «О полиции» полиция обеспечивает безопасность граждан в аэропортах и других общественных местах. Вместе с тем, видно, что к объектам, где осуществляется деятельность полиции, связанная с обеспечением безопасности граждан, относятся на только аэропорты, но и грузовые терминалы, взлетно-посадочные полосы, воздушное судно и др. В связи с чем, по мнению автора, необходимо внести изменения следующего содержания, изменить слово аэропорты на объектах инфраструктуры воздушного транспорта.

Необходимо отметить, что приказом МВД России от 29.08.2020 г. №592 к объектам оперативного обслуживания ОВД на транспорте дополнительно отнесены и привокзальные площади, что потребовало перераспределение сил и средств, а также изменения подходов к организации деятельности подразделений ОВД на транспорте.

Говоря об ОВД на транспорте как о социальной системе следует напомнить, что на протяжении нескольких лет периодически не только обсуждаются вопросы, но и происходит ее реформирование. Так, в соответствии с Указом Президента РФ от 18.02.2010 №208 «О некоторых мерах по реформированию Министерства внутренних дел Российской Федерации» на базе 20 управлений внутренних дел на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, обслуживающие 17 железных дорог России, образованы 8 управлений на транспорте Министерства внутренних дел Российской Федерации по ФО. ДОПТ МВД России преобразован в ГУТ МВД России на транспорте. В 2017 году в УТ ликвидированы оперативно-поисковые и специально-технические службы, передав их в территориальные органы МВД России, а далее указом Президента России от 13.07.2020 г. №457 из структуры управлений МВД России на транспорте подразделение оперативно-разыскной информации исключено и передано в Бюро специальных технических мероприятий МВД России. В 2020 году приказом МВД России от 24.08.2020 №592 территориальные органы МВД на транспорте (линейные управления, отделы) перешли в оперативное подчинение руководителей территориальных органов МВД России на региональном уровне по месту их дислокации.

Тем не менее, обеспечения транспортной безопасности в России по-прежнему остаются актуальными, и как отметил на межведомственном совещании заместитель Председателя Совета Безопасности Российской Федерации Д.А. Медведев – «государство в последние годы выстроило достаточно эффективную систему ее защиты от незаконных вмешательств, что позволило значительно сократить их количество, однако динамичное развитие транспортного комплекса требует от профильных органов власти вывести эту работу на

еще более эффективный уровень и усилить защиту транспортной инфраструктуры от преступных посягательств» [7].

Реорганизация системы ГУТ МВД России неизменно влечет изменение организационной структуры, что в свою очередь требует, чтобы данные изменения не оказали негативного влияния в реализации правоохранительных функций на объектах транспортного комплекса.

Заключение, выводы

Подводя итог вышесказанному можно сделать вывод, что необходимым условием успешного функционирования организационной структуры системы МВД России является ее способность к оптимальному соответствию и адекватному реагированию в условиях изменения внешних и внутренних факторов с учетом прямых и обратных связей [9, с. 54-60].

Эффективность функционирования ОВД на транспорте зависит от согласованности действий его подсистем, связующими элементами которых служат звенья управления, уровни управления и масштаб управляемости. Основные характеристики организационной структуры ГУТ МВД России можно обозначить двумя группами: 1) характеристики иерархии; 2) характеристики качества функционирования [15, с. 68-73].

Организационная структура непосредственно определена задачами в соответствии с иерархическим построением и представлена определённых уровнях (окружном, межрегиональном и районном) которые отражают целостность системы, место территориального органа, и ступени управления должностных лиц (например, начальник отдела, начальник полиции, заместитель начальника полиции по оперативной работе, начальник отделения уголовного розыска, старший оперуполномоченный). С одной стороны, чем ступеней больше, тем выше возможностей у вышестоящего руководителя для решение приоритетных вопросов, с другой стороны может затруднять прохождение информации и приводить к искажению ее содержания.

Сложность системы управления в данном случае в организационно структурном построении включает также такие составляющие как схема связности, то есть способ которым подсистемы объединяются в единое целое, многообразие компонентов, число связей и сила взаимодействия.

Таким образом, эффективность функционирования каждого линоргана зависит от согласованности действий всех подразделений, соблюдения принципов системы, взаимных связей руководства и подчинения, эффективного использования средств, а также оптимального определения штатной численности с учетом специфики деятельности.

Также, повышение эффективности деятельности ОВД на транспорте во многом достигается совершенствованием структуры управления, а также правильно сформированных взаимосвязей между процессами управления и организационными структурами.

В структурном построении органов внутренних дел в основном применяется линейно-функциональный тип организационной структуры управления, при котором функциональные субъекты управления (заместители начальника) отдают распоряжения и указания объектам только через субъекта управления (начальника территориального органа). В данном случае на более квалифицированном уровне разрабатываются проекты управленческих решений и право их принятия остается у руководителя, что обеспечивает принцип единонаучания. Руководители функциональных подразделений соответственно имеют право отдавать распоряжения и указания подчиненным подразделениям, обязательные для исполнения.

В системе ОВД применяется и программно-целевой тип организационных структур для решения сложным проблем борьбы с преступностью путем сосредоточения управленческого воздействия, комплексного и рационального использования сил и средств. Особенность применения программно-целевого управления заключается в наличии конкретной обозначенной цели, изменение или формирование новой организационной структуры, определение сроков, руководителей и исполнителей комплекса мероприятий, соответствующее ресурсное обеспечение. Формы реализации программно-целевого управления отражаются в целевых (комплексных) программах по борьбе с конкретными видами преступлений, в планах комплексных оперативно-профилактических мероприятия (операций), в планах обеспечения общественного порядка и безопасности [8, с. 79-84]. Таким образом, применение программно-целевого метода при сочетании других методов управления, позволит эффективнее решать поставленные задачи правоохранительной деятельности в решении комплексных проблем обеспечения безопасности на транспорте.

Литература

1. Федеральный закон «О транспортной безопасности» от 09.02.2007 № 16-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66069/ (дата обращения: 02.10.2021)
2. «Воздушный кодекс Российской Федерации» от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 02.07.2021) [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13744/ (дата обращения: 02.10.2021)
3. Приказ МВД России от 16 июня 2011 г. № 680 «Об утверждении Положения о Главном управлении на транспорте Министерства внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Glavnje_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_na_transporte/Polozhenie (дата обращения: 02.10.2021)
4. Приказ МВД России от 30 июня 2011 г. № 760 «Об утверждении схем размещения и подчиненности территориальных органов МВД России, реализующих задачи и функции органов внутренних дел на транспорте» [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://view.officeapps.live.com/> (дата обращения: 02.10.2021)
5. Приказ МВД России от 28 марта 2015 г. № 381 «Об организации взаимодействия территориальных органов МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте с иными территориальными органами МВД России и разграничении объектов оперативного обслуживания» [Электронный ресурс] СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://view.officeapps.live.com/> (дата обращения: 02.10.2021)
6. Приказ Минтранса РФ от 25 июля 2007 г. № 104 «Об утверждении Правил проведения предполетного и послеполетного досмотров» [Электронный ресурс] СПС «Гарант» URL: <https://base.garant.ru/191660/> (дата обращения: 02.10.2021)
7. См. Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации «Совещание по вопросу обеспечения транспортной безопасности» [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/2843/> (дата обращения: 02.10.2021)
8. Власов Б.Е. Программно-целевое управление в деятельности органов внутренних дел: теория и реальность // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 2 (18). С. 79 – 84.
9. Жаглин А.В. Система управления органов внутренних дел: общая характеристика // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. №. 1. С. 54 – 60.
10. Конюхова А.С. Правонарушения на воздушном транспорте и юрисдикция государств: компаративистский аспект // Евразийская адвокатура. 2016. № 5 (24). С. 97 – 104.
11. Михайлов В.Л. Некоторые вопросы управления коллективом сотрудников органов внутренних дел: проблемы и пути их решения // Проблемы правоохранительной деятельности. 2019. № 2. С. 32.
12. Пестов Н.Н., Кирюхин В.В., Янченко И.Л. Обеспечение органами внутренних дел правопорядка на транспорте: исторические, правовые и организационные аспекты: монография. М., 2019. С. 51.
13. Силич В.А., Силич М.П. Теория систем и системный анализ: учебное пособие / Национальный исследовательский Томский политехнический университет. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2011. 276 с.
14. Сосновская Ю.Н. Основы построения систем организационного управления. Органы внутренних дел, как социальная правоохранительная система – организация // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 288 – 293.
15. Ульянов А.Д., Жаглин А.В. Содержание механизма управления в органах внутренних дел // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 3. С. 68 – 73.

References

1. Federal'nyj zakon «O transportnoj bezopasnosti» ot 09.02.2007 № 16-FZ (poslednyaya redakciya) [Elktronnyj resurs] SPS «Konsul'tantPlyus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66069/ (data obrashcheniya: 02.10.2021)
2. «Vozdushnyj kodeks Rossijskoj Federacii» ot 19.03.1997 № 60-FZ (red. ot 02.07.2021) [Elktronnyj resurs] SPS «Konsul'tantPlyus». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13744/ (data obrashcheniya: 02.10.2021)
3. Prikaz MVD Rossii ot 16 iyunya 2011 g. № 680 «Ob utverzhdenii Polozheniya o Glavnom upravlenii na transporte Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii» [Elktronnyj resurs]. Rezhim dostupa URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Glavnje_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_na_transporte/Polozhenie (data obrashcheniya: 02.10.2021)

4. Prikaz MVD Rossii ot 30 iyunya 2011 g. № 760 «Ob utverzhdennii skhem razmeshcheniya i podchinennosti territorial'nyh organov MVD Rossii, realizuyushchih zadachi i funkciyu organov vnutrennih del na transporte» [Elektronnyj resurs] SPS «Konsul'tantPlyus». URL: [https://view.officeapps.live.com/\(data obrashcheniya: 02.10.2021\)](https://view.officeapps.live.com/(data obrashcheniya: 02.10.2021))
5. Prikaz MVD Rossii ot 28 marta 2015 g. № 381 «Ob organizacii vzaimodejstviya territorial'nyh organov MVD Rossii na zhelezodorozhnom, vodnom i vozдушном transporte s inymi territori-al'nyimi organami MVD Rossii i razgranichenii ob"ektov operativnogo obsluzhivaniya» [Elektron-nyj resurs] SPS «Konsul'tantPlyus». URL: [https://view.officeapps.live.com/\(data obrashcheniya: 02.10.2021\)](https://view.officeapps.live.com/(data obrashcheniya: 02.10.2021))
6. Prikaz Mintransa RF ot 25 iyulya 2007 g. № 104 «Ob utverzhdennii Pravil provedeniya predpoletnogo i poslepoletnogo dosmotrov» [Elektronnyj resurs] SPS «Garant» URL: <https://base.garant.ru/191660/> (data obrashcheniya: 02.10.2021)
7. Sm. Oficial'nyj sajt Soveta Bezopasnosti Rossijskoj Federacii «Soveshchanie po voprosu obespecheniya transportnoj bezopasnosti» [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. URL: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/2843/> (data obrashcheniya: 02.10.2021)
8. Vlasov B.E. Programmno-celevoe upravlenie v deyatel'nosti organov vnutrennih del: teoriya i real'nost'. Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2011. № 2 (18). S. 79 – 84.
9. ZHaglin A.V. Sistema upravleniya organov vnutrennih del: obshchaya harakteristika. Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2012. №. 1. S. 54 – 60.
10. Konyuhova A.S. Pravonarusheniya na vozдушnom transporte i yurisdikciya gosudarstv: komparativistskij aspect. Evrazijskaya advokatura. 2016. № 5 (24). S. 97 – 104.
11. Mihajlikov V.L. Nekotorye voprosy upravleniya kollektivom sotrudnikov organov vnutrennih del: problemy i puti ih resheniya. Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. 2019. № 2. S. 32.
12. Pestov N.N., Kiryuhin V.V., YAnchenko I.L. Obespechenie organami vnutrennih del pravoporyadka na transporte: istoricheskie, pravovye i organizacionnye aspekty: monografiya. M., 2019. S. 51.
13. Silich V.A., Silich M.P. Teoriya sistem i sistemnyj analiz: uchebnoe posobie. Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij politekhnicheskij universitet. Tomsk: Izd-vo Tomskogo politekhnichesko-go universiteta, 2011. 276 s.
14. Sosnovskaya YU.N. Osnovy postroeniya sistem organizacionnogo upravleniya. Organy vnutren-nih del, kak social'naya pravoohranitel'naya sistema – organizaciya. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2014. № 10. S. 288 – 293.
15. Ul'yanov A.D., ZHaglin A.V. Soderzhanie mekhanizma upravleniya v organah vnutrennih del. Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2010. № 3. S. 68 – 73.

СОБИРАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ АДВОКАТОМ-ЗАЩИТНИКОМ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ С ПОМОЩЬЮ ЧАСТНОГО ДЕТЕКТИВА

Нарядчиков В.Н., преподаватель, адвокат,
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарева,
Адвокатская палата Республики Мордовия

Аннотация: в настоящей статье рассматривается вопрос о возможности осуществления адвокатом-защитником сбора доказательств по уголовным делам с помощью частного детектива. На основе комплексного анализа зарубежного и национального законодательства, практики его применения, выявляются причины, препятствующие эффективному привлечению адвокатами-защитниками частных детективов в практике уголовной защиты. На основе указанного, автором делается попытка определить условия, при которых имеется целесообразность привлечения частных детективов для сбора доказательств по уголовным делам, а также предлагается ряд рекомендаций, касающихся вопросов взаимодействия адвокатов-защитников с частными детективами в рассматриваемом вопросе.

На основе уголовно-процессуального законодательства и законодательства о частной детективной деятельности рассматриваются условия, обеспечивающие допустимость сведений, полученных детективом в качестве доказательств по уголовным делам. Данные условия позволяют в дальнейшем сформировать проект дополнений в уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующих порядок привлечения защитниками и иными участниками уголовного судопроизводства частных детективов для сбора сведений, имеющих значение для уголовного дела, права и обязанности участников данных отношений, форму фиксации получаемых таким образом сведений и порядок их представления органу, в чьем производстве находится уголовное дело.

Ключевые слова: адвокат-защитник, собирание доказательств, частный детектив, представление доказательств, договор об оказании сыскных услуг, сбор сведений по уголовным делам

COLLECTION OF EVIDENCE BY A CRIMINAL LAWYER WITH THE HELP OF A PRIVATE DETECTIVE

Naryadchikov V.N., Lecturer,
National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev,
Bar Association of the Republic of Mordovia

Abstract: this article examines the issue of the possibility of a defense lawyer collecting evidence in criminal cases with the help of a private detective. On the basis of a comprehensive analysis of foreign and national legislation, the practice of its application, the author identifies the reasons that prevent the effective involvement of private detectives by defense lawyers in the practice of criminal defense. Based on the above, the author makes an attempt to determine the conditions under which it is advisable to attract private detectives to collect evidence in criminal cases, and also offers a number of recommendations regarding the interaction of defense lawyers with private detectives in this issue.

On the basis of criminal procedural legislation and legislation on private detective activity, conditions are considered that ensure the admissibility of information obtained by a detective as evidence in criminal cases. These conditions will make it possible in the future to formulate a draft amendment to the criminal procedural legislation regulating the procedure for attracting private detectives by defenders and other participants in criminal proceedings to collect information relevant to a criminal case, the rights and obligations of the participants in these relations, the form of recording the information obtained in this way and the procedure their submission to the body in whose proceedings the criminal case is located.

Keywords: defense lawyer, collection of evidence, private detective, presentation of evidence, contract for the provision of detective services, collection of information on criminal cases

В юридической литературе при рассмотрении вопроса о праве защитника по уголовному делу собирать доказательства, некоторые авторы в качестве одного из способов получения защитником сведений, необходимых для стороны защиты, указывают на возможность привлечения последним частного детектива [1, с. 36].

Законодатель, регламентируя право защитника на собирание доказательств в ч. 3 ст. 86 УПК РФ не указал на возможность собирания им доказательств с помощью частного детектива. Однако, учитывая положение п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, согласно которому защитник вправе использовать иные, не запрещенные УПК РФ средства и способы защиты, представляется, что защитник вполне правомочен осуществлять вышеуказанные действия.

В ходе исследования зарубежного уголовно-процессуального законодательства, прямое указание относительно использования защитником частного детектива для сбора доказательств обнаружено в п. 1 ч. 2 ст. 54 УПК Республики Кыргызстан, согласно которому защитник имеет право «собирать и представлять материалы по делу,..., лично или с использованием частного детектива в соответствии с законом...» [2].

Закон «Об уголовном процессе» Республики Корея [3]. не закрепляет возможность защитника осуществлять отыскание и сбор доказательств какими-либо определенными законом способами, однако ст. 36 Закона об адвокатуре прямо запрещает адвокату вовлечение в такую деятельность сотрудников детективных агентств и государственных органов. Но оговоркой является не распространение данного запрета на возможность ходатайствовать защитнику «о допросе указанных сотрудников в качестве свидетелей, если они не занимались самостоятельным собиранием доказательств по соглашению (просьбе) с адвокатом (данное условие распространяется и на случаи, когда сотрудники детективных агентств или государственных органов занимались собиранием доказательственно-значимой информации по просьбе лиц, аффилированных с защитником)» [4, с. 144]. Таким образом законодатель данной страны ограничил возможность защитнику в уголовном судопроизводстве осуществлять сбор сведений с помощью частного детектива.

На наш взгляд, обеспеченная правом возможность участников со стороны защиты по уголовному делу привлекать частного детектива для сбора сведений, имеющих значение для дела, способствует обеспечению права подозреваемого, обвиняемого на защиту.

В тоже время, данный вопрос по большей части лишь поверхностно рассматривается в юридических публикациях, которые также не многочисленны, что косвенно свидетельствует о нераспространённости соответствующей практики привлечения адвокатами-защитниками частных детективов в целях сбора доказательственной информации по уголовных делам. По этой причине нам представляется значимым в рамках настоящей статьи исследовать проблематику привлечения адвокатами-защитниками частных детективов, круг возможных действий, услуг, которыми возможно воспользоваться, препятствия, не позволяющие активнее привлекать частных детективов для сбора доказательственных сведений по уголовному делу.

Первым проблемным моментом для адвоката-защитника, пришедшему к необходимости отыскания необходимой для стороны защиты информации по делу и согласовавшему данный вопрос со своим подзащитным, является поиск, выбор конкретного частного детектива. Здесь кроется первая и довольно существенная трудность.

Частная детективная деятельность в Российской Федерации регулируется Законом РФ «О частной детективной и охранной деятельности» от 11.03.1992 г. №2487-1. Согласно п. 4 ст. 1.1 данного закона, частным детективом является гражданин Российской Федерации, зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя, получивший в установленном законом порядке лицензию на осуществление частной детективной (сыскной) деятельности и оказывающий услуги, предусмотренные ч. 2 ст. 3 указанного закона. Таким образом, в случае решения защитника (стороны защиты) об обращении к частному детективу, необходимо учитывать все указанные обстоятельства, чтобы выбранное лицо соответствовало всем перечисленным требованиям. В юридической литературе [5, с. 9], в средствах массовой информации содержатся [6] частные упоминания о лицах и организациях, позиционирующих себя в качестве частных детективов, «детективных агентств», когда в действительности данные субъекты таковыми не являются, не имеют соответствующей лицензии, полученной в установленном законе порядке. Кроме того, указанными лицами могут использоваться подложные документы и иные сведения.

Уполномоченными по выдаче лицензий на право осуществления частной детективной деятельности и контролю за зарегистрированными частными детективами в настоящее время являются органы Федеральной службы войск Национальной гвардии Российской Федерации. Законом РФ «О частной детективной и охранной деятельности» от 11.03.1992 г. №2487-1 в ст. 6 предусматривает ряд требований для получения лицом лицензии на право занятия частной детективной деятельностью, в числе которых достижение возраста двадцати одного года, отсутствие на учете в органе здравоохранения по поводу психического заболе-

вания, алкоголизма или наркомании, отсутствие судимости за совершение умышленного преступления и обширный ряд иных требований.

Таким образом, адвокату-защитнику, как и любому лицу, который обращается к частному детективу, целесообразно и даже необходимо убедиться в действительном статусе такового, ознакомившись с его лицензией и произведя определенные проверочные действия. Наиболее действенным на наш взгляд является проверка наличия данных о предполагаемом частном детективе в соответствующем реестре частных детективов.

Чтобы убедиться о наличии у конкретного лица действительной лицензии на право осуществления частной детективной деятельности, необходимо ознакомиться с реестром частных детективов на официальном сайте регионального управления федеральной службы войск национальной гвардии. Согласно п. 5 Правил ведения реестров лицензий на осуществление частной детективной и охранной деятельности и предоставления сведений из них, «информация, содержащаяся в реестрах лицензий, является открытой и подлежащей размещению на сайте лицензирующего органа в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет...» [7].

В случае отсутствия данного реестра на официальном сайте указанного органа, необходимо направить соответствующий запрос о предоставлении выписки о лицензированных частных детективах по конкретному субъекту Российской Федерации. То же целесообразно выполнить на этапе, когда необходимо отыскать того или иного частного детектива.

Другой проблемой, препятствующей поиску необходимой для защиты информации с помощью частного детектива, при условии согласования данного решения с подзащитным и наличии материальной возможности, является банальное отсутствие в определенных регионах частных детективов, либо их малочисленность. К примеру, согласно сведениям с официального сайта Управления Федеральной службы войск национальной гвардии по Кировской области, в реестре содержатся указания лишь о трех лицензированных частных детективах [8]. Согласно ответу от Управления Федеральной службы войск национальной гвардии по Республике Мордовия, датированному 09.07.2021 г., на запрос автора статьи, в реестре имеются сведения только об одном частном детективе.

Определившись в выборе частного детектива, у адвоката-защитника возникает ряд иных вопросов. Согласно ст. 9 Закона «О частной детективной и охранной деятельности» от 11.03.1992 г. №2487-1, частный детектив обязан заключить с каждым из своих заказчиков договор на оказание сыскных услуг в письменной форме, в котором должны быть отражены сведения о договаривающихся сторонах, в том числе номер и дата выдачи лицензии, вид и содержание оказываемых услуг, срок их оказания, стоимость услуг или порядок ее определения. Кроме того, указывается, что Договор на оказание сыскных услуг и акт о выполнении работ подлежат хранению в течение пяти лет. А из п. 13 Приказа Федеральной службы войск национальной гвардии РФ от 30 ноября 2019 г. №394 вытекает, что должностные лица, осуществляющие мероприятия по государственному контролю (надзору) за деятельностью частных детективов среди прочего вправе требовать предоставления для ознакомления от частных детективов заключаемых ими договоров на оказание сыскных услуг с каждым заказчиком и акты об их выполнении.

Таким образом, сведения, получаемые частным детективом в ходе оказания сыскных услуг своим заказчикам не являются сведениями, относимыми законодательством к категории ограниченного доступа, а наоборот, могут быть доступны контролирующим органам. Это в свою очередь может создавать определенные опасения для адвоката-защитника и его доверителя при условии получения сведений частным детективом, которые могут неблагоприятно повлиять на положение подозреваемого, обвиняемого по уголовному делу. Ценность получения сведений стороной защиты самостоятельно, без помощи властных участников уголовного судопроизводства и состоит в возможности предварительной, самостоятельной оценки полученных сведений и последующего обдуманного решения о внедрении их в уголовное дело либо в отказе от такового, если есть риск негативного влияния для судьбы подзащитного. В рассмотренных же условиях адвокат-защитник и его доверитель не могут быть уверены в скрытности полученных частным детективом полученных сведений. В случае же не отображения частным детективом в составляемом акте выполненных работ определенных сведений, возможно привлечение его к ответственности при обнаружении данных фактов.

Кроме того, следует учитывать требование п. 1 ст. 7 «О частной детективной и охранной деятельности» от 11.03.1992 г. №2487-1, согласно которому частном детективам запрещается скрывать от правоохранительных органов ставшие им известные факты о готовящихся, совершаемых или совершенных преступлениях. Именно это требование закона во многом блокирует активное привлечение частных детективов для сбора сведений по уголовным делам. Очевидно, что на частных детективах на общих основаниях будут распространяться положения ст. 205.6 УК РФ за несообщение о преступлениях, перечень которых указан в

данной статье и ст. 316 УК РФ за укрывательство преступлений. В остальном непонятным становится запрет частным детективам скрывать ставшие им известные факты о преступлениях.

Наличие рассматриваемого барьера установленного законодателем, вынуждает адвокатское сообщество прибегать к приемам по его обходу. Так Ю.Н. Новолодский, негативно оценивающий возложение на частного детектива данной обязанности, озвучил возможность привлечения частных детективов, при наличии у них юридического образования в качестве помощников адвокатов по смыслу ст. 27 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. №63-ФЗ и в таком статусе привлекать их для работы по сбору доказательств, не афишируя статус частного детектива [9, с. 39]. Такой подход вызывает ряд вопросов, в частности об оплате деятельности такого лица, однако само наличие таких предложений говорит о препятствующей роли установленного законодателем ограничения в сфере более распространенного и эффективного привлечения защитой частных детективов.

Таким образом, результаты работы частного детектива на обладают режимом конфиденциальности, что в определенной степени создает угрозу интересам подзащитного, более того, частный детектив может сообщить правоохранительным органам обнаруженные им сведения о возможных признаках эпизодов преступной деятельности доверителя адвоката-защитника. В результате, обращение к частному детективу в целях отыскания сведений, благоприятствующих для защиты по уголовному делу, может напротив принести существенный вред. В данном случае будет иметь явно неквалифицированное оказание юридической помощи с вероятной перспективой дисциплинарной ответственности адвоката.

По этой причине полагаем адвокату-защитнику предпринимать ряд мер, чтобы обезопасить себя и свое-го доверителя от нежелательных последствий. Обращение к частному детективу может иметь место только при наличии необходимости, когда есть перспектива отыскания сведений, способных положительно повлиять для подзащитного и которые сложно отыскать самостоятельно в силу отсутствия времени, средств и знаний, требующихся для поиска соответствующей информации. Данное решение должно быть отдельно и конкретно согласовано с подзащитным, не смотря на возможные условия соглашения об оказании юридической помощи, по которым защитнику предоставляются материальные средства на возмещение затрат и привлечение иных лиц в ходе осуществления защиты. Острым моментом является определение того, целесообразно ли самому адвокату-защитнику заключать договор с частным детективом на получение сыскных услуг. Представляется, что будет разумно самому доверителю заключать подобные соглашения, либо его близкими родственниками, родственниками или иными лицами. В случаях же, когда такое невозможно, полагаем адвокату-защитнику до заключения договора с частным детективом целесообразно получить от подзащитного соответствующее письменное согласие, в котором последний подтвердит свое согласие на привлечение частного детектива, а также будет разумным указать в данном документе перечень конкретных услуг, которые потребуются от частного детектива, круг сведений, которые предстоит отыскать, что также поддерживают некоторые авторы [10, с. 148]. Данный документ следует хранить в рамках адвокатского производства.

В целом с учетом вышеперечисленных проблемных моментов, препятствующим активному привлечению частных детективов для сбора сведений по уголовному делу адвокатами-защитниками и их доверителями, последние редко прибегают к такому способу отыскания необходимой информации. В тоже время, объективная причина крайне редкого обращения адвокатов в целом за помощью к частным детективам вызвана, как отмечают Манова Н.С. и Чурикова А.Ю. в связи с «высокой стоимостью услуг частных детективов, в то время как многие адвокаты представляют интересы подзащитного по назначению, и оплатить работу частного детектива у него нет возможностей» [11, с. 64-65]. По результатам произведенного данными авторами опроса адвокатов по проблематике адвокатского расследования, лишь 6,9% опрошенных обращались за помощью к частным детективам [11, с. 64-65]. Схожие данные приводит Рагулин А.В., согласно результатам исследования которого, из 500 опрошенных адвокатов-защитников обращались к частным детективам и использовали результаты частной детективной деятельности в доказывании по уголовным делам лишь 4% респондентов [12, с. 57].

Тем не менее, в рамках действующего законодательства необходимо определить процессуальный порядок получения и внедрения адвокатом-защитником в уголовное дело сведений, полученных с помощью частного детектива. Представляется, что в целях недопущения дачи повода органам предварительного расследования или суду отказать в приобщении полученных таким путем сведений, необходимо проконтролировать адвокату-защитнику выполнение частным детективом требования п. 7 ч. 1 ст. 3 Закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» от 11.03.1992 г. №2487-1, согласно которому «в течение суток с момента заключения контракта с клиентом на сбор таких сведений частный детектив обязан письменно уведомить об этом лицо, производящее дознание, следователя или суд, в чем производстве находится уголовное дело». При чем полагаем необходимым осуществить

такое письменное уведомление, которое в последующем возможно подтвердить, что обеспечит нахождение такого уведомления в материалах уголовного дела. Возможное требование правопримениеля предоставить копию договора об оказании сыскных услуг считаем необоснованным, поскольку таковое не предусмотрено законом, в силу чего адвокату-защитнику целесообразно сделать соответствующее мотивированное заявление должностному лицу с указанием на незаконность указанного требования.

Проблемным вопросом является форма документирования полученных частным детективом сведений. В этой связи стоит отметить схожесть деятельности адвокатов, частных детективов и лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность по сбору сведений, поскольку законодатель не регламентирует форму и порядок фиксации результатов данных видов деятельности.

Ст. 5 Закона «О частной детективной и охранной деятельности» от 11.03.1992 г. №2487-1 содержит указание на способы получения сведений частным детективом, среди которых допускаются устный опрос граждан и должностных лиц (с их согласия), наведение справок, изучение предметов и документов (с письменного согласия их владельцев), внешний осмотр строений, помещений и других объектов, наблюдение для получения необходимой информации в целях оказания услуг, перечисленных в части первой статьи 3 настоящего Закона, т.е. в том числе и для сбора сведений по уголовным делам на договорной основе с участниками процесса.

Однако в указанном законе отсутствует регламентация порядка фиксации полученных результатов по итогу осуществления данных действий. В.Г. Семенов рассматривая данную проблему, опираясь на исследование материалов детективных организаций и частных детективов – индивидуальных предпринимателей, считает наиболее предпочтительной обличать полученные частным детективом сведения в ходе опросов лиц, наведения справок, изучения предметов и документов, внешнего осмотра строений, помещений и других объектов и наблюдения в виде справок, в которых необходимо отражать содержание полученных сведений [13, с. 82-83]. Не погружаясь глубоко в данный вопрос, полагаем, что документирование результатов деятельности частного детектива в целом должно отвечать требованиям достоверного отражения информации, полноте ее отражения и указания источников получаемых сведений, позволяющих в дальнейшем подвергнуть проверке полученные сведения. Кроме того, в ходе получения сведений частный детектив должен соблюдать требования ст. 7 Закона «О частной детективной и охранной деятельности» от 11.03.1992 г. №2487-1.

С учетом вышесказанного считаем привлечение адвокатам защитником (стороной защиты) частного детектива отдельным способом собирания доказательств адвокатом-защитником. Способ опосредованный, поскольку непосредственным субъектом, отыскивающим сведения и производящем их фиксацию, является частный детектив. В тоже время, в целях получения сведений, имеющих значение для уголовного дела и возможно благоприятствующих защите с возможностью их дальнейшего использования в доказывании по уголовному делу, адвокату-защитнику необходимо проконтролировать заключения договора на оказания сыскных услуг с частным детективом, имеющим действующую лицензию на осуществление данной деятельности с соблюдением условий, предусмотренных ст. 9 Закона «О частной детективной и охранной деятельности» от 11.03.1992 г. №2487-1. Кроме того, полагаем целесообразным адвокату-защитнику координировать действия частного детектива, согласовывать с ним вопросы, связанные со сбором сведений последним в русле получения сведений в тех рамках, которые потом позволят внедрить полученные сведения в качестве доказательств в материалы уголовного дела.

Считаем необходимым закрепить в тексте уголовно-процессуального законодательства право защитника осуществлять сбор сведений с помощью частного детектива, что в некоторой мере создаст условия для функционирования данного института и его дальнейшего развития.

Литература

1. Хлюстов П.В., Гуров А.А. Адвокатское расследование по экономическим преступлениям. Практика и рекомендации // Уголовный процесс. 2020. № 9. С. 32 – 41.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 02 февраля 2017 г. № 20 (по сост. на 22.07.2021). Url.: <http://continent-online.com/ContentPagesContinent/fullsearch.aspx#country=KG>
3. Об уголовном процессе: закон Республики Корея (Закон № 341 от 23.09.1954 г. с последними изменениями, внесенными законом № 9765 от 06.06.2009 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/497898>
4. Сумин А.А., Химичева О.В. Введение в уголовный процесс Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Корея: монография. М. 272 с.
5. Ефремов И.А. Все ли могут адвокаты и детективы: юридические и практические вопросы адвокатских и детективных расследований // Мировой судья. 2006, № 8. С. 6 – 11.

6. Url.: <http://glagolurfo.com/newsitems/2019/11/12/detektiv1/>
7. «Правила ведения реестра лицензий на осуществление частной детективной и частной охранной деятельности и предоставления сведений из них» / утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 июня 2011 г. № 498 «О некоторых вопросах осуществления частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности» (в ред. от 23.12.2020) // СПС КонсультантПлюс
8. Url.: <https://43.rosguard.gov.ru/Page/Index/reestry-vydannyx-licenziy>
9. Новолодский Ю.Н. Подготовка к судебному разбирательству уголовных дел. СПб. 2018. 80 с.
10. Милованова М.М. Некоторые проблемы собирания доказательств лицом, осуществляющим частную детективную деятельность // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 5. С. 143 – 151.
11. Манова Н.С., Чурикова А.Ю. Как сделать адвокатское расследование эффективным средством доказывания // Уголовный процесс. 2020. № 9. С. 62 – 69.
12. Рагулин А.В. Регламентация права адвоката-защитника совершать иные действия, не противоречащие законодательству Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2013. № 3. С. 57 – 63.
13. Семенов В.Г. Деятельность частного детектива по защите интересов участников уголовного судопроизводства. М., 2008. 288 с.

References

1. Hlyustov P.V., Gurov A.A. Advokatskoe rassledovanie po ekonomiceskim prestupleniyam. Praktika i rekomendacii. Ugolovnyj process. 2020. № 9. S. 32 – 41.
2. Ugolovno-processual'nyj kodeks Kyrgyzkoj Respubliki ot 02 fevralya 2017 g. № 20 (po sost. na 22.07.2021). Url.: <http://continent-online.com/ContentPagesContinent/fullsearch.aspx#country=KG>
3. Ob ugolovnom processe: zakon Respubliki Koreya (Zakon № 341 ot 23.09.1954 g. s poslednimi izmeneniyami, vnesennymi zakonom № 9765 ot 06.06.2009 g.) [Elektronnyj resurs]. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/497898>
4. Sumin A.A., Himicheva O.V. Vvedenie v ugolovnyj process Korejskoj Narodno-Demokraticeskoj Respubliki i Respubliki Koreya: monografiya. M. 272 s.
5. Efremov I.A. Vse li mogut advokaty i detektivy: yuridicheskie i prakticheskie voprosy advokatskih i detektivnyh rassledovanij. Mirovoj sud'ya. 2006, № 8. S. 6 – 11.
6. Url.: <http://glagolurfo.com/newsitems/2019/11/12/detektiv1/>
7. «Pravila vedeniya reestra licenziy na osushchestvlenie chastnoj detektivnoj i chastnoj ohrannoj deyatel'nosti i predostavleniya svedenij iz nih». utverzhden Postanovleniem Pravitel'stva Ros-sijskoj Federacii ot 23 iyunya 2011 g. № 498 «O nekotoryh voprosah osushchestvleniya chastnoj detektivnoj (sysknoj) i chastnoj ohrannoj deyatel'nosti» (v red. ot 23.12.2020). SPS Konsul'tantPlyus
8. Url.: <https://43.rosguard.gov.ru/Page/Index/reestry-vydannyx-licenziy>
9. Novolodskij Yu.N. Podgotovka k sudebnomu razbiratel'stu ugolovnyh del. SPb. 2018. 80 s.
10. Milovanova M.M. Nekotorye problemy sobiraniya dokazatel'stv licom, osushchestvlyayushchim chastnyu detektivnuyu deyatel'nost'. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). 2017. № 5. S. 143 – 151.
11. Manova N.S., CHurikova A.YU. Kak sdelat' advokatskoe rassledovanie effektivnym sredstvom dokazyvaniya. Ugolovnyj process. 2020. № 9. S. 62 – 69.
12. Ragulin A.V. Reglamentaciya prava advokata-zashchitnika sovershat' inye dejstviya, ne protivorechashchie zakonodatel'stu Rossijskoj Federacii. Evrazijskaya advokatura. 2013. № 3. S. 57 – 63.
13. Semenov V.G. Deyatel'nost' chastnogo detekтиva po zashchite interesov uchastnikov ugolovnogo sudoprovodstva. M., 2008. 288 s.